

У ПОБЕДЫ НАШИ ЛИЦА

СОЗДАТЕЛЬ, ИДЕЙНЫЙ ВДОХНОВИТЕЛЬ

Алексей Невьянцев

www.nevyantsev.ru

vk.com/nevyantsev_aleksey

ok.ru/nevyantsev

https://www.youtube.com/channel/UCk1fvj0v4lcc3dVc_OMTmTg

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валентина Демидова

РЕДАКТОР

Екатерина Метелева

ФОТОГРАФ

Екатерина Медведева

ВЁРСТКА

Екатерина Бирюкова

КОРРЕКТОР

Светлана Дьякова

© Невьянцев А. Ю., 2022

© Благотворительный фонд

«Доброе дело», 2022

www.delodobroe.ru

Любое использование
материалов только с письменного
разрешения правообладателя

*Нет, не даёт война мне
передышки,
всплывая в памяти
и в боли строк...*
*Венедикт Станцев,
уральский поэт-фронтовик*

ПАМЯТЬ БЕССМЕРТНА

Время неумолимо, оно утекает, как песок меж пальцев... И ничем его не удержать. Вместе с временем уходят в мир иной свидетели и участники Великой Отечественной войны. Больно... Но с законами природы не поспоришь. Лишь память бессмертна, её хранят и передают из поколения в поколение книги, фотографии, фильмы, песни, стихи. Только они способны сохранить пережитое: жизненные события, памятные мгновения, незабываемые лица...

Старшее и среднее поколение ещё что-то знают о войне, чтят память о родных, о свидетелях страшных событий. А вот молодые люди, подростки мало того, что не знают, но некоторые и не хотят знать об этом страшном, но героическом и победоносном событии в истории. Как-то довелось услышать от молодого человека: «А зачем помнить и знать? Это мне неинтересно и ненужно!» Обида комком застряла в горле... Но вскоре, как ответ

этому парню, в соцсети появилась запись Алёны Пантюхиной: «В наше непростое время пытаются переписать нашу историю и навязать чужую. Исподтишка делается многое, чтобы мы забыли... Наши герои погибали не за награды, они погибали за то, чтобы мы могли родиться и жить на нашей родной земле, чтобы у нас были праздники, чтобы мы могли смеяться и радоваться, любить и быть любимыми, чтобы над нами сияло чистое голубое небо, чтобы каждое утро нас встречал ясный рассвет... Чтобы мы жили!!! Так давайте помнить и чтить своих героев! Ведь благодаря им живём мы сейчас под мирным небом и в мирной стране! Это наш ДОЛГ: ПОМНИТЬ И ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ ДРУГИМ, чтобы помнили!» Призыв молодой девушки порадовал: ещё не всё потеряно, есть молодые, которые хотят знать, которые дорожат своей историей. Просто надо больше рассказывать, показывать, напоминать.

Время всё дальше отодвигает страшные события, когда советские люди ценой героических усилий и неисчислимых жертв одержали Великую победу над немецко-фашистскими захватчиками, отстояли честь и независимость Родины. Всё меньше остаётся участников этих событий: воинов-фронтовиков, партизан и подпольщиков, тружеников тыла.

У Благотворительного фонда «Доброе дело» есть проект «Никто не забыт! Ничто не забыто!» Президент фонда Алексей Юрьевич Невьянцев сказал:

— А это для нас не просто слова. Мы уже несколько лет весь май навещаем ветеранов, поздравляем с Днём Победы, дарим подарки. И мне пришла мысль вместе со своей командой создать Книгу Памяти. Увековечить имена людей, благодаря которым живём мы под мирным небом.

Прошло 80 лет с того страшного дня, когда юноши и девушки, мужчины и женщины, мальчики и девочки встали на защиту нашей Родины. Они воевали, работали, жили! У тех, кто был слишком мал, была одна задача: выжить! Выжить любой ценой! В замерзших городах, в шумных цехах, в тёмных землянках и в страшных бараках лагерей! И они выжили!

Но никто не может справиться с таким противником, как время. Время забирает людей неумолимо. Воинов, рабочих, крестьян, узников лагерей, вдов, сирот... Мы теряем их. Они забирают с собой самое дорогое, что есть у человечества: Память. Мы решили собрать крупицы этой памяти о войне и о жизни, о людях и судьбах, о подвигах и о борьбе, словом, о том, что на протяжении всей войны думали, чувствовали, любили те, кто защи-

щал нашу Родину. И в результате сложилась книга «У Победы наши лица», в которой собраны воспоминания первоуральцев, прошедших через горнило войны. Их осталось так мало, их воспоминания так ярки! Они пылают ярким огнём памяти! И мы хотим, чтобы этот огонь горел вечно.

Наши корреспонденты приходили к ветеранам войны, к ветеранам труда, к узникам лагерей, к жителям блокадного Ленинграда. Слушали их истории, видели их глаза, вместе с ними переживали их чувства...

И вот книга готова. В ней воспоминания, фотографии, стихи. В ней детские работы конкурса «Семейная реликвия» и публикации из местных газет под рубрикой «Из блокнота журналиста».

Творческая команда фонда «Доброе дело» старалась передать эмоции рассказчиков, сохранить ещё не забытую деревенскую речь. И передать напутствия нам, следующим поколениям.

Чтобы все знали! Чтобы всё помнили! Потому что без истории нет будущего!

ЕЙ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО ОНА – РОССИЯ

Пуля, жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Некого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!
От глухих рыданий обессилев,
Задремала. И приснилось ей,
Будто бы она – сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.
Будто в поле, вихрем опалённом,
Где последний догорает бой,
Кличет, называя поимённо
Сыновей, что не придут домой.
Беззаветно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна...
Свет дымится; он пропитан кровью.
Меж убитых тихо мать идёт
И с суровой терпеливой скорбью
В изголовье Вечность им кладёт.

У Победы наши лица

А в душе не иссякает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она – Россия,
Мать ста миллионов сыновей!

*Людмила Татьяничева,
уральская поэтесса*

*Виктор Попков.
Цикл «Мезенские вдовы». Одна. 1967 г.
Государственная Третьяковская галерея*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЦИФРАХ И ФАКТАХ

«В Европе журналисты мне в лицо говорили: «Что вы в России со своей Победой носитесь? Вот мы уже забыли». Я у них спросил: «Сколько дней ваши страны сопротивлялись Гитлеру?» Молчат. Тогда я продолжил: «Польша была завоёвана за 28 дней, и за те же 28 дней в Сталинграде немцы смогли захватить всего несколько домов. Дания продержалась ровно день. А вся Европа покорилась за три месяца. И освободить её пришлось нашим солдатам. И какой ценой! Миллион жизней советских солдат, отданных за освобождение европейцев от фашизма». Но Европа предпочла об этом забыть!»

Василий Лановой, актёр

Великая Отечественная война длилась 1 418 дней и ночей: с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года.

В боевых действиях в годы войны приняло участие 34 476 700 советских военнослужащих.

В Армию и на Флот было призвано 490 тысяч женщин.

Блокада Ленинграда длилась 872 дня: с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года.

В общей сложности Советский Союз потерял 26 600 000 граждан. По другим сведениям, общие потери могут составлять 29 592 749 человек в соответствии с данными 1998 года.

В числе жертв войны 13,7 миллиона человек составляет мирное население, из них преднамеренно было истреблено оккупантами 7,4 миллиона, 2,2 миллиона погибло на работах в Германии, а 4,1 миллиона вымерло от голода в оккупации.

Всего за годы войны пропало без вести и оказалось в плену 5 590 000 советских военнослужащих...

Из немецкого плена живыми вернулось на родину 1 836 562 человек, а 180 000 человек эмигрировали в другие страны.

С Урала на фронт призвали более 2 000 000 человек.

Домой не вернулись около 600 000 тысяч из них.

**За время Великой Отечественной войны в ряды Красной Армии из Первоуральска было призвано 15 300 человек.
Более 2 000 первоуральцев были призваны в трудовую армию.**

После войны в Первоуральск переехало 4 500 репатриантов.

Яркую страницу в летопись Великой Отечественной войны внёс Первоуральск. Город превратился в арсенал оружия. Из трубных заводов страны осталось только два — и оба в Первоуральске. Их продукцию требовали танковые, авиационные, пушечные, машиностроительные и многие другие заводы.

В городе находилась крупнейшая в стране автоматическая установка «220», производившая толстенные трубы для артиллерийских стволов.

Красноармейцы Западного фронта контратакуют немецкие войска. Июль 1941.

Фото Семён Фридлянд

За военные годы коллектив Новотрубного завода разработал и освоил технологию производства 129 новых видов труб. Каждый второй ствол артиллерийских орудий делал наш завод. 14 миллионов корпусов минометных снарядов «катюши» пришлось на его долю. Остальные стволы и корпуса снарядов делали на других заводах, но также из первоуральских труб. Абсолютно все стволы орудий для Советской армии были сделаны из первоуральских труб.

Огромный вклад в победу над врагом внесли и другие предприятия:

Старотрубный завод поставлял корпуса снарядных гильз, шарикоподшипниковые трубы и т.п.;

Динасовый завод выдавал огнеупоры и фасонный динас для сооружения коксовых батарей и мартеновских печей;

Хромпиковый завод освоил производство взрывных смесей для бронебойных снарядов и зажигалок;

Поселковые предприятия, строители...

Достоинно показали себя воины и на полях сражений. За годы войны шесть первоуральцев были удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи награждены орденами и медалями.

Двадцать пять тысяч первоуральцев воевали на полях сражений Великой Отечественной войны. Шесть тысяч наших земляков погибли, защищая страну. Первоуральцы внесли весомый вклад в разгром гитлеровской Германии.

6 декабря 1982 года город Первоуральск был награждён орденом Трудового Красного знамени, в том числе и «за обеспечение разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне».

Источник: @ www.pervo.ru

*Приёмка труб для артиллерии.
Первоуральский Новотрубный завод. 1943 г.*

ПОСЛЕ АТАКИ

Кто раз прошёл пробег короткий
На поле боя по ничьей,
Врага увидел пленным, кротким,
А полосу ничью — своей,
Тот не отдаст врагам оружие,
Не сдастся в жизни он живьём.
От века скидок нам не нужно,
Свой век, как нужно, проживём.
И славы не попросим даром,
Но если, ненависть храня,
Воспрянет враг и под ударом
У танка выгнется броня, —
Как в молодости, встанем рядом,
Не зная, долго ли нам жить,
Окинем расстоянье взглядом —
И всё сумеем повторить.

*А. Н. Лозневой
1945 год*

К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Директор Первоуральского динасового завода И.Т.Губко писал в статье для газеты:

Первоуральский динасовый завод строился в первые пятилетки. Когда мирный, созидательный труд советских людей был нарушен вероломным нападением фашистской Германии, на фронт ушли сотни добровольцев-коммунистов и беспартийных. Их место у станков и агрегатов заняли женщины и подростки, которые в трудных условиях, не считаясь со временем, отдавали все силы, чтобы обеспечить металлургов нужной на фронте продукцией.

Осенью 1941 года в связи с временной оккупацией южных районов страны на плечи коллектива легла ответственная задача: обеспечить динасом металлургическую промышленность страны, дающую металл фронту. Работали под лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы!» Каждый работающий на заводе понимал, что без динаса нет ме-

талла, без металла нет танков, пушек, пулемётов, снарядов, самолётов.

Не хватало жилья для эвакуированных, приходилось срочно его строить. Работники завода трудились самоотверженно, с энтузиазмом.

В те грозные годы завод освоил производство динаса из кристаллических кварцитов для кладки коксовых печей. До этого такие изделия ввозили из-за рубежа.

*Мемориал памяти павших работников
динасового завода*

В годы войны широко развернулось социалистическое соревнование. Одной из первых фронтовых бригад, организованных зимой 1942 года, была бригада кузнецов механо-литейного цеха во главе с Н. И. Ястребовым. В ноябре 1943 года эта бригада достигла рекордной выработки: сменная норма выполнялась на 640%. Значительного перевыполнения сменных норм добивались фронтовые бригады котельщиков, забойщики.

Бригада будущего Героя Социалистического труда Ф. Г. Воробьева при норме погрузки сырца 41 т за смену погрузила 74 т, а бригадиру в то время было всего 17 лет. Среди молодых рабочих и комсомольцев развернулось соревнование под лозунгом: «Каждый комсомолец должен стать двухсотником».

...Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1945 г. завод был награждён орденом Трудового Красного Знамени, 70 работников завода награждены орденами и медалями Советского Союза. Кавалерами ордена Ленина стали кузнец Н. И. Ястребов, выгрузчик С. М. Квашнин, бывший директор завода Г. Т. Бардагов.

Ветераны завода, члены фронтовых бригад и сегодня служат примером самоотверженного труда. Их имена называют в дни торжественных со-

У Победы наши лица

бытий, их портреты украшают заводскую Аллею трудовой славы. Отдают на заводе особые почести тем, кто ушёл на фронт и не вернулся. В заводском сквере стоит обелиск, на мраморе которого золотом высечены имена погибших воинов-огнеупорщиков, у подножия горит Вечный огонь.

*Центральный памятник Мемориала памяти
павших работников динасового завода*

И ЗАГОВОРИТ ПОРТРЕТ

Иван Тимофеевич Губко возглавлял динасовый завод четверть века. Его называли «народный директор», и до сих пор о нём вспоминают с благодарностью и уважением. А внучка Екатерина Невьянцева, будучи одиннадцатиклассницей, ещё в 2003 году написала реферат о дедушке. Её работа не потеряла своей актуальности, стала семейной реликвией. Публикуем часть работы.

*Иван Тимофеевич
Губко*

Передо мной портрет деда — Ивана Тимофеевича Губко. Я знала его всего семь лет, потому что 2 февраля 1995 года он умер.

Я тогда не осознавала, почему моего дедушку хоронили все жители посёлка. Пришло время, когда я смогла понять, почему так много людей благодарны ему, помнят его.

Жизнь большинства жителей Динаса и моих

родных связана с заводом. Мой дедушка Иван Тимофеевич 25 лет руководил Первоуральским динасовым заводом. Это целая эпоха в истории предприятия, в истории посёлка.

В кругу семьи

Иван Тимофеевич Губко родился 7 октября 1915 года в крестьянской семье на Украине в селе Верхний Рогачик Херсонской области. Его отец (мой прадед) Тимофей Трофимович Губко 1894 года рождения и его мать (моя прабабушка) Мария

Директор завода И. Т. Губко за рабочим столом

Павловна Губко (в девичестве Графова) 1898 года рождения — уроженцы этого же села, до революции были батраками, наёмными сельскохозяйственными рабочими. В годы первой мировой войны семья пережила немецкую оккупацию, а в 1919 году территорию, где они проживали, захватили войска Деникина, в 1920 году — белогвардейцы Врангеля. Суровое и тяжёлое было время.

Глава семьи, Тимофей Трофимович Губко, до 1921 года занимался сельским хозяйством в родном селе. В 1921 году страшная засуха охватила Поволжье, юг Украины, где жили мои родные, и Северный Кавказ. Не хватало техники, семян, крестьянам-единоличникам трудно было бороться с засухой. Голод охватил территорию с населением 25 миллионов человек. Советское правительство организовало всенародную борьбу с голодом. Энергичные меры дали свои плоды, а после успешного сева в 1921 году и хорошего урожая в 1922 году продовольственные трудности прекратились.

Тимофей Трофимович Губко с 1921 по 1924 год работал председателем коммуны, а с 1924 по 1929 год опять был хлебобором. Семья росла. В 1920 году родилась Мария Тимофеевна, в 1921 году — Галина Тимофеевна, а в 1928 году — их младший брат Алексей Тимофеевич.

Мама моего деда, Мария Павловна, занималась домашним хозяйством. В 1929 году семья готовится к переезду.

Тимофея Трофимовича мобилизуют для проведения коллективизации в Каменец-Подольскую область, он работает председателем колхоза и сельского совета. В 1933 году его посылают на учёбу в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. С 1935 по 1938 год он работает в совхозах и МТС (машино-тракторные станции).

Детство моего деда, Ивана Тимофеевича, прошло в большой и дружной семье, которая не стояла в стороне от политики государства, вместе со всем советским народом переживала трудности, строила новое общество.

В семье от родителей мой дед получил много хорошего. Именно они повлияли на формирование его характера. Добрая, отзывчивая мама Мария Павловна воспитала в нём чуткое, доброжелательное отношение к людям, стремление помочь всем, кто к нему обращается. От отца Тимофея Трофимовича передались ответственное отношение к любой работе, любовь к чтению, стремление к постоянному повышению образовательного уровня, способности к руководящей работе, требовательное отношение к себе и к подчинённым.

Все эти качества характера способствовали становлению личности Ивана Тимофеевича Губко.

Начало трудового пути

Работать Иван Тимофеевич начал рано. С 12 лет трудился по найму у зажиточных крестьян и в колхозе, когда ему было 13 лет, устроился разно-рабочим на кирпичный завод, поступил учиться в школу колхозной молодёжи, где вступил в комсомол. В 1931 году окончил её и приехал в город Каменец-Подольский, где стал сначала слушателем рабфака, затем студентом Силикатного института. В 1935 году институт перевели в город Харьков.

У Победы наши лица

И.Т. Губко, выпускник Харьковского химико-технологического института. 1938 г.

В 1938 году Иван Тимофеевич получил специальность инженер-технолог. В 1938 году его направили в город Часов-Яр Сталинской (ныне Донецкой) области на завод имени Орджоникидзе старшим мастером. Вместе с ним в Донбасс переехали его родители, обе сестры и брат. Сначала Иван Тимофеевич работал старшим мастером (1938 год), затем начальником цеха новых огнеупоров (1940–1941 гг.).

1941 год. Фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Стойко сражаясь с превосходящими силами противника, Красная Армия отступала вглубь страны. Завод им. Орджоникидзе должен был эвакуироваться в г. Балхаш Казахской ССР, туда направили и Ивана Губко. Тяжело было расставаться с семьёй, которая осталась в Донбассе из-за состояния здоровья отца — Тимофея Трофимовича.

В период фашистской оккупации до 1943 года родные моего деда жили в деревне, занимались сельским хозяйством.

Прадед не дождался освобождения Донбасса и встречи со своим старшим сыном, в 1942 году он умер.

На медеплавильном комбинате в городе Балхаш Казахской ССР И. Т. Губко работал начальником

цеха огнеупоров. В 1943 году вступил в ряды Коммунистической партии.

Вскоре в этом же году ЦК Компартии отозвал его на работу на завод им. Орджоникидзе в город Часов-Яр, где руководил производственным отделом, затем работал главным инженером завода (1944–1948 гг.).

В 1948 году судьба привела моего дедушку на Урал. О том, как работал дедушка в Нижнем Тагиле, свидетельствуют строки из его характеристики: «Губко И. Т. на Нижне-Тагильском огнеупорном заводе работал с 1948 года в должности главного инженера. В своей практической работе много уделял внимания наращиванию мощностей завода, боролся за укрепление технологической и производственной дисциплины.

Динасовый завод — новая страница в жизни Ивана Губко

Десятилетия жизни для истории — мгновения, но за ними судьба завода и его людей. В «свидетельстве о рождении» гиганта металлургической промышленности Динасового завода стоит дата — 1932 год. Как тесно была связана жизнь семьи Губко с историей страны, также тесно переплелись судьбы страны и завода. Первоуральский дина-

Панорама завода

совый завод — единственное предприятие города, которому на вечное хранение передано переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомчермета. 31 марта 1945 года завод награждён орденом Трудового Красного Знамени. Вот на такой завод — один из крупнейших огнеупорных заводов страны, удельный вес которого в общем производстве огнеупоров составлял 56%, завод, имеющий славную историю и традиции, приехал мой дед 15 марта 1954 года с женой Надеждой Ивановной и двумя сыновьями — Леонидом и Евгением. Приехали

по назначению и временно, а оказалось — на всю жизнь. 25 лет — таков стаж «народного директора», так называли И. Т. Губко.

Завод ещё не отдышался после военного лихолетья. Тяготы войны ощущались везде: надо было срочно заниматься реконструкцией, решать жилищные проблемы, развивать социально-культурную сферу. Подписав приказ о вступлении в должность, Иван Тимофеевич хорошо понимал, какой груз ответственности взял на себя.

Труд на родном заводе

15 марта 1954 года И. Т. Губко подписал свой первый приказ, в первом параграфе которого значилось: «Во исполнение приказа министра чёрной металлургии товарища Кузьмина с 15.03 сего года приступил к исполнению обязанностей директора Первоуральского динасового завода». С этого дня началась самоотверженная работа, которую я хочу назвать подвигом.

Нелёгкая задача перестройки легла на плечи нового директора — моего деда И. Т. Губко.

Вначале надо было реконструировать сырьевую базу — кварцитовый рудник. Для этого необходимо построить новую мощную дробильно-сортиро-

Новая дробильно-сортировочная фабрика

вочную фабрику, на основных производственных потоках заменить устаревшее оборудование, построить пять туннельных печей. Первые работы по реконструкции начались в 1960 году. Первым объектом было строительство 180-метровой туннельной печи по проекту ВИО в цехе №1. Строительство велось хозяйственным способом, очень медленно из-за необеспеченности техникой и рабочей силой.

Нужно было выполнять план, выпускать динасы и одновременно строить печь под открытым не-

бом. В январе 1964 года завод принял печь в эксплуатацию.

Вторую печь построили за один год и сдали в эксплуатацию в 1968 году.

Следующим объектом реконструкции стало строительство дробильно-сортировочной фабрики, продлившееся пять лет (1962–1966 годы). С пуском её завершена комплексная механизация процессов по добыче, транспортировке и переработке кварцитов. Дробильно-сортировочная фабрика дала возможность значительно повысить производительность труда. Не стало камнеломов с кувалдами, не стало канатной подвесной дороги. Фабрика давала в сутки по 900 тонн кварцита.

В это же время (конец 60-х) все печи по обжигу динаса переводятся на природный газ. Заново строится котельная завода, пять мощных паровых и водогрейных котлов переводятся на отопление природным газом. В 1970 году все тепловые агрегаты завода переведены на газ, и в посёлке остановлены все котлы, которые дымили и загрязняли атмосферу.

Росли плановые задания по производству динаса, особенно фасонного динаса для коксовых батарей. В существующих печах цеха №1 невозможно было производить обжиг особо сложных по конфигурации коксовых марок и крупногабаритных марок для стекловаренных печей. Предстояло создание туннельных печей нового типа. В 1967 году завод перешёл на новую систему планирования и экономического стимулирования, главными показателями деятельности предприятия стали реализация продукции, рентабельность и прибыль. Стали уделять внимание освоению дорогостоящих изделий, имеющих большой спрос, так как жизнь завода и посёлка зависела от прибыли предприятия.

Второй огнеупорный цех. В 1975 году новая туннельная печь выдаёт продукцию. Печь уникальна по целому ряду конструктивных решений. Длина печи 243 метра, в ней помещается 81 вагон с изде-

*Директор Первоуральского динасового завода
Иван Тимофеевич Губко*

лиями. Таких печей в нашей стране ещё не было. А у нас построили три.

В сентябре 1976 года безобжиговым изделиям присвоен Государственный знак качества.

В 70-е годы слово «экспорт» с особой значительностью звучало в рабочем коллективе. Динас для коксовых батарей завод поставлял Индии, Кубе, Польше, Чехословакии, Болгарии.

Итак, реконструкция производства, освоение новых видов продукции, одновременно строительство жилых домов и учреждений соцкультбыта и многое другое связано с именем моего дедушки Иваном Тимофеевичем Губко.

Накануне своего 60-летия директор завода сказал: «Две туннельные печи. Больничный комплекс и здание профтехучилища. Если сумею это построить, то буду считать свой долг перед коллективом выполненным».

В музее истории Первоуральского динасового завода бережно хранится не только материал по представлению коллектива для награждения, но и само Знамя.

Успешно руководя таким большим производством, Иван Тимофеевич не мог не заниматься наукой. В 1970 году был слушателем факультета повышения квалификации руководящих и ин-

У Победы наши лица

женерно-технических работников Министерства чёрной металлургии в городе Москве. Его курсовая работа называлась «Опыт работы и итоги перехода Первоуральского ордена Трудового Красного Знамени динасового завода на новые условия планирования и экономического стимулирования».

Он имеет авторское свидетельство №814978 «Способ изготовления динасовых огнеупоров», которое получил в 1980 году.

В одном из последних интервью мой дедушка сказал: «Посёлок и завод — это наша малая Родина».

ВРАГ НЕ ПРОЙДЁТ

Год сорок первый, самый страшный год:
Волной насилья ворвались фашисты,
И клич на всю страну: «Враг не пройдёт!
Враг не пройдёт, и небо будет чистым!»

Враг не пройдёт! Но падали бойцы,
У немцев — автомат, а против них — винтовка.
На улицах динамики хрипели на басы:

«Враг не пройдёт!

В капкан загоним волка!»

Враг не пройдёт... А он всё шёл и шёл
По женским трупам и по трупам детским.
Всё на своём пути, как варвар, смёл,
И не щадил ни городских, ни деревенских.

Враг не пройдёт, но вот она — Москва!
И вся страна стоит за нею следом.
Вот где сказались верными слова,
Где враг споткнулся о порог Победы.

Без сердца жить нельзя!

Не отдадим Москвы!

И, сотни тонн перекидав лопатой,
Здесь женщины, подростки, старики
Копали рвы буквально до упаду.

Копали, чтобы армии помочь,
Помочь мужьям, сынам, отцам и дедам...
Войска стояли насмерть день и ночь
На грани жизни и святой Победы.

Без сердца жить нельзя,

Без сердца нам никак!

Морозами вдруг поднялась природа.
И на пути к Москве в один кулак
Сложились силы нашего народа.

Стояли насмерть русский и казах,
Татарин и мордвин, грузин и украинец,
Чтоб Родина всегда была в цветах,
Сложили головы киргиз и прибалтиец.

Заветную черту не перешёл здесь враг
И повернул назад. Пусть до Победы
И оставался не последний шаг,
Но что такое Русь — фашист изведаль.

Враг не пройдёт! И этот поворот
Пути к Победе от Москвы до Риги
Вёл, крепко взявшись за руки, народ,
Такой родной, такой разноречивый...

Враг не пройдёт! И пусть была трудна
Дорога от Москвы и до Берлина,
Моя страна — Великая страна
Войну единством общим победила!

*Людмила Барышева,
первоуральская поэтесса*

Из блокнота журналиста **ЖИЗНЬ И СУДЬБА**

Первое место в литературно-краеведческом конкурсе «И боль, и слёзы, и любовь» заняла работа студентки Первоуральского металлургического колледжа Галины Зеленцовой. Она посвятила её Николаю Андреевичу Сухих, нашему легендарному земляку.

На вопрос, почему именно эту тему выбрала, ответила:

— Реферат о Сухих выбран мною не случайно. В Первоуральск я переехала из Березовска в 2008 г., и

мне интересно знать не только историю развития города, но и выдающихся людей, которые здесь жили, защищали свою Родину в суровое военное время. Помогала мне преподаватель истории Елена Николаевна Вшивкова, за что я очень ей благодарна. Материал собирали по крупицам.

Мы — молодые — своенравны, не всегда, к сожалению, задумываясь, что опыт старших поколений может быть важен для нас. Многим совершенно безразлично, почему именно русский народ сохранил и приумножил богатые культурные традиции, гуманистические ценности, несмотря на жестокие испытания суровых эпох. И если бы младшее поколение не продолжало традиций добра и справедливости, то нас могло бы не быть... Уверена, что такие герои советской эпохи, как Н. А. Сухих, могут открыть глаза многим на происходящее в современной России. Помогут

*Николай Андреевич
Сухих*

нам осмыслить сущность тех суровых времён, лет, дней, минут и даже секунд.

— Галя, работа у тебя объёмная, хорошая, но опубликовать её целиком нет возможности. Потому выдели, пожалуйста, ключевые моменты из жизни первоуральского Маресьева.

— Николай Андреевич родился 22 мая 1925 года в посёлке Бисерть. Семь классов окончил в школе №15 на Динасе. Был пионером, комсомольцем, членом КПСС с 1951 года. На Новотрубный завод в цех №1 пришёл из ФЗО №24 при СТЗ, где проу-

чился четыре месяца вместо шести, т.к. шёл военный сорок первый. В сохранившихся воспоминаниях Николай Андреевич о начале своих трудовых будней писал: «В цехе меня встретили с радостью, так как шла война, людей не хватало, было холодно и голодно. Сначала работал вальцовщиком на калибровочном станке, затем на «автомате» и на прошивном... Было тяжёлое время: фашисты у Москвы, Ленинград в блокаде. В 1942 году пришло известие о гибели моего любимого отца в Ленинграде».

После гибели отца Николай принимает решение воевать с фашистами на фронте. Пётр Ефимович Ненашев, его друг, вспоминает: «Прочёл его заявление: «Прошу приёмную комиссию послать меня в ряды Уральского танкового корпуса, так как я хочу защищать родную свою родину и отечество за отца, погибшего за родной Ленинград. Прошу в моей просьбе не отказать. Комсомолец Сухих».

Через несколько дней снова встретился с Колей, у него вид именинника:

— Иду в добровольческий танковый... А ты как?

— Не отпускают.

— Конечно, трубы тоже надо кому-то делать, — успокоил меня Сухих. — А для меня, по правде

сказать, только начинается настоящее дело. Ну, бывай здоров. Жди с победой. Он крепко пожал мою руку и вышел».

Что руководило помыслами и поступками 18-летнего молодого человека, у которого, казалось, вся жизнь впереди? Жизнь, которую он готов был отдать за Родину в годы суровых испытаний? Возможно, это была вера в победу, в собственные силы, в товарищей, отправившихся вместе с ним на фронт, вера в идеалы добра, справедливости, гуманизма, вера в возможности всего советского народа, забывающего в годы лихолетья о себе, о своих личных интересах.

Дальнейшие страницы военной биографии Николая Андреевича связаны с историей Уральского добровольческого танкового корпуса. Велик был патриотический настрой тружеников тыла. Первоуральцы отдавали свои трудовые сбережения — отчисляли средства из заработка. За короткое время удалось собрать на постройку боевых машин 5 039 000 рублей. Уральцы оснастили добровольческий танковый корпус всем: от пуговицы на гимнастёрке и носового платка до грозных танков Т-34, изготовленных сверх плана за счёт личных средств. История не знает подобного! Это наше, уральское! Всего в течение трёх недель февраля — марта для танкового корпуса предприятия Урала

изготовили и боевые машины, и артиллерийские установки, и боеприпасы, а также обмундирование, снаряжение.

С величайшим подъёмом проходили в те дни собрания на предприятиях и учреждениях Первоуральска. Создание корпуса вызвало огромный патриотический порыв. И хлынул поток заявлений от добровольцев. Более трёх тысяч первоуральцев обратились в партийные комитеты и горвоенкомат с настойчивыми просьбами зачислить их в добровольческий танковый корпус.

Неукротимым было желание идти на фронт, на встречу жестоким испытаниям. 26 февраля 1943 года, командующий Уральским военным окру-

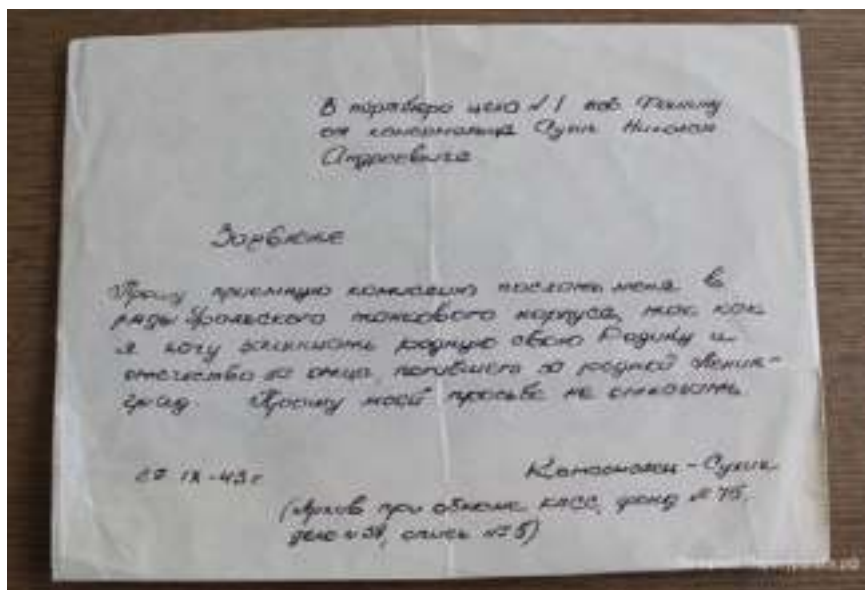

гом генерал-майор Катков издал приказ о формировании особого Уральского добровольческого танкового корпуса с численностью 9661 человек. Николая Сухих зачислили в 5-ый учебный полк танково-артиллерийского училища. Так распорядилась судьба, что 22 мая 1944 года состоялся выпуск пополнения для Уральского добровольческого танкового корпуса, в числе выпускников — Николай Бажуков, тоже первоуралец. Воевать им довелось в 1-й гвардейской армии, в 89-й танковой бригаде. Николай Сухих вспоминал: «Мы с Николаем в наш юбилей выехали на фронт. После разгрома немцев на Орловско-Курской дуге в начале 44-го года нас, добровольцев с Урала из 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого Краснознаменного ордена Суворова и Кутузова танкового корпуса, в составе батальона с новыми «тридцатичетвёрками» отправили в отдельную 89-ю танковую бригаду (танки прорыва) Первого Прибалтийского фронта. Командовал фронтом генерал Баграмян».

О вкладе уральцев в дело Победы над фашистами писал в воспоминаниях Пётр Ефимович Ненашев: «Мы гордились нашим добровольческим корпусом. Радовались его героической славе. Одно название чего стоит: 10-й гвардейский Уральско-Львовский добровольческий Краснозна-

Из его воспоминаний: «Мы ворвались в город Шауляй и начали уничтожать и громить техни-

ку фашистов, поджигать склады, поливая врага свинцовым дождём. Прочесав главную улицу и параллельные ей улицы, мы уничтожили штаб и два склада. Когда в город ворвалась наша пехота, продолжили своё наступление на город Ригу. В бою за город Шауляй погиб первоуралец Анатолий Вершинин. Работал он раньше на НТЗ вальцовщиком стана-220 в цехе №1. Память о нём будет жить вечно в наших сердцах. За бой под Шауляем я был награжден медалью «За отвагу» и личным браунингом. Медаль сгорела на мне в последнем бою, а браунинг утерян в медсанбате, когда был без сознания...

Вскоре, дней через пять, мы взяли с боем город Елгаву, а затем Ригу. Помню, была ночь. Танкисты отдыхали. Комбат вызвал к себе трёх командиров танков, в том числе и нас, двух Николаев. Поставил задачу на разведку пути и сказал:

— От вас всё зависит, судьба передовой, судьба товарищей, судьба пехоты. Завели моторы танков. На первой машине Н. Бажуков, а на третьей я. Вдруг впереди холм. Мы остановились. Дальше, не разведав пути, двигаться нельзя. Это было в 25 км от Риги и в пяти от речки, где нам дан приказ разведать переправу, узнать силы противника. А входной путь направо. А справа в 400 метрах домик. Первый танк пошёл прямо к нему. Всё тихо и

спокойно. Бажуков дал знак: «Двигаться можно», и мы продолжили путь за ним. Только первый танк зашёл на холм — вспыхнул, сражённый вражеским снарядом. Второй танк повернул налево, а наш — третий — направо, к лесу. Откуда выстрел — туда и бьём. Вот так начался неравный бой двух танков с фашистами. Не помню, сколько прошло времени, но чувствую, снаряды подходят к концу... Только хотели очередной маневр сделать, как наших увидели, очнулся, едкий дым щиплет горло. Пощупал голову — цела, правую ногу и руку — не чувствую. Соображаю: машина горит, нужно выбираться. Левой рукой схватился за одно сиденье, подтянулся, перехватился за второе сиденье, опять подтянулся, вылез по пояс до люка. Дальше — не вмоготу. В это время член экипажа первой машины, проползая мимо, крикнул: «Колька, горишь!» И откуда только силы взялись, напряжился и выскочил из люка. Жгучая боль пронзила всё тело, и я потерял сознание. Через некоторое время пришёл в себя, сгоряча выбросил ещё две гранаты в сторону фашистов, но мимо, начал ползком отходить назад к шоссе, отстреливаясь из нагана. Бажуков по радиации успел сообщить о засаде нашим основным силам. Два танка горят, третий, подбитый, отстреливается, ведёт огонь, мы лежим все раненые между нем-

цами и подбитым танком в кювете шоссе на нейтралке. Кто-то крикнул: «Танки», и видим, что к нам по шоссе идут две незнакомые машины. Ну, думаем, всё, отвоевались. И притворились мёртвыми. Когда они подъехали ближе, то увидели, что это наши бронемашины, полные автоматчиков, а за ними танки, родные, уральские. Я потерял снова сознание. Очнулся уже на операционном столе.

В том бою было взято около 100 немецких солдат и офицеров пленными, подбито шесть танков. За эту операцию нас правительство наградило орденом Красной звезды. Так закончилось моё пребывание на фронте, в феврале 1945 года по ранению я был демобилизован. А Николай Бажуков после госпиталя вернулся на фронт».

Николай Андреевич вернулся в Первоуральск, на НТЗ в цех №4, где проработал 20 лет на прокате. Рассказывает Пётр Ефимович Ненашев:

— И вдруг Сухих вернулся похудевший, возмужалый, на костылях.

Спрашиваю:

— Что с тобой, Николай?

— Пустяки. Горел и не сгорел. Вот только ногу... Ничего, можно и без ноги. А костыли я заброшу. Они мне не нужны будут...

Николай Андреевич устроился комендантом, но было видно — не по душе работа. «Завод меня тянет к себе, — жаловался он. — Мне бы вот только костыли забросить». Николай Сухих добился своего. Он бросил костыли, научился ходить на протезе и вернулся снова к станку, закончил без отрыва от производства вечерний металлургический техникум. Только пришёл не в первый цех, а в четвёртый. Пошёл на горячую работу, вальцовщиком. Несмотря на инвалидность. Николай Андреевич в 1956 году стал старшим вальцовщиком, в 1958-м бригадиром, а в 1959-м — старшим инженером трубопрокатного производства. На заводе его прозвали «вторым Маресьевым». За выслугу лет, за добросовестный труд награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовое отличие», ему присвоено звание «Почётный металлург».

Николай Андреевич оставил работу на заводе в 1962-м по причине инвалидности, но продолжал вести активную деятельность в Совете ветеранов, где являлся руководителем с 1967 года. Был депутатом городского и областного советов, членом горкома КПСС. Внимательным и чутким оставался не только к сыну, внукам, сестре, но и к товарищам, молодёжи. Он активно отзывался на предложения о встрече с учащимися школ, училищ, искренность

таких встреч оставляла глубокий след в душах ребят. Ушёл из жизни 24 июня 1983 года, оставив о себе долгую, добрую, светлую память. Не зря говорят, что человек живёт, пока его помнят.

— Галя, что для себя лично ты вынесла, работая над рефератом?

— Мне было всё интересно. Поработав с документами из музея ОАО «ПНТЗ», с публикациями в СМИ, с книгами, с воспоминаниями самого Сухих, я поняла, каким мужественным, храбрым, добрым был Николай Андреевич. Он многое сделал для своей малой и большой Родины. Он жил, боролся за будущее. За своё будущее, за будущее нового поколения. Не у каждого найдётся столько сил, чтобы после ранения ноги избавиться от костылей, встать к станку, не потерять интереса к жизни. Николай Андреевич и люди его поколения восхищают меня, они стали для меня примером. И я поняла, как важно знать историю своего народа и города, в котором ты живёшь.

*Газета «Вечерний Первоуральск
свободный», 8 апреля 2010 год*

ГОВОРЯТ: «ОТПРАВЛЯЕМ ВАС НА ФРОНТ!», А МЫ И РАДЁХОНЬКИ!

Павел Парфёнович Казанцев родился в 1925 году. После начала войны работал в колхозе, затем призвали, проходил обучение на курсах командиров, потом попал во вновь созданные воздушно-десантные войска, участвовал в боевых операциях. После Победы защищал территорию Европы от уклонявшихся от капитуляции фашистов.

Павел Парфёнович — прекрасный рассказчик, он плохо слышит, но речь его льётся гладко, легко, складно. Для нас, творцов нынешней истории, его рассказ о том, что не должно повториться.

Я закончил седьмой класс в 1941 году. Восемнадцатого или девятнадцатого июня прошёл выпускной вечер, и нас распустили.

А через два дня выпускников снова собрали в школу. Говорят: «Началась война. Германия напала на Советский Союз». Все в шоке были. Нас заставили писать плакаты о том, что началась война, и призывать людей на защиту Родины. Все были очень опечалены.

Потом военкомат приехал. У нас село Нижнеиргинское большое было: каждый день на фронт от нас отправляли машину людей. Обмундировывали и увозили. Каждый день в течение месяца! Одних слёз сколько было! Очень скорбные настроения были в начале войны.

Я поступил в колхоз, потому что уборочная началась. И до осени, пока снег не выпал, в колхозе работал на молотье. Я снопы возил, мне лошадь дали, повозку. А лошадь-то была... её никто не брал! Она брыкалась и повозку возить отказывалась. Я её запряг, запрягать-то я умел. Поехал, а она не едет ни в какую.

Уж я всяко её уговаривал. Кое-как поехали, да ещё в гору! А там, куда мы ездили с ней на молотье-то, кормили зерном, чтобы сил больше у лошадей было. Она и обвыкла там, и уже меня слушаться стала.

Мы ночевали в поле на соломе, в деревню каждый день не ездили. А когда раз в неделю приезжали домой помыться, то я и лошадь с собой забирал. Потому что если на конюшне оставишь, то телегу уведут, то лошадь заберут, то сбрую утащат. На чём потом работать?

Когда зима кончилась, я поступил на работу в артель «Кустарь» у нас в деревне, мы обувь для

армии шили. Меня сразу посадили задники из бересты резать. Когда я привык, мне стали другие процессы, более ответственные, поручать. В конце концов доверили главное — натяжку. Шили мы армейские сапоги: четыреста пар каждый день. Пока не сошьём, не отпускали домой.

Вызвали нас на призывную комиссию. Пешком

идти — сорок пять километров туда, а потом обратно. Автобусы не ходили. Потом наконец прислали повестку. В два часа дня принесли, а утром к девяти часам мне уже надо явиться в военкомат со справкой. И надо было мне успеть уволиться на работе, ну, и вечер провести небольшой. А наутро нам в артели выделили лошадь, и мама повезла меня и ещё одного парня в военкомат. Там мы до вечера просидели, с мамой я попрощался, и на поезде поехали в Кунгур. Восемьдесят километров. На третий день приехали. Там нас собрали в воинскую часть, в лесу, в пятнадцати километрах от Кунгура. Всех вы-

строили и пришли к нам «покупатели»: командиры, которые набирали в свои части.

Первую команду дали артиллеристы. Кто в артиллерию годен? Командуют: «Кто имеет семь классов образования — два шага вперёд!» У меня семь классов было, я вышел. Вот командир ходил вдоль строя со старшиной, записывал, кого взять. А

меня не взял. Я спрашиваю: «А меня почему не берёте?» А мне в ответ: «Стань в строй!» Я стал. Они опять пошли по строю набирать. Теперь отбирали высоких. У нас в соседней деревне был Миша Лосев высокий! У него четыре класса образования. Его взяли, а меня нет. Я опять: «Почему меня не берёте? У меня же семь классов». Ну, напросился. Командир велел старшине меня записать. Я радёхонек.

Отправили нас в баню сразу. Все свои шмотки мы оставили, обмундирование дали новое. Оделись — и в казарму. Землянка сто метров длиной,

сто человек в ней живёт. Печки нет. Сказали: «Располагайтесь: здесь будете жить и заниматься!» Два месяца проучились, меня вызывают в штаб. Говорит начальник: «Вас направляют в Тюменское пехотное училище учиться на командиров, младших лейтенантов». За 1942-й год потеряли очень много командного состава. И приказ

Сталина был: сформировать много таких училищ. Вот меня туда и направили.

Приехали мы в Тюмень, нас на карантин поставили. Месяц мы спали в землянках на плащ-палатках, обовшивели все! Коптилки с маслом стояли, фитиль горел, а утром проснёшься — в носу черно. Через месяц нас опять в баню. Всё с иголочки новое надели на нас, и в казарму. Там двухэтажные нары, постель, матрас, подушка, одеяло, простынь. Это было благо для нас.

Мне досталось место на втором этаже. Стали тренировать нас, чтобы мы за двадцать секунд

могли одеться. А были у нас не сапоги, а ботинки. И обмотки. Их навернуть одну да вторую надо. А старшина считает: «Раз, два, три...» А если у кого портянка раскатится, то её же надо снова скатать, иначе не навернуть! Всё, отбой. Не успели. Опять раздеваться, портянки разматывать да сматывать. Только лёг – подъём! А мне же ещё сверху надо слезть! Вот так нас тренировали. Но привыкли.

У нас винтовки были учебные, для боевых действий негодные. Каждый день их надо чистить, потому что нас много было, а винтовок мало. Вот комвзвода и говорит: «Кто оружием может владеть? Винтовкой? Поднимите руки!» Я сообразил, думаю: нет! А тем, кто вышел, вручили по винтовке учебной. Так вот, днём на занятиях те, кому положено, винтовку берут, разбирают её, собирают, изучают. А вечером тому, за кем закреплена винтовка, надо её почистить. А старшина придёт проверять: если чистое оружие, тогда солдат спать будет. Если плохо почищено, то наряды получали от старшины: полы мыть. К дисциплине нас очень строго приучали.

Мы два с половиной месяца проучились, и нас на стажировку послали, приучать к командным дисциплинам. Потому что учёба всего три месяца, командиров срочно выпускали. Получили мы каждый по взводу для тренировки. Только начали

тренироваться, пришёл приказ Сталина. Это уже в 1943 году было. Сталинград отстояли, обстановка в стране и на фронте улучшилась. И Сталин продлил обучение комсостава до шести месяцев. Нас обратно в казармы, снова в курсанты. Ещё три месяца учиться.

А потом в один прекрасный день необходимо было форсировать Днепр, а без десанта это сделать невозможно было. И Сталин решил из училищ отобрать годных по здоровью для формирования десантных бригад. Нас на комиссию всех враз отправили. А мы все рвались на фронт! Доктор спрашивает: «Чем болел?» Отвечаю: «Ничем!» Здоров, на фронт!

Вечером нам уже сказали, что мы отправляемся на фронт. На другой день на плацу выстроили всех: и нас, и тех, кого раньше призывали. И среди них увидел я одноклассников моих — Борьку Смирнова и Ваньку Иванова. Их уже к выпуску готовили и оставили доучиваться. Они так огорчились, что их оставили, а я уже на фронт поехал.

Отправили нас вечером, срочно, эшелоном, и на третий день мы на место приехали. Глядим — поле, и ходят все в фуражках с голубыми околышами. Спрашиваем: «Что за войска?» А нам отвечают: «Ооо, это вы в десантные войска попали!»

Ну, мы и радёхоньки. Нас из эшелона выгрузили, построили, к вечеру повезли на место дислокации. Это под городом Киржач было. В лес завезли, велели располагаться. Мы костры разожгли, всю ночь дождь шёл беспрерывно, все промокли, как черти, до нитки. Утром привозят лопаты, пилы, топоры. «Разбирайте инструмент, будем копать землянки!» Каждый взвод для себя. За три дня мы землянки построили и начали заниматься парашютным делом. Парашюты учились укладывать на нарах, уже осень была, дожди. А там полно со-

ломы всякой было. Потом как парашют откроется, так солома во все стороны летит.

Идём на прыжки, двенадцать километров, парашюты (запасной и основной) — двадцать три килограмма на себе тащишь. Машин не было, всё пешком. Глядим: гондола, ниже кабины висит человек, парашютист. Неправильно уложил парашют. Прыгнул, а парашют не открылся. Фал двенадцать метров, и он под кабиной повис. АПДСники боятся приземлиться: вдруг он убьётся, от начальников нагоняй будет. Ну, потом всё-таки подтянули гондолу к земле, спустили его. Живой был.

Сначала выбрасывали нас с аэростата, потом с самолёта начали бросать. Лётчик если неправильно заход сделает, близко к лесу, то весь самолёт на лес летит. На деревьях висят. Была аварийная команда, нас снимала, стропы резать нельзя было. Виси, жди, пока команда придёт тебя снимать. Один раз выбросили на лес, так нашему лейтенанту все штаны разорвало, на сучок попал. И каждый раз были случаи смертельные. Много же нас, кто-нибудь куда-нибудь да попадёт.

Самолёты большие, «Дугласы», по тридцать два человека нас набито. Там трос, за трос фал зацепляешь, чтобы, когда прыгаешь, принудительное раскрытие было. А когда хлопнет парашют — ты радёхонек! А снизу кричат: «Ноги! Ноги!» Ногами встречать надо землю, чтобы их не сломать, не вывихнуть. Очень много было таких случаев.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ. Нас так учили: десантник должен не бояться ничего, быть забиякой и бесшабашным. На колени встанешь, руки за спину и падай вперед. Чтобы «чушку» не разбить, надо, чтобы из тебя «неваляшка» получилась. Сейчас, конечно, ещё жёстче, ещё лучше ребят в ВДВ учат.

Я ж в артиллерии был, нас приучали пушки бросать с самолёта. Вместе с нами они на парашютах летели. Были специальные парашюты для техники. Для орудий раму жёсткости делали из дерева. С самолёта сбрасывали пушку, купол раскрывался, она приземлялась, рама ломалась и амортизировала.

А раз с нами такая беда приключилась. Мы пушку сбросили, а на лётном поле был камень большой. Наша пушка на него угодила и колесо у неё отломилось. У нас пушку эту забрали, и остались мы без дела на три дня учений. Довольные были, что не таскать её на себе, машин-то не было. Это потом, когда мы на фронт поехали, нам сначала дали «Виллисы» легковые, американские. Потом «Доджи», везде проходимые. А потом уж дали «Студебекеры». Три машины мы сменили.

Ну, наконец Сталин дал приказ: на фронт нас. Погрузили в эшелон, пушки прикрепили на платформы, я запевалой был, затянул «Прощай, лю-

бимый город!» Только отправились, команда «Отставить! Разгружайсь!» Оказывается, рядом с нами стояла пятая бригада, а мы были в четырнадцатой. В штабе ВДВ перепутали и вместо пятой четырнадцатую отправили. Нас оставили, а их срочно погрузили — и на фронт.

Опять нам продолжать учиться. Днепр форсировали без нас. Операция была очень неудачная. Надо было кучно собираться на земле, а лётчики бросали десант с большой высоты над Днепром. И пока приземлялись, немцы расстреливали прямо в воздухе наших парашютистов. А вот с земли форсировали лучше, чем десантные войска. И Днепр взяли. Пятая бригада участвовала, но они потеряли знамя. А знаменосец и его помощник, когда приземлились, не могли долго выйти к своим, ходили по лесам два месяца. Боялись, что на немцев попадут. Когда вышли к нашим, их сразу в штаб ВДВ в Москву отправили. Первому знаменосцу дали Героя Советского Союза, а второму дали Орден Ленина. А раз знамя потеряли, пятую бригаду расформировали, и от них в нашу четырнадцатую много народу пришло.

Днепр взяли, наши стали наступать уже систематически. И Сталин решил в 1943 году показать силу и мощь Советской армии. Создали из десант-

ных войск Восьмую ударную армию¹, и нас всех направили на фронт. Приехали мы к Будапешту. Он ещё не полностью был освобождён. Ночь ночевали в каком-то особняке, хозяев не было никого. И мы на перинах спали ночь!

Утром просыпаемся: приходят хозяева. Они каждый вечер уходили в подвал, в бомбоубежище. Они не ругались, что мы заняли их апартаменты. Наоборот: завтраком нас накормили!

И вот мы отправились к озеру Балатон. Шли ожесточённые бои. Там немцы применили новые танки с инфракрасной пушкой. Когда пехота поднималась в атаку, они направляли на солдат лучи и ослепляли их. Человек не видел ничего какое-то время, в этот момент немцы имели преимущество перед нами. Поэтому был приказ: «За каждый подбитый танк – звание Героя Советского Союза!» Сталин знал, чем распоряжаться. Там танки все уничтожили!

Всю ночь мы ехали, в каком-то сарае ночевали. Утром в четыре часа слышим: «тяф-тяф-тяф». Наши зенитки стреляют по самолетам. А те на бреющем полёте над нашими колоннами идут. И целый день с четырёх часов немец нас бомбил: одни

1 8-я гвардейская общевойсковая ордена Ленина армия — оперативное объединение (гвардейская армия) РККА, участвовавшее в Великой Отечественной войне.

улетают, другие прилетают по нашим колоннам стрелять. Только стоны слышны были. Лошади ржут, бомбёжка, кровь везде. Зрелище... Мы приняли боевое крещение. Узнали, что такое война. И целый день на машине так ехали: только рассядемся — немец вылетает, по нам строчит. Мы машину останавливаем, выскакиваем и разбегаемся в разные стороны, чтобы пули не попали в нас. Он вбок-то не стреляет, только по колонне. А один солдат из нашего расчёта говорит: «Я больше не побегу, останусь». Налёт прошёл, мы в машину забегаем, а он в луже крови лежит. В госпиталь отправили.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Потом налёт начался, мы всё бросили, разбежались. А наш шофёр Гаврющенко, он самый старый среди нас был, последним выбегал из машины. Или на тормоз ручной он не поставил, или вообще тормоза у него не держали. Но мы глядим, а машина наша тихонько пошла. С пушкой. Это ж катастрофа! Трибунал. Мы кричим: «Гаврющенко, машина пошла!» Он увидел, бегом успел заскочить в машину, затормозил. Благодарны были ему, что машину сохранил.

Вечером уже темнело, мы вышли под откос. Там лощина была. С той стороны немецкие войска стояли, тоже на пригорке. Всё время стреляли осветительными ракетами. Только одна погаснет — вторая вылетает. А нам перебраться надо через лощину и пушку перетащить. Машиной нельзя, только на руках. Мы выбрали момент, пока несколько минут ракеты не было, и пушку покатали. И вдруг я слышу «Динь!» Потерял сознание, упал. Мина рядом разорвалась. Они пушку перекатали, а меня нет. Пошли искать. Нашли, а я оглох, но говорю, что живой. Меня дотащили до позиции, там я отлежал-

ся. А к четырём утра надо подготовиться, место под пушку выкопать, снаряды поднести. Должна артподготовка начаться. Прорыв готовили.

Первый сигнал для артподготовки нам дали «катюши». Они выше нас стояли. И прямо через нас эти болванки огненные полетели! Из всех орудий два с половиной часа молотили. В четыре часа слышим: пехоту подняли в атаку. «Ураааа!» — покатилося. Вот как в кино показывают, точно так же. Пехота пошла в атаку, и мы за ней.

Спустились мы с горы в поле, а там всё заминировано было. Сапёры наши только коридор делали для прохода машин. Это в Венгрии было. Вот мы это поле прошли, ещё три деревни заняли. А там ночи тёмные. Стена какая-то, остановились около неё на ночь, а утром глянули: там скотный двор был. Зашли, а там все быки и коровы на привязи были, и все полегли, задохлись.

Три дня мы в этом каменном сарае стояли. Немец в нас шрапнелью стрелял. Три дня кухни не было. Мы есть хотим. На третий день наконец кухня приехала нас кормить. Только повар начал раздавать — опять бомбёжка. Он бросил всё и удрал. А мы, невзирая на бомбёжку и шрапнель, котелками черпали кашу, да кто куда разбегались.

А потом нас в наступление послали. Была Сто четвёртая дивизия и наша Сто пятая. Сто четвёр-

тая почти вся полностью погибла, и нашу в бой бросили. Мы вышли на поле, а там танки были — «Тигры». И солдат наших ужас сколько было на поле! Столько их погибло, мы за голову хватались. Но наши ребята были молодые, бесстрашные. «Тигры» брали в плен с экипажем. Ухитрялись подползти так, чтобы попасть в непростреливаемую из пулемета зону безопасности. Забирались на верх танка, стучали по люку. А немцы же не думают, что это наши солдаты. Они люк открывают, наши туда гранату — раз и всё. Танк оставался неуправляемым. Много «Тигров» взяли в плен.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Остановились мы в каком-то разъезде, в лесу, заняли площадку, пошли станцию смотреть. А там вагоны и цистерна стоит. Открыли вагоны, а там американское обмундирование: шорты жёлтые. Мы набрали их и понадевали на себя. Жара же была после 9 мая. Оделись как янки. Командир увидал, закричал, велел всем немедленно снять. В цистерну полезли, там спиртное. Мы черпали оттуда и напивались до беспмятства. Командиры не знали, что

с нами делать. Решили прострелить эту цистерну. Прострелили, а снизу-то осталось! Ведром черпали и всё равно пили. Потом ведром неудобно уже стало, и один солдат наш решил спуститься туда. А там же пары винные, он в дурмане упал и утонул в этой цистерне. Тревогу подняли. Спустились туда в противогазе, вытащили уже мёртвого. И только тогда цистерну утащили.

До Чехословакии дошли, до Праги. Ликвидировали немецкую группировку войск, которые уклонялись от капитуляции. Бои мы закончили 12 мая. Убили последнего солдата у водонапорной башни. И война кончилась.

Так случилось, что встреча с Павлом Парфёновичем Казанцевым состоялась незадолго до его ухода в мир иной — сердце фронтовика остановилось. Тем ценнее его последние слова, сказанные при нашем расставании:

— Я горжусь, что в нашей стране растёт молодое поколение россиян, которым неизвестно, что такое война. Пусть это длится как можно дольше. Чтобы не было войны! Война — это страшное

У Победы наши лица

бедствие. Война никого не щадит. Надо, чтобы молодёжь познавала науки. Я доволен, что имел семь классов. Я ориентировался в армии и в жизни лучше, чем люди с четырьмя классами образования. Желаю, чтобы молодые люди учились и были бесстрашными!

Ожог

Я вышел живым из боя,
вернулся на отчий порог,
но не даёт мне покоя
на сердце войны ожог.
Память острее от ожога:
зову я мальчишек седых,
молясь по заветам Бога
за мёртвых и за живых.
О Господи, Боже правый,
горю я желаньем одним:
всем павшим — законной славы,
прозрения — всем живым.

*Венедикт Станцев,
уральский поэт-фронтовик*

*Кто-то родом из детства... Я — из войны,
Из блокадного бедствия, из его глубины.*

Г. Беднова

МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО Я МОГУ ВСПОМНИТЬ, — ЭТО ДЕТСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ...

*Олег Георгиевич Никифоров родился в Ленин-
граде в 1939 году. Он из тех детей, чьё детство
было перечеркнуто страшным шрамом блока-*

*ды. Весь его рассказ о
жизни пронизан двумя
жестoko вбитыми глу-
боко в душу ощущени-
ями — голодом и холо-
дом. Воспоминания о
голоде не отпускают
до сих пор: Олег Геор-
гиевич чрезвычайно бе-
режно относится к еде,
особенно к хлебу. Ни
одна крошечка не мо-
жет быть выкинута.
Потому что это чья-
то жизнь...*

Блокада Ленинграда длилась 872 дня: с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года. В период фашистской блокады от голода умерли не менее 800 тысяч человек: больше, чем все людские потери Великобритании и США за период Второй мировой войны.

Во время блокады ежедневная норма хлеба для рабочих составляла всего 250 грамм, для служащих, иждивенцев и детей — вдвое меньше. В конце декабря 1941 года вес пайка вырос почти в два раза, но многие до этого момента просто не дожили.

За годы блокады на город было сброшено 107 000 бомб и выпущено 150 000 артиллерийских снарядов.

— Олег Георгиевич, какое воспоминание самое яркое?

— Холодно было. Это я точно помню. Мать была медсестрой и в основном находилась в части. Но часть находилась сравнительно недалеко от горо-

да, иногда она приходила домой, приносила часть своего пайка, подкармливала. А потом, уже чуть позже, на улице Бакунина открылась кухня с детским питанием. Вот мать порой заходила, брала это питание. Но то, что там приготавливали, мало-съедобное было: соевый кефир, соевое молоко...

— А с кем вы были, когда мама была на службе?

— Пока мать работала, я находился у тётки на Петроградской стороне. Она там работала в литографии. Мама возила меня на автобусе. Битком забит автобус, он небольшой был. В него с трудом влезали. Но из окна автобуса не увидать ничего, о городе ничего не скажешь. Тот город я совсем не помню.

После работы мать забирала меня, когда имела возможность подольше быть дома. Тётя тоже работала допоздна, потому что был ненормированный рабочий день. У неё скудный паёк был. И

мать приносила часть своего пайка нам: мне, тёте и её сыну. Он старше меня был.

— Чем вы, маленький ребёнок, были заняты?

— А вот когда я у тёти был, то развлекался энциклопедией. У тёти была огромная библиотека, там были такие фолианты энциклопедические! С цветными гравюрами: армейская форма, различные ботанические рисунки, жучки, птички. Очень интересная. Холодно было зимой, топить печку было практически нечем. Мы стулья сжигали. И этой энциклопедией тоже приходилось топить печку. Печка кафельная была, красивая, но всё равно было холодно. Укутывались, чем можно было. Естественно, что ни на какие прогулки я не ходил.

А дома у меня был маленький велосипед. У нас комната в коммунальной квартире большая, 32 метра. И вот я по комнате катался на велосипеде. До войны у нас ещё были часы настольные с музыкой. Поскольку они уже практически не функционировали, я играл с этими часами, разбирал их. Игрушки тоже были, сами делали. И ёлочные игрушки были, мы ёлку ставили. А что ещё было? Я не помню.

А вот после снятия блокады тётя меня в детский сад устроила. На Кировском проспекте, недалеко

от Кировского моста, рядом с дворцом Комиссаржевской находился особнячок, где был этот детский сад. Утром тётя приводила, вечером забирала. Это было уже после снятия блокады, но война ещё не кончилась. Утром тётя меня несла на закуорках. А до дома шли мы пешком мимо здания Ленфильма на Кировском проспекте. Я помню: там были красивые светофоры...

— Расскажите о ваших близких и их судьбах.

— Отец ушёл в армию и в 1942 году погиб в районе Пулковских высот. Мама была медсестрой в воинской части. Она с ранеными имела дело. Ходила на работу два часа пешком, никакого транспорта не было. А жили мы на Калашниковской набережной. Это между Охтинским мостом и Финляндским, как раз на берегу. А вот сестры моей старшей в городе во время блокады не было. Она, скорее всего, в эвакуации была. Я помню, что я был один. Может быть, к родственникам каким-то её отвезли? Мама работала в военной части, её не отпустили, и мы с ней остались в Ленинграде. Она была медсестрой, в то время — это дефицитная профессия была.

Сейчас сестра очень болеет, живет в Отрадном. Ей уже 86 лет. Я даже и не знаю, жива ли она сей-

час. Когда последний раз жена ей звонила, она уже говорить почти не могла, сил не было...

— А соседей по квартире помните?

— Помню, да. Мы жили в старом купеческом доме. Там было три жилых помещения, комната для прислуги и огромная кухня. Плита огромная была, примерно треть кухни занимала. Была ван-

ная с нагревателем воды, который дровами топили. Народа нас там проживало 7 семей. В одной квартире жили дворник с дочерью и её мужем. В другой квартире семья: муж, жена и двое девочек. В третьей две старушки жили. Одна работала кондуктором в трамвае. А другая – бухгалтером. И ещё семья была: муж, жена и дочка. Где работала жена, тетя Маруся, я не знаю. А вот её муж был снабженец, работал на каком-то складе. Ещё в одной комнатухе жили мать с дочкой, там комнатки очень маленькие были. А в другой жила семья из

двух человек и маленький ребёнок. Ну а отношения были как в обычной коммунальной квартире: порой нормально, а порой споры были. В основном люди нормальные были. В блокаду полностью остались все жить в квартире. Поэтому когда мать окончательно вернулась, демобилизовалась, мы в своей комнате жить остались.

Ещё в квартире у нас была кошка. Но вот из-за этой кошки я заболел стригущим лишаем, и мне всю голову обстригли, выщипали все волосы. Лечился в больнице Раухфуса, недалеко от Невского. Так что волосы опять отросли. А вот к старости всё равно все выпали...

— ***Победу помните?***

— Нет, не помню. Говорят, салют был.

— ***Отношение к еде после блокады сохранилось?***

— Я к хлебу отношусь очень бережно. Если корка хлеба не потеряла своей ценности, не испортилась, я её не выбрасываю. С остальной едой то же самое. У моих детей такого уже нет.

— ***Что запомнилось из быта в детстве?***

— Было плохо с дровами. У нас была знакомая, жила на Кирилловской улице, по национально-

сти литовка. У неё был деревянной сарай, там были дрова, их очень много было. Вот не знаю, как она их в блокаду не сожгла! Может быть, она уезжала, а дрова остались? И она их предложила нам, так как мы семьями дружили в то время. И я зимой на санках возил их до дома. Но мне было уже лет 7-8 примерно, после войны это было. Поэтому силы были, но всё равно с трудом возил. С Кирилловской на Калашниковскую набережную. Мама после войны работала швей-мотористкой. Это какая-то участвующая компания была, на Бакунина. Там заведующий с армейских складов получал шелковые парашюты. Мать при-

носила эти парашюты домой, распарывала ткань. Там, в этой шарашке, они её красили и шили вещи. Я помню, я там бывал. Стоял конвейер, машины в ряд стояли, то ли платочки они шили, то ли что-то подобное. И вот таким образом мама зарабатывала — швейей.

А у нас и в войну, и после одежда всегда старая была, мать перелицовывала её много раз. От старших к младшим эта одежда переходила, ремонтировали её всё время, носки штопали. Тётя была большая мастерица штопать носки, у неё грибок специальный был. И я тоже этим занимался. А купить что-то было проблематично.

— Как вы в Первоуральске оказались?

— Учился я в школе то в одной, то в другой. Переводили. После окончания школы учился в техническом училище, на радиотехническом. Я радиомеханик по специальности. Потом окончил институт и работал в разных НИИ инженером, объездил все флоты. Занимался ремонтом аппаратуры, которую разрабатывали в этих НИИ. В 90-е годы дочка вышла замуж за курсанта. Он учился в военной медицинской академии. Затем, после того как он женился на моей дочери, они переехали на Украину. Там жил его отец, вот они и перебрались. Мы к ним ездили в отпуск, а по-

том решили переехать туда, так как очень скучали по дочери. Продали квартиру в Петербурге и перебрались в Кривой Рог, прожили там с 2007 по 2014 год. А в 2014 году нас буквально вынудили оттуда уехать.

Но перед тем как уехать, мы купили в Крыму дачу и жили там ещё около года. У дочери к тому времени родился сын, он сейчас взрослый уже. Так и остался жить на Украине. А дочь с зятем перебрались на Урал, у зятя тут родственники были. Он сам родился в Новосибирске, а родственники его жили в Кыштыме. И они осели тут, на Урале. Ну и мы перебрались тоже: оказалось, что жене

климат Крыма противопоказан, там такая жара и ветра! В 2015 году мы перебрались сюда. Я не жалею, что из Питера уехал. Там такой климат! Здесь намного лучше для здоровья. К сожалению, после этих переездов фотографий у нас не осталось. Сохранились только с начала 2000-х годов.

— Чем занимаетесь на досуге?

— Выйдя на пенсию окончательно, я работал в Таврическом саду, садовым работником. Сейчас, чтобы занять время, на даче копаю грядки. Раньше лыжами занимался, был первый разряд. И здесь порой в хорошую погоду, когда не очень холодно, тоже катаюсь. Это привычки молодости. Я в походы ходил, был инструктором по туризму. Водил группы туристов, ходил в длительные зимние походы на приполярный Урал. Втянулся в такой активный образ жизни. Компьютером владею. Но так, в первом приближении. В соцсетях меня нет, не интересуют. Но блогеров слушаю. Сергей Михеев мне нравится. Захар Прилепин. Вот его уроки истории было бы неплохо преподавать в школах. Он так грамотно, детально, объективно об истории говорит! Это надо доносить более широкому кругу детей. И не только детей, но и взрослых.

— Что вы пожелали бы следующим поколениям?

— Не забывать, что поносить страну, в которой ты живёшь, как бы плохо в ней ни оказалось для тебя, это кощунство. Я против того, чтобы обливать грязью страну, где ты родился, живёшь, где получил образование. Тем более, что советское образование намного лучше, чем западное!

В самом начале нашей беседы супруга Олега Георгиевича деликатно вышла из комнаты. Попросили рассказать о себе – стала отнекиваться. И все же:

— Олег Георгиевич, расскажите о вашей жене?

— Дело в том, что я не в первый раз женат... Анна Павловна родилась в Челябинской области. Её родители в войну были отправлены работать на Урал. И вот там она и родилась в 1943 году.

Анна Павловна, смущаясь, присоединяется к нам.

— Я детство особо не помню, я была маленькая, помню только со слов бабушки. Мама у меня умерла, мне было два года. Отец женился на её сестре. И тётя наша родная поднимала нас с сестрой. Как кончилась эвакуация, мы сразу же уехали в Кол-

пинский район. А с мужем мы познакомились случайно, уже в 1991 году, 30 лет вместе. Мы вроде обычные люди, жили обычную жизнь, а теперь у нас интервью берут...

...Когда мы готовили это интервью, то обзванивали по списку ветеранов войны, тружеников тыла, узников, вдов, детей войны. И вроде списки получили «свежие», им и пары месяцев не было. А всё равно почти в трети случаев слышали печальные вести, что люди, выжившие в войну, поднявшие страну из руин и пепла, проигрывают борьбу со временем. Их воспоминания, мысли, истории утекают между пальцев, как песок. Звонишь и не знаешь, что услышишь, надеешься на лучшее. И поэтому те, с кем нам посчастливилось встретиться, люди, которые всю жизнь считали себя обычными, вдруг становятся будто огоньками в темноте. И ты бежишь к этому огоньку, чтобы увидеть его свет, запомнить, записать, донести до будущих поколений, которые уже не увидят свет от этого огня, только прочтут книгу о нём...

«ЭТО НЕ РАССКАЗАТЬ. ЭТО НАДО ПРЕДСТАВИТЬ!»

Николай Михайлович Борисов выходит нас встречать к порогу, он нам рад. За отцом присматривает дочь, Надежда Николаевна. Она хлопочет в кухне, но наша беседа ей слышна. Николай Михайлович плохо слышит, и потому мы говорим довольно громко. Надежда Николаевна изредка заходит в комнату, вплетает в наш разговор интересные детали.

— Как вы попали на фронт?

— Меня призвали, и я ушёл на войну в 1943 году. Дома, в Ярославской области, осталась только мать. Отец раньше был призван, брат старший служил в Ленинграде. Попал я на Балтийский флот, служил матросом-мотористом торпедного катера. Жили в казарме. Там только кровать была.

Когда боевых действий не было, надо было технику привести в порядок. Вот этим занимались. Воевал с 1943 по 1945 на Балтийском флоте, под Ленинградом, в Кронштадте.

— А развлекались как?

— Во время войны какие там развлечения, что вы! Потом — да, были праздники, но только большие. Вот эти

праздники давали возможность открывать душу, выйти на волю. И позаниматься тем, что предлагали. Сыграть в волейбол, например. В перетягивание каната. Спортивные развлечения были.

— Во время блокады как было?

— Кормили плохо. Да чем-то жидким, баландой. А в день снятия блокады я был на корабле в Кронштадте. По радио мы узнали. Радоваться некогда было, надо было двигаться дальше.

— В каком звании вы ушли в отставку?

— Я — полковник. А во время войны был матросом, старшим матросом. Потом — старшина первой статьи, второй статьи. Люди в подчинении были, мои одногодки, но я ими командовал. Назначили меня. Но мы с ними и служили, и жили в одной казарме. Общий кубрик у нас был, очень большой.

— А почему после войны остались служить?

— Потому что в колхозе, в котором осталась мать, было очень плохо. По всем направлениям. Лошадей не было, они были все мобилизованы на фронт. Если две лошади там остались, то на них и

пахали. А что они могли сделать многого? Ничего. Поэтому после войны я остался в Ленинграде и поступил в военно-морское училище.

Во время беседы наш фотограф успевает не только делать репортажные снимки, но и разбирает старые фото Николая Михайловича. Не всегда на них можно узнать молодого моториста. Кое-что уточняем. Николай Михайлович с удовольствием поясняет, кто из людей запечатлён на фото. Одной фотокарточке, где группа военных запечатлена на кладбище, уделяет особое внимание:

— А вот печальная фотография. Почему? Потому что мы хоронили одного матроса, который не вернулся с увольнения. Подвыпили они там. Корабль стоял у бочки. А это расстояние довольно серьёзное. В определенное время подходили буксиры и принимали увольняющихся. Сидел он на парапете, а там волна. Волна не терпит разгильдяйства! Он подвыпивший был, и море ему было по колено. Вот он вывалился и утонул. Искали его, нашли через какое-то время. Мы его хоронили. В Таллине.

— ***После войны и училища что делали?***

— Нас списали с торпедных катеров, там нечего больше было делать. Их уже надо было серьёзно

ремонтировать. И я попал на крейсер «Макаров». Там служил недолго, потому что он предназначался на продажу. А потом я попал сюда, на Урал. Там служить не было места. А я ещё не использовал все свои ресурсы.

После того как уволился с крейсера, я недели две даже не знал, что мне делать, куда податься, чем заняться. Куда-то ехать или увольняться совсем из армии?

Пошёл к полковнику в отдел кадров, говорю:

— Товарищ полковник, что мне делать, куда направиться? Может, уволиться?

А он показывает мне на стопку дел личных, и говорит:

— Вот сколько людей надо устроить. Все хотят на флот попасть!

И предлагает мне:

— Если хочешь служить, я тебе сегодня же напишу направление.

— Куда? — говорю. — В какую часть? В какую местность?

Он говорит:

— В Казахстан.

А там тогда как раз строился Байконур.

Я говорю:

— Нет, там жарко и песка много.

— Ну, ладно, — говорит, — завтра придёшь, предложу тебе ещё место.

Прихожу на следующий день, а он говорит:

— Я подумал и хотел тебе предложить на Урал.

— А Урал какой? Южный? Средний? Северный?

Он говорит:

— Южный.

Я говорю:

— Нет, на Южный не хочу. И на Северный тоже не хочу.

Вот и попал на Средний. В Свердловск приехал я в Новый год. Пошёл в отдел кадров с предписанием, что я не бродяга какой-то. Но

Новый год какой-то длинный праздновали, сразу не решили ничего. Дали общежитие. Каждый день я ходил в штаб Округа, там разбирались, в каком положении я оказался. Посоветовалось начальство, посмотрели на меня и назначали в клуб, начальником клуба.

Ну что делать? Пришлось согласиться. И полгода был начальником клуба. Потом секретарём

партийной организации сапёрного батальона. Батальон небольшой был, конечно. Но действующий. Сюда женатым уже приехал. Потом дали квартиру.

— А с женой как вы познакомились?

Эту историю нам рассказывает уже Надежда Николаевна:

— Они познакомились в поезде. Вот только я год не скажу. Пятьдесят второй или третий ли? Они ехали с двоюродным братом из Ленинграда в Сочи. И моя мама с подружкой туда же ехали. А мама проспала. Поезд рано утром уходил, её провожал отец. Подружка-то на вокзале мечется, где они? И вдруг бежит мама и отец, он у неё такой

видный был, высокий. Вот они бегут, высунув языки. Только забежали, и поезд отправился. А у них в плацкарте был общий купейный закуток. Ребята ошалело смотрят, а мама, так как проспала, опоздала и не поела, открывает кошёлку, достаёт оттуда что-то, вот как в «Девчатах», полбатона, что ли? Чем-то намазывает и начинает есть, ни слова не говоря. Вот с этого

всё началось. Ехали они двое суток, наверное. Сейчас меньше идёт поезд. В карты играли, развлекались. Ещё кто-то из ребят свалился со второй полки вместе с матрасом. Вот они хохотали над ним. И договорились встретиться на пляже. А жили все в частном секторе, видно, заранее списывались с хозяевами. Но в разных районах. А девчонкам парни-то что-то не глянулись. Они на пляже от них прятались. Шляпы на нос надвинут — и не узнать

их. А парни на пляж-то ходят, ищут. Нечаянно нос к носу в столовой потом столкнулись. И папа с мамой начали встречаться. Причём самое интересное, что двоюродному брату отца тоже мама приглянулась. И он потом говорил, что если бы они не были братьями, то он обязательно бы её отбил.

— Николай Михайлович, что вы пожелали бы нынешним детям, молодёжи?

— Не бегать зря, не транжирить время. Читать больше. Надо брать с собой багаж знаний, учиться чему-то. Действовать.

Пожилые люди устают быстро, мы благодарим Николая Михайловича за уделённое нам время. Делаем портретную фотографию. Выходим в коридор. На глазах у моряка, ветерана, полковника, слёзы...

— Надежда Николаевна, мы расстроили Николая Михайловича, простите!

— Ничего, отойдёт.

Некоторое время размышляет, потом добавляет:

— Может, вам такой сюжет ещё пригодится. У нас в Питере родня живёт, мы ездим туда периодически. У брата там дача. И по соседству женщи-

на живёт, у неё мать во время блокады была водолазом. Оказывается, когда через Ладожское озеро по Дороге Жизни автомобили-то ходили по льду и тонули, то на дно водолазов опускали, чтобы они их вытягивали! Там не сильно глубоко. И женщины-водолазы вытягивали и машины, и продукты. Вот та же мука, представляете: мешок? Он сверху на сантиметр намок, а внутри-то сухо! И её дочь говорит, что они выжили благодаря тому, что мать была водолазом, у неё был паёк...

Сколько таких историй, невероятных, сегодня кажущихся чем-то из разряда героических мифов Греции, есть у жителей нашей страны? Неведомо. Мы стараемся записать как можно больше. Узнаёшь о них случайно. Как в этот раз, когда встреча с ветераном войны и его дочерью неожиданно добавила в нашу книгу ещё одну небольшую историю о подвиге ленинградцев.

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Их теперь совсем немного –
Тех, кто пережил блокаду,
Кто у самого порога
Побывал к земному аду.
Были это дети просто,
Лишь мечтавшие о хлебе,
Дети маленького роста,
А душой почти на небе.
Каждый час грозил им смертью,
Каждый день был в сотню лет,
И за это лихолетье
Им положен Целый Свет.
Целый Свет всего, что можно,
И всего, чего нельзя.
Только будем осторожней –
Не расплещем память зря.
Память у людей конечна –
Так устроен человек,
Но ТАКОЕ надо вечно
Не забыть. Из века в век!

*Лев Зазерский,
уральский поэт*

Из блокнота журналиста

Эта публикация — скорее ретроспектива в прошлое. Это замечательное интервью взято более десяти лет назад у Нины Константиновны Красковской, сопредседателя Первоуральского филиала Свердловской областной ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей.

Мы предлагаем вам это интервью полностью. Дополним его лишь некоторыми пометками, актуальными на сегодняшний день, чтобы вы знали не только о том, что было. О том, что нельзя забывать. Но и о том, как быстро время крадёт

у нас то, что наш народ с таким трудом отвоевал у фашистов. Мы можем сохранить лишь память...

**«НЕТ ЧЕЛОВЕКА
БЕЗ ПЕЧАЛЬНОЙ
МЕТЫ
ИЗ ПОКОЛЕНЬЯ
СТАРШЕГО
ЛЮДЕЙ...»**

Прочитала эти строки в альбоме «СУДЬБА», который оформляет Нина Константиновна Красковская, председатель Первоуральского филиала Ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей, Почетный новотрубник. Как правдивы они! Вот и Нина Константиновна пережила такое, что не приснится и в страшном сне, испытала, казалось бы, непосильные удары судьбы. Несмотря на это, она всегда энергична, приветлива, жизнерадостна, способна прийти на помощь людям. Знаю Нину Константиновну давно, а «про жизнь» говорим впервые. Слушала, затаив дыхание, почти не задавая вопросов, боясь прервать поток воспоминаний.

— Родилась в июне тридцать четвертого в Старой Руссе Новгородской области. А зарегистрировали на станции Тулебля, куда папа, имея 9 классов (в то время такое образование считалось высоким), был направлен для организации колхоза. Работал избачом, председателем сельсовета. Но я считаю родиной город Старая Русса. Когда началась война, город разрушили, уцелели лишь дом писателя, дом купца Токарева, водонапорная башня и несколько храмов... Сейчас храмы восстанавливают.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Нина Константиновна родилась в 1934 году

в семье офицера Якоби в городе Старая Русса Ленинградской области, сейчас это территория Новгородской области.

Папа был из Питера, женился на крестьянской девушке, моей маме. Когда мне был годик, приехали в Ленинград, папа поступил в военно-инженерное училище. Был конец мая сорок первого года,

когда мама с нами, двумя детьми, вернулась в село под Старую Руссу. От папы успели получить лишь одно письмо, так как началась война. Больше от него вестей не было, погиб в первые дни войны.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: На момент начала войны семья проживала в деревне возле Старой Руссы. Маленькой Нине было 6 лет, и она прекрасно понимала значение слова «война». Отец ушёл на фронт 22 июня 1941 года, в первый день войны.

Второго августа немцы вошли в деревню, спалили её, остались лишь два дома по краям... Как в фильмах показывают, так и было: всё в огне, идёт бой, они въезжают на мотоциклах с развевающимися сзади плащами...

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Женщины и дети готовились к наступлению армии Германии и рыли землянки и укрытия от авиации и бомбёжки. Вся деревня была сожжена. Укрытия помогли сохранить жизнь населению.

Мы вместе с односельчанами стали жить в нашей баньке. Конечно, голодали. К зиме взрослые приволокли дом из другого села, но половину его заняли немцы, оставив нам маленький уголок, но тёплый: печку топили.

Весной сорок третьего, когда в наших краях: Ленинградской, Новгородской, Псковской, Брянской областях — стало развиваться партизанское движение, немцы начали мстить за свои поражения, откатываться на Запад, увозя всех нас с собой.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: В 1943 году все жители были вывезены в Латвию, Эстонию, Литву в качестве рабочей силы на фермы. Работали все без исключения: старухи, женщины, маленькие дети.

Привезли в Литву, разместили по хуторам. Помню, стоим на привокзальной площади, льёт дождь, всех разобрали литовцы, а нашу семью (маму, бабушку, братика и меня) забрал немец. У него было фермерское хозяйство, и мама с бабушкой много работали, а я должна была смотреть за братиком и начищать целое ведро мелкой, как горох, картошки. Однажды Шурик пробежал по кухне, хозяйка толкнула его, он задел кипящий с бельём таз и обварился. Пролежал три недели и умер. Так не стало братика.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: В 1944 году всех пленных вывезли в Германию в лагерное отделение для гражданских концлагеря Бухенвальд на территории города Дуинген. Здесь располагалось деревообрабатывающее производство. Пленные изготавливали крылья для самолётов, маленькие дети сколачивали фанерные ящики для динамита. По воспоминаниям Нины Константиновны, в лагере были представлены национальности всей Европы.

Продержав год в батраках, нас (были и мамина сестра с детьми и свекровью) повезли в Германию, поселили в рабочий лагерь. Пленные, в том числе и дети, сколачивали ящики.

Работали с раннего утра до позднего вечера. Присмотр был жёстким, наказывали за любую провинность... Детвору заставляли работать ещё и на кухне.

В лагере находились люди разных национальностей: поляки, чехи, украинцы, белорусы, югославы... Я быстро выучила немецкий язык, и меня использовали в качестве переводчика.

Хорошо то, что детей не отселяли от взрослых. Барак был длинным, с трехъярусными нарами.

Рядом лагерь французских военнопленных, огороженный колючей проволокой. Тогда я впервые узнала о Красном Кресте, который присылал им посылки.

Французы через колючую проволоку передавали нам галетки, кусочки сахара. У них было радио, и они нам сообщали об освобождении городов... Кормили в лагере бобами, брюквой, давали кусочек со спичечный коробок эрзац-хлеба раз в сутки, постоянно хотелось есть. Поскольку детям

*Нина Константиновна Красковская
и Вера Степановна Васильева. Ассоциация
узников гетто и нацистских лагерей*

разрешали выходить за территорию лагеря, мы в лесочке набрали грибов, сварили их и отравились, долго болели. А накануне Нового года мы поступались к булочнику, попросили хлеба. И он дал нам по маленькой булочке.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: С приближением окончания войны лагерь подвергался постоянным бомбёжкам, небо было заполнено авиацией Великобритании и США. Пленные прятались в загончиках, временных укрытиях. В случае наступления освободительной армии немцы планировали утопить в шахте всех пленных, но не успели.

Наступила весна 45-го года. Помню: день был солнечный, ясный. Вдали слышались звуки, похожие на гул орудий, вскоре показались американские танки — наши освободители. На поле, недалеко от лагеря, сел самолёт. Вышли американские лётчики, они бросали нам конфеты... Началась агитация: склоняли остаться в Германии. Переселили в другой лагерь, на территорию, занятую Красной Армией. Взрослые собирались на митинги, писали письма-обращения к Сталину, чтобы приняли нас на Родину. Врезалось в память, как

наши и американские солдаты приносили нам полные пилотки вишни, кто денежку даст, кто по голове погладит, за руку возьмёт. Мы были измощённые, в лагерной одежде... Прямо на улице показывали трофейные фильмы, устраивали полевые кухни, нас кормили.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: При формировании эшелонов с пленными военными из США предлагали гражданам в СССР не возвращаться, предупреждая о том, что на Родине их, вероятнее всего, ожидает тюрьма.

После окончания Великой Отечественной войны в СССР вернулось свыше 5 миллионов репатриантов — гражданских и военных лиц, в силу разных причин, оказавшихся за пределами своей страны. Среди них были как насильно вывезенные в Германию, так и перебежчики.

Возвращение из плена — серьёзный риск. Однако бывшие узники выбрали Родину, лишь единицы остались в Европе, опасаясь гонений в СССР.

Начали формировать эшелон для отправки на родину, маму взяли секретарём. Везли через Берлин, Польшу... Когда переехали границу, взрослые падали на колени и целовали родную землю, плакали...

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Нина пошла в школу почти в двенадцать лет, училась на «отлично». Потом поступила в Индустриальный техникум чёрной металлургии в Ленинграде. В 1956 году, по распределению, уехала в Первоуральск на Новотрубный завод вместе с подругой и своим будущим супругом Виктором, пережившим блокаду Ленинграда.

Отец Нины Константиновны считается без вести пропавшим. Мать и бабушка после войны остались жить в Ленинграде.

Дома мы оказались уже в конце сорок пятого года. Началась мирная жизнь. Приняла нас тётя в дачный дом, я пошла в школу в одиннадцать с половиной лет. После окончания семилетки поступила в индустриальный техникум, хотя с моим ослабленным здоровьем работать на производстве было нельзя.

Я уже несколько лет живу с кардиостимулятором. Но такой уж характер упорный, беспокойный. Мне просто необходимо быть в гуще жизни. Пока училась, была председателем профкома техникума, а будущий муж — комсоргом.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: У Нины Красковской двое сыновей, сейчас бабушку радуют четыре внуки. Супруг ушёл из жизни в 2017 году. В 2021 году не стало её младшего сына.

— *Нина Константиновна, а как дальше складывалась жизнь? Что привело в наш город?*

— Техникум окончила с красным дипломом и могла выбрать любой город, но вышла замуж, мужа распределили в Первоуральск, да и подруга сюда поехала.

Муж, Виктор Иванович, ленинградец, пережил блокаду, которая тоже сильно подорвала его здоровье, сначала возникли проблемы со слухом, сейчас практически не слышит. Работали на Новотрубном. У нас два сына, четыре прекрасных внуки. Старший, Саша, живет в Ленинграде, работал на заводе, как и его дед (мой отец). Млад-

ший, Костя, в Первоуральске. Всё сложилось не-плохо. Хотя судьба нам выпала непростая.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: С 1995 года Нина Константиновна возглавляет филиал Свердловской областной ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей.

— Вы возглавляете городскую организацию Ассоциации бывших узников. Тоже ведь нелёгкая ноша.

— Да. Организация уникальная. Раньше сюда было привезено, вдумайтесь только в цифру, четыре с половиной тысячи бывших узников! Когда наша организация появилась, зарегистрировалось 425 человек, сейчас — 99 (на момент публикации. ред.). Уходят... Столько пережито, выстрадано! У нас бывшие узники из концлагерей Освенцима, Бухенвальда и других.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: В конце 1945 года в Первоуральск приехали 4,5 тысячи бывших репатриантов: из Германии, Польши, Австрии, Германии, Франции. По состоянию на июнь 2021 года из этих людей осталось в живых всего 19 человек.

Самое печальное, когда вернулись на Родину, это унижение, непонимание. Даже есть стихотворение, где говорится о том, что наши собственные отцы, отступая, оставляли нас и города под немцами. Так в чём наша вина?! Особенно детей. Мы остались в живых, а сколько погибло? И в этом их вина?

После Победы прошло 65 лет, и лишь недавно нас стали воспринимать как пострадавших, невинных... И только сейчас нам стали помогать. Мы много не просим, самую малость, необходимую на проведение тех же мероприятий. И, слава Богу, есть такие люди как В. Д. Кучерюк, К. Д. Дрыгин, М. А. Зотеев, администрация Новотрубного завода нам помогает: предоставляет ДК бесплатно. Люди наконец чувствуют заботу о них.

Основателем первоуральской организации бывших узников был Николай Борисович Кобель, помогали ему Н. И. Миронов, Ф. Т. Полищук, Д. П. Петренко, Г. И. Овсянникова и другие. Я возглавляю организацию с 1995 года.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Нина Константиновна Красковская ведёт активную деятельность: ежедневно встречается со школьниками, студентами, молодыми специалистами

ми и ветеранами ГО Первоуральск, поддерживает нуждающихся в помощи людях.

— ***Что удалось вам сделать?***

— Многое. Восстановить многим документы, чтобы получить статус бывшего узника, а значит, и полагающиеся льготы, трудоустроить людей, какие-то социальные вопросы, медицинские решать. Сейчас открыта «зелёная улица» членам нашей организации в госпиталь на «Снежинку» и т. д.

В 1988 году по инициативе писателя Альберта Лиханова был создан Союз малолетних узников. А через двадцать лет мы получили медали «Непокорённые».

Благожелательно относится к нам и городская администрация. Настолько, что в 1994 году в отдельно взятом городе приняли решение приравнять взрослых узников (они считались гастарбайтерами, уехавшими в Германию, никаких льгот у них не было) по социальным нормам к участникам войны. Когда вышла областная книга об узниках, мы решили издать свою. Материала собрано много, но средств на издание книги пока нет. Школьники решили помочь: собирали и сдавали макулатуру, металлолом, деньги перевели нам. Мы очень благодарны детям. Надеемся, что книга всё-таки выйдет.

— Нина Константиновна, как вам удалось пережить непонимание и унижение в советское время?

— О! Не передать! Но вопреки всему многие из нас имеют высшее образование, много героев соцтруда, хотя нас негативно воспринимали и на производстве, и в учебных заведениях. Добились этого только благодаря тому, что это были отменнейшие, добросовестные работники. То есть своим трудом, образом жизни неустанно доказывали свою порядочность.

Я, например, пережив столько печального, тяжёлого, столько утрат, потеряла здоровье: была очень нервная. Нужна была выдержка, чтобы не сорваться, особенно в детстве и юности, когда дразнили, обзывали. И вела такую работу над собой, что сейчас меня невозможно вывести из себя. Только сдержанность, терпение, доброта. Наверное, это самообладание и помогло пережить.

На Новотрубном я с пятьдесят шестого по девяносто третий год работала. Сначала в первом прокатном цехе контролёром ОТК, довелось ещё принимать миномётные трубы.

Параллельно училась в УПИ, карьерного роста не получилось, но инженером была неплохим, работала в проектно-монтажном отделе, где и муж. А с 1969 года

возглавляла ещё и заводское отделение общества Красного Креста.

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Нина Константиновна работала всю жизнь на ПНТЗ в проектно́м отделе. Является Почётным донором СССР, имеет Почётный знак Красного креста, награждена медалью Н. И. Пирогова, медалью З. П. Соловьёва, имеет нагрудный знак Даши Севастопольской, нагрудный знак «Непокорённые», медаль «Ветеран труда», юбилейные медали Великой Победы.

— К тому же вы Почётный донор — до 65 лет сдавали кровь! Награждена медалями Пирогова, Соловьёва — и это не удивительно, ибо столько сделали добра для людей. И сейчас продолжаете общественную деятельность. Только вот как всё успеваете и в чём силы черпаете?

— У меня всегда был крепкий тыл — очень хороший муж, Виктор Иванович, с которым мы полвека вместе. Всегда чувствую его плечо, он во всём мне опора. К тому же я человек организованный, с великолепной памятью: никогда ничего не запи-

сываю, всегда всё помню. И помогает упорство — добиваюсь поставленной цели, придерживаясь пословицы: взялся за гуж...

А силы черпаю в поездках на родину и в своём саду. Отдыхаю за вязанием, иногда шью, люблю фотографировать. И, конечно, в общении. У меня жизненное правило: не важно, что случается с человеком, важно, как он с этим справляется. И ещё: ты живи для других и чуть-чуть для себя, и тогда все вокруг будут жить для тебя. Не следует быть ханжой, потому, делая добро другим, рассчитывать на то, что если и мне будет необходима помощь — не откажут.

**— Спасибо за откровенный разговор!
Здоровья вам, Нина Константиновна,
и удачи в работе такой важной и нужной
людям организации бывших узников.**

«Вечерний Первоуральск
свободный», 17 июня 2010 года.

НЕ ДАЙ БОГ ПОВТОРЕНИЯ ЭТОГО!

Приходим на интервью к Вере Степановне Васильевой, бывшей узнице фашистского концлагеря. Звоним в домофон, отвечает очень молодая женщина: «Поднимайтесь!» Заходим, встречает нас хозяйка квартиры с тем самым задорным голосом. На какую-то долю секунды кажется, что это дочь женщины, с которой мы пришли встретиться... Но нет, это сама Вера Степановна. 1942 года рождения, но выглядит она невероятно молодо, рада нам и благодарит за наш интерес к событиям тех лет.

Вера Степановна — очень жизнерадостный, неунывающий человек из тех, кто борется за жизнь, за счастье, идёт к своей цели и по дороге ещё обязательно помогает другим. «Активная» — говорит она про себя... Такой же была её мама, вместе с которой годовалая Вера попала в концлагерь.

Родители Веры Степановны Васильевой

— Вера Степановна, как вы оказались в концлагере?

— Родители жили в Дедовичах, это была узловая станция в Ленинградской области. Сейчас она Псковская. Папа у нас работал в НКВД. Таких немцы забирали в первую очередь. Но его не забрали, он на фронт ушёл. Он был на повышении квалификации в Ленинграде, имел звание младшего лейтенанта, и его отправили на войну. В июне война началась, а в августе он попал в плен. Под городом Старая Русса был ранен в сердце и с 1941

по 1945 год провёл в Германии в плену. А после войны его ещё и на войну с Японией отправили. Он даже домой не попал. Только в 1947 году отпустили. Искупил вину.

А мама с бабушкой остались в Дедовичах. Мама беременная была. Когда ей подошло время родить, они уехали в деревню за двадцать километров. Это был партизанский край, фашисты редко туда заходили. Но всё-таки пришли. Спрашивают: «Где тут у вас связная?» Мама была связной партизанского отряда. Но кто-то ей сказал, что ищут её. И они окраиной деревни сбежали вместе с бабушкой. А по дороге в хлеву мама родила. Бабушка помогла ей. Когда немцы ушли, женщины окраинами до бани добрались, там помылись. Вот так я появилась на свет в январе 1942 года. У меня ещё братик был — Славик, четырёхлетний.

И когда мама с бабушкой вернулись в Дедовичи, в свой дом, фашисты уже начали собирать всех «недостойных» граждан. И нас забрали:

маму, бабушку, мамину сестру, которой пятнадцать лет было. И меня с братиком.

У нас в соседней деревне лагерь был. Сначала мы там находились, потом нас собрали, погрузили в товарные вагоны и повезли неизвестно куда. Не поили, не кормили. Мама рассказывала потом, что в дороге много детей умирало, особенно двухгодовалых. И немцы выбрасывали их из окон поезда пока ехали. Это жутко представить.

Привезли нас в Латвию. Мама рассказывала, что две недели мы сидели на снегу на железнодорожной станции. Ждали, куда нас заберут: или в работники, или в лагерь. Забрали в работники. Бабушку отправили коров пасти, маму на лесозаготовки. Мама сломала там руку или ногу. Не помню точно. Всё, работник из неё никакой. И нас всех отправили в концлагерь.

— *Вы что-то из жизни там помните?*

— Я какие-то моменты помню. Нас ведь в 1943 году забрали. А освободили только в феврале 1945 года. Бараки, одежды никакой, солома. Мама рассказывала, что я плакала навзрыд. И братишка, чтобы я никому не мешала, садился прямо мне на лицо, чтобы не слышно было. И как только выжила я?

Помню, что перед окончанием войны кормить было нечем, и нас отправляли в город побираться. Пересчитывали через охрану, проверяли по номерам и отпускали в город. Голодные мы были. У каждого свой номер. Татуировок нам не делали, у нас нашивки были. Я ещё не говорила ничего, кроме своего номера – 4863...

— А если бы сбежал кто-нибудь?

— А был случай. Я понравилась одной латышке. Я ребёнком светленькая была, симпатичная. И она забрала меня к себе, а братишка в лагерь вернулся один. Но там же пересчитывают и номер проверяют. Он потом рассказывал: чего только с ним не делали, целую ночь он простоял на коленках...

Раз в месяц всех собирали по баракам и в город отправляли мыться, в баню. И вот однажды мама приходит в баню, а там оказалась я с этой латышкой. Я маму узнала, раскричалась, и латышке пришлось меня вернуть. Она приходила потом в лагерь, приносила нам чего-нибудь поесть. Через

забор нам вбрасывала. И когда уже освободились, мы очень часто с ней общались. Она даже потом к нам в Дедовичи приезжала. Хорошая была.

Как в лагере фашисты над детьми издевались! Собирали всех в толпу и стояли, с нами проводили всякие беседы. Рассказывали о тех, кто «недостойн», на коленочки ставили. Но это ещё ничего было. Жутко было, что они выкачивали кровь. Особенно у здоровых детей. Для своих раненых немцев. Мама рассказывала, что это был кошмар. Мама говорит, что утром их отправляли работать на завод: гнали колонной с собаками, под охраной. А вечером приводили обратно. Дети в лагере оставались под присмотром тех, кто работать не мог. Так вы знаете, на территории этого лагеря, я как сейчас помню, голым-голо было: ни травинки не росло. Потому что мы, если нас выпускали, все травинки выкапывали и ели. Мама приходила вечером, и я ей протягивала эти травинки: «Мама, на, поешь!»

— *Вы остались жить в Латвии после войны?*

— После войны в Латвии много осталось наших. И мы очень дружные были. Дело в том, что мама была очень активная, помогала всем, особенно нашим, россиянам.

Она по профессии бухгалтер, с образованием.

Латвия, г. Кулдига. В детском саду. 1947 г.

Устроилась там работать, отправила нас с братом в садик. Даже фотография есть, где мы в садике с братом стоим. В садике воспитателям понравилось, как я танцевала, и тогда мама меня в балетную школу отдала. Ещё помню, как мы на саночках катались. Потом мама и бабушка ходили работать за город. Им давали там питание и одежду какую-нибудь старую.

Там домов было много сожжённых. И мама выбрала нам квартиру на первом этаже. Я её даже помню, прямо сейчас представляю. Заходишь —

*Вера Степановна
Васильева
Секретарь городского
общества бывших
узников концлагерей*

большая комната. Потом поднимаешься по ступенькам, там узко-узко, как комнатка. Мы там спали.

Братику моему не повезло. Под конец войны немцы старались уничтожить концлагеря. Бомбили. Он попал под бомбёжку и был тяжело контужен. У него очень плохо с речью стало.

Бабушка умерла там, так в Латвии и похоронена. Она пошла работать, по дороге упала и умерла. Хорошо, что её нашли...

Мамина сестра, Полина, вышла в Латвии замуж за украинца. У мамы муж был Степан, и у неё – Степан. Потом у них родился Женья, и я ходила нянчить его. Мне уже лет пять было, наверное. Они остались там жить, а мы уехали.

Когда стала работать почта, стали писать в Ленинград. У нас там много родственников было. И

отец стал писать, когда его отпустили. В 1947 году он приехал к нам в Латвию и сказал: «Я не собираюсь здесь жить!» Забрал нас, и мы поехали на родину. Даже фотография есть: мы с мамой стоим, и он в военной форме.

— К себе домой вернулись? Туда же, где жили до войны?

— Да, в Дедовичи. Вы представляете, там всё сожжено было! Я даже сейчас помню это. На площади только два двухэтажных дома остались. Мы почти полгода жили в землянках: выкапывали землянки и в них жили. Потом строиться начали.

*Павел Парфёнович Казанцев
и Вера Степановна Васильева*

А раньше народ был активный, доброжелательный, дружелюбный. Один выходной у всех был — воскресенье. Так мы в этот день ходили друг к другу, помогали дома строить.

Выстроили улицу и называли её Новая! Дома там были деревянные, красивые. И участки были. Мы сад развели. До сих пор у нас этот участок есть, сейчас там моя сестра живёт.

Вернулись на родину, люди моих родителей очень уважали. И папу, и маму. Они работали заведующими общественных складов, тех, откуда потом по магазинам все товары развозили. А раньше тяжело многие вещи было купить, их в продаже не

было. Придёшь в магазин, только скажешь маминo имя — мигом всё, что нужно, находилось!

Братик мой из-за контузии в школе не учился, но мама приспособила его у себя на складе работать. Он очень плохо говорил и умер рано.

— После войны как вы жили?

— Я, пока в Латвии жила, латышский язык выучила. А Латвия была недалеко от нас, латыши приезжали к нам, торговали. И меня соседи всегда звали: рядом был рынок, и я ходила переводила им.

А за нашим садом построили школу двухэтажную. Я ходила в эту школу, училась неплохо. При

школе был учебный огород и сад. Там столько яблок и вишен росло! И в новый год нас в школе поздравляли вот этими гостинцами из сада. А я на этом учебном огороде выращивала разное, юннатом была. И даже дважды ездила на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву! У меня два ордена за это есть. А в 1957 году, когда Всесоюзный день молодёжи проходил в Москве, мы вот в такой праздник туда поехали!

Когда приехали сюда, то у нас балетной школы никакой, конечно, не было. Но я всегда участвовала в художественной самодеятельности. В школе была и комсоргом, и вожатой. Активная я, как мама. И детям моим это передалось.

— А как в Первоуральск попали?

Когда сын подрос, я здесь в Доме ребёнка работала медсестрой. Потому что, когда мы в училище учились, медкурсы проходили.

Latvijas Valsts arhīva dienests

LATVIJAS VALSTS VĒSTURES ARHĪVS

Rīgas Nr. 90000013479, Sēkles iela 16, Rīga, LV-1007, Tālrunis 7613118

ARHĪVALIZĪŠA

Rīga

№ 10 „2004. № 4-7-8075 /2004./” Васильевы Вера Отановна

Ук
О семье Васильевых

В документах архивного фонда "Кулдигская городская управа" - списки жителей /дата составления не указана/ ; в документах архивного фонда "Коллекция писем известных городов и уездов Латвии" - домовая книга хутора "Кантинкас" Кулдигской волости ; в документах архивного фонда "Кулдигская городская больница" - журнале регистрации больных за 1943-1946 годы имеются сведения, что - Васильева Татьяна, род. 21 декабря 1916 года в Дедовичском районе Ленинградской области, сельскохозяйственная рабочая ;

- Васильев Станислав, род. 9 мая 1938 года в Дедовичском районе Ленинградской области /в запросе - Вячеслав/ ;
- Васильева Вера, род. 24 мая 1942 года в Дедовичском районе Ленинградской области /в запросе - род. 21 января/ ;
- Абрамчик /Абрамова/ Акулина, род. 10 марта 1973 года в Дедовичском районе Ленинградской области, сельскохозяйственная рабочая /в запросе - Прокофьева Акулина, 1960 года рождения/ с 24 января 1944 года проживали и были прописаны на хуторе "Кантинкас" Кулдигской волости Кулдигского уезда. Ранее проживали в России.

С 29 февраля по 26 марта 1944 года родинская больная /так в документе/ Татьяна Васильева находилась на лечении в Кулдигской городской больнице.

10 мая 1944 года Татьяна, Станислав, Вера Васильевы и Акулина Абрамова выписаны с хутора "Кантинкас", как 23 апреля 1944 года выбитые на хутор "Абсоллани".

Васильева Татьяна имела удостоверение личности № 4660, Васильев Станислав - удостоверение личности № 4662, Васильева См. на об-те -

Вара - удостоверение личности № 4683 и Абрамович Акулина -
удостоверение личности № 4659 /когда и где выданы удостове-
рения личности, сведений нет/.

Основание : ф.5542, оп. 3, дело 104, л.97 ;
ф.2110, оп. 2, дело 708, лл.10-12 ;
ф.2040, оп. 3, дело 2014, лл.2806-39.

Е.Рыков

А.Скрибин

НИКИТИНА
тел. 7612419
МФ

А когда Дом ребёнка закрыли, я поступила в ГПТУ-6 при Новотрубном заводе. И в этом училище двадцать три года отработала. Даже когда училище переехало в Талицу, я всё равно там работала. Потом пригласили меня в Городскую библиотеку №3, которая в Корабельной роще. Там я ещё пятнадцать лет проработала. Но я активная была, параллельно ещё в Красном кресте помогала, а когда на пенсию вышла, то меня в «Центр Здоровья» на улице Ленина пригласили администратором. Я вот года четыре только как работать перестала. Но мне плохо от этого, потому что когда работаешь, то знаешь, что утром надо встать, привести себя в порядок: тебя ждут люди!

— *Вера Степановна, как человек, переживший концлагерь, что вы пожелаете будущим поколениям?*

— Не дай Бог повторения этого! Всё зависит только от вас!

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: Когда после войны началось оформление узников, мама всё говорила: «Не надо!» Но когда я замуж вышла и приехала сюда, на Урал, то решила всё же оформлять документы на себя. Стала писать запросы в Дедовичи, а там никаких документов нет, всё сожжено. Там же деревни многие до сих пор не восстановлены после войны. И тогда мне посоветовали: «Пиши в Латвию!» И я писала самолично. А когда посылала запросы, то за каждую бумажку надо было платить. В евро. Много бумаг я написала. И в ответ мне пришёл, документ, что мы там были. И номера наши все тут перечислены.

«ЕСТЬ У МЕНЯ ТАКОЕ КАЧЕСТВО ХАРАКТЕРА: МНЕ ВСЁ НАДО ДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ...»

Первое, что поражает воображение, когда заходишь в квартиру Галины Ивановны Беляевой — вязанные вещи. Накидки на диванах, половички в коридоре, скатерти, покрывала. На голове у хозяйки — изящная белая кружевная шапочка. Галина Ивановна вяжет любыми способами: крючком, спицами, на коклюшках. Из трёх её дочерей лучше неё самой вяжет младшая. Владеют семейным мастерством и внуки. Всего у Галины Ивановны три дочери, шесть внуков, четырнадцать правнуков и одна праправнучка.

Галина Ивановна потрясающе рассказывает: интересно, гладко, образно. Её речь очень простая, отчего события почти восьмидесятилетней давности кажутся особенно яркими, осязаемыми. Вместе с маленькой девочкой Галей Соколовской мы в тот день пережили её историю, ещё одну судьбу, исковерканную войной. Увидели разбитые железнодорожные станции, почувствовали удары приклада, обрадовались случайно украденной у немцев луковице... Всё это в рас-

сказе о девочке, которой в 1941 году исполнилось девять лет.

— Я родилась в 1932 году. А в 1940 году папа с мамой разошлись. Он был младше её, у неё было трое детей, папа помогал их воспитывать, потом родилась я. Отец был инженером на Хромпике, а мама — неграмотная. И он нашёл себе другую. У него к тому времени от работы на Хромпике переносицу проело, и он решил поехать на родину, в Бобруйскую область, сейчас она называется Могилёвская. Там жила родня, и он там стал работать директором маслозавода, а новая жена, моя мачеха, работала в гороно (городской отдел народ-

ного образования). Я пошла в первый класс, меня отправили в Быхов, там проучилась всю зиму, приехала обратно к отцу. И тут началась война.

Нам и не объявили ничего, а немецкие вагоны уже стояли в Бресте. Немцы у нас были уже на следующий день. Мужиков всех забрали. Было много таких, что пошли в полицейские. Папа был партийный, и его выдали. Немцы стали таскать его на допросы, и тогда он ушёл в партизаны. И мачеху потом забрал. А я осталась.

Мы жили у тётки. Немцы как приехали, так давай вначале куриц всех забирать, потом до свиней добрались. У людей, которые в колхозе работали, хоть какое-то зерно было. А мы не колхозники, всё покупали в магазине. Потому сразу же голодать стали. Так мне дядя, папин брат, каждый день по кусочку хлеба приносил.

Поставили к нам на постой русского, полиция: им надо было поймать папу. Если ночью кто стучится, он тётю заставлял, чтобы она спрашивала,

кто пришёл, а сам за дверями стоял наготове. Но папу предупредили, и он больше сюда не приходил.

К тому времени немцы уже стали забирать восемнадцатилетних, потом подростков. Мы пошли в школу, и там меня выдали, что я дочь партизана. А через две недели и школу сожгли. И уже стали забирать и маленьких, десяти лет. Дедушка пас коров, у него был плащ длинный, широкий. Он меня возьмёт под плащ, закроет, и вместе со стадом мы уходили в поле. А там была яма, куда мы прятались. Потом коров забрали. Я дома в яме под полом пряталась. А потом нас выгнали немцы из

дома, и мы жили в сарае. У каждого котомка уже была наготове.

Когда школа ещё была и мы учились, немцы виселицу сделали около школы и вешали партизан. Под подбородок крючок втыкали и вешали. А кого и за ноги. У нас рядом дорога была — Минск — Могилёв, они машины ставили на неё в разные стороны, привязывали людей и разрывали. А ещё две ямы было. Людей согнали, заставили выкопать. Партию поставили, выстрелили. Кого убили, кого ранили. Всех в яму. Вторую партию заставляют их закапывать. А потом вторую партию так же... Три дня потом дышала земля, понимаете?

Прятали да прятали меня, а потом неожиданно зашли в избу три немца. Меня закинули одеялом. А у тётки два маленьких мальчика были, они с меня одеяло и скинули. Немцы автоматы наставили: «Aufstehen!» Котомку надела. И вот три бугая с автоматами ведут десятилетнюю девчонку. Приг-

нали меня, а там уже полным-полно народа за проволокой. Погнали нас в район. Навешали нам таблички деревянные на шею, погрузили в машину. А на табличках написано было имя, фамилия и слово «партизан». Привезли в какую-то деревню, она пустая, никого там не было. И не было ни окон, ни дверей в избах. Держали тут две недели. У нас парнишки решили убежать, нашли лазейку, а по периметру стояли часовые. Их поймали и растерзали собаками. Мы тоже собирались убежать, а потом посмотрели: куда бежать? Десятилетний ребёнок откуда знает, в какую сторону-то бежать? Куда нас увезли?..

Сделали под открытым небом душ. Голеньких нас, вот как родились, через деревню прогнали, вымыли. На другой день приехали врачи, проверили, здоровых отобрали. Погрузили на машину и привезли в Бобруйск, чтобы дальше везти. А я у немцев мыла пол, вьюшку уронила на ногу, и у меня ноготь слезал. Нога болит, я хромаю. И у котомки ручка оборвалась. А мы уже подружились за две недели, тринадцать человек нас было. Их-то уже погрузили, а я не могу дойти. Упала, а немец меня прикладом хлещет, хлещет. Отойдёт от меня, я встану, а он опять... Раза три, наверное, подходил. Потом ушёл. Меня наши схватили и в вагон

забросили. Сколько нас везли, я не знаю. И не кормили. Но у нас свои сухари были, мы уже наготове: бежать же собирались. Вагоны тёмные: день ли, ночь ли — не знаешь.

Привезли нас в какой-то город. Там у нас обработка была. Они боялись тифа. Вот у нас в деревне те, кто с матерями, с отцами жили, их брили наголо. А немцы думали, что они тифом болели. А я-то с бабушкой, с дедушкой жила, я и не знала, что так делают. Всё думала: «Что это Верка платок носит?» А у неё волос не было.

Потом повезли на поезде в Каперн, большущий лагерь был, бараки. Там какие-то уколы нам ставили. Те, которые послабже, сразу после укола падали. Кормили баландой, хлеба давали только раз в день сто пятьдесят грамм, маленькие кусочки. А вечером совсем не кормили. Из Каперна нас стали партиями отправлять. До меня очередь дошла. Нас было тринадцать человек, шесть человек отобрали, привезли в Дессау. Там мы уже

работали. Вот сейчас я знаю, что делала. А тогда не знала. Какие-то детали после фрезеровки, в них куча дырочек всяких. И вот надо было их отшлифовать. Вначале напильником, потом шкуркой. Только я вот забыла, сколько надо было сделать для нормы. А потом немец проверяет, как ты сделала. У всех проверяет,

у меня — нет. Я говорю: «Вот сукин сын!» А он, видимо, знал русский язык, да мне такого «сукина сына» показал. Потом почему-то его убрали от нас.

Кормили так плохо! А у нас рядом, за проволокой, была кухня: картошку чистят, очистки выливают и немного через проволоку течёт к нам. Если далеко, так мы палочкой доставали. Промоешь их. В бараках стояли печки-буржуйки, на неё налепишь, высушишь и ешь. Бомбили ночью раза по два, по три. Но у нас барак был рядом с бомбоубежищем, так нам легче было. В бомбоубежище холодина, спать охота. Только в барак придёшь, ляжешь, опять тревога...

Ещё нас там гоняли картошку копать. А за всё время, сколько я там была, мыли нас только четыре раза.

Здесь мы побыли, повезли нас опять в другой город, в Оберасбах. Там я работала на кухне. Было тяжело, но хоть что-то удавалось украсть из еды. В бачках немножко оставалось, облизать можно. Картошку чистят машиной, а крахмал остаётся на полу. Мы его собирали. Придёшь в барак, заварить, хоть без соли, без сахара, а всё равно наешься. Была у нас украинка, ей шеф доверял ключи от вышки. А там кое-что лежало. Вот она меня на шухере поставит, а сама туда. Ну и мне чего-ни-

будь сунет. Там бывали и луковки, и даже яблоки иногда были. А ещё мы картошку воровали... Ходили в комбинезонах, так в чулки картошку положишь, побежишь в туалет, закопаешь по дороге, домой идти – выкопаешь. Приходишь в барак, пластиками разрежешь, на печку налетишь, ешь. А хлеба давали только или утром, или вечером, не помню.

Разложат на стол, ты идёшь и берёшь. Так почему-то все хватали горбушку! А днём только баланда.

Ещё в этом городе я вязала. Меня бабушка научила вязать: я в девять лет уже носки, чулки, варежки вязала. И даже мачехе связала пуховый шарф с рисунком. Бабушка мне перед самой войной показала, как перчатки вязать. Так вот, в этом городе немцы пришли и спрашивают, кто может вязать перчатки? Никто. Потом кричат: «Зовите Соколовскую!» И я вязала перчатки. Но только раза три-четыре мне что-то за это дали. Раз — чулки порванные, раз — кофту, тоже порванную. Раз —

ленточку, а раз — красивую открытку. Ребёнок — я была и открытке рада.

Мы здесь прожили до весны. Потом нас погнали пешком, 11 дней гнали по 35 километров. Утром дадут сухарь, вечером сухарь. И больше ничего. Пригонят вечером в сарай, а там ни соломы, ничего нет. А по дороге ещё люди едут, везут скотине на корм кольраби, морковь. Если попросишь у них, так они тебя кнутом. А раз дали нам по целой чашке, не знаю, что это такое было. Зелёненькие, внутри белое и чёрненькое и с хвостиком. И шевелятся. Ой! Мы не стали есть. Хоть голодом, но не стали.

Потом нас пригнали в Хельмицхайм. Тут уже нас гоняли на работу ночью чистить станции после бомбёжки. Здесь мы прожили до весны. Однажды нашли лазейку и убежали. Пять человек нас, забежали в магазин. А там, в магазине, звоночек над дверями: заходишь, и они знают, что кто-то

пришёл. Мы забежали, и пока хозяин собирался выйти, мы кольраби схватили и бежать. Бежали, бежали, потом прибежали обратно в лагерь. А знаете, как наказывали? Ставят на колени и дают табуретку в руки над головой держать. А был начальник лагеря, у него не было руки одной, протез. Он этим протезом резиновым как даст тебе! Нас так наказали, что я попала в больницу.

А освободили нас американцы. Без боя. Жители белые полотна везде навешали. Простыни, полотенца на дверях, на окнах. Мы утром встали, посмотрим, на нашем лагере большое полотно белое, а на нём серп и молот. Видать, у кого что было – сделали за ночь.

Потом нас американцы перевели в дома. Они нам каждый четверг привозили по три печенинки, по три конфетки. А перед тем как домой отправить, привезли подарки. Кому туфли, кому платье. Мне отрез чёрный дали, похожий на вельвет, но скрипучий. Я из него уже здесь костюм себе сшила.

А там, куда нас пригнали, жили их юнаки: как у нас комсомольцы. У них простыни были в клеточку, бело-синие. Мы из этих простыней сшили себе юбки в складку. А на подушках у них наволочки из какого-то шелковистого материала, но он был такой, как раньше на матрасах, с дырочками. Но всё равно кое-кто взял, я потом уже кофту из него сшила, когда у тёти жила.

Ещё нашли мы лабаз, а там нитки. Большущие мотки ниток. Всякие-всякие, зелёных только не было. А у нас ни ножниц, ничего. Так мы зубами их, сколько могли, отгрызли. В другой прибежали — там бобины, кручёный шёлк, из которого вязать можно. Я три бобины взяла. Потом и кофты из него вязала, и шаль себе.

И вот нас погрузили на машины, повезли. Много машин. Я угадала в последнюю, в прицеп. И мы отстали. Впереди колонны был проводник, а сзади не было. И шофёр завёз нас в лесок, там овраг, колеса задние в овраге уже почти были. Но выбрались, доехали туда, где русские с американцами соединились. А наших машин-то там нет. И американцы не знают, что с нами делать.

Кормить нас нечем. Но там был один мужик, у него коров было много, молока бидоны стояли. Они нас привели туда и заставили, чтобы он нам молока налил. Ему так жалко было! Мы напились

этого молока. Нас распределили по домам, в них почему-то не было никого. Наказали строго-на-строго ничего не трогать! А у них на стенках такие красивые тарелки висели!

Переночевали. А дальше куда нас? Сидим, ревём. Потом смотрим: наши машины идут. Наш шофёр, видать, их по другой дороге обогнал. Мы обрадовались, нас рассадили. Поехали дальше. А есть-то нечего было. Но остановки были. Ночью мы не ехали, только днём. В дома забежим, на вышках зерно. Где пшеница, где рожь. А у кого и посуда была. Мы зерна напарим, наедемся. Погрузят нас, и опять поехали.

Не знаю, не помню, сколько мы ехали на машинах этих, но долго. Привезли на какую-то станцию, но её уж нет, всё разбито, разгромлено. Вагонов стоит разбитых полно. Нас погрузили в эти вагоны в разбитые, и мы поехали. Есть нечего. А они, видимо, успели картошку убрать: у них на станциях груды её лежали. И те, кто нас везли, видно,

договорились. Останавливается поезд, мы варим где-нибудь на обочине эту картошку. Наварим, гудок, мы быстрее сели, поехали. Вот так доехали до Минска.

В Минск приехали, всё разбито, ничего нет. Целый день мы тут ждали, пока пошёл товарняк на Бобруйск. Тех, кто из Бобруйской области, на него погрузили. Два вагона было: в одном — парни, в другом — девчонки. Целую ночь мы ехали до Бобруйска. Но привезли-то нас на товарную станцию, до города далеко. Погнали нас пешком, привели в детский дом. А там все такие же худые, как мы.

Потому что война была. Собирали мы картошку гнилую. До чего вкусные были оладьи из гнилой картошки!

Парни, которые повзрослее, сразу убежали. А одна женщина там ходила на работу из района, где я жила. От Бобруйска двадцать пять километров. И мы узнали день, когда она пойдёт. Бросили свои котомки и увязались за ней. А на середине дороги встретили подводы из нашего колхоза, они нас подвезли. Приехала я, иду к тётке. Грязно, хватаюсь за плетни. Дошла. А она только корову подоила, с подойником вышла. Я захожу, она и подойник бросила. Заревела.

На нас столько было вшей! Почему у меня сейчас волос нет? Мы ртутью выводили. Я же не знала, что она вредная. Когда меня дядя повёз за котомкой в Бобруйск, я сижу на телеге, у меня зеркальце маленькое было, и я смотрела в него и с себя снимала этих вшей. Везде они были, даже в чулках.

У папиной сродной сестры было четверо детей. Трое парней и девочка. Играли около сада, а там мина. Мина-то взорвалась. Одному глаза выжгло, он умер. Другой — тоже, у матери на руках. Остальных разорвало на кусочки. Тётя их потом в ящик собирала. Так что осталась я у тётки. Мачеха уехала, ей вызов послали с Хромпика.

И я работала в колхозе вместо тётки. А она дома, две стаи гусей было, она за ними ходила. Вместе с женщинами я и молотила, и жала. Женщины сядут отдыхать, а я не отдыхала. Они уйдут на обед, а я не ходила. Чтобы не отстать. У нас была соседка, такая здоровая женщина, и она однажды выжала двенадцать соток, а я двенадцать с

половиной! «Как это так? Тринадцать лет девке, она выжала больше меня!» У меня даже остался на пальце шрам от серпа. Сколько лет уже прошло!

У нас за домом была больница, потом там сделали лазарет. Мы из этого лазарета стирали. Одно стираешь, другое сушится, третье гладится. Чем они рассчитывались с тётей — я не знаю. Потом уже снег пошёл, а я босиком, мне надеть нечего. Купили мне какие-то немецкие сапоги. Такие лёгкие, хорошие!

Папа в 1944 году погиб. Я получала за него только сорок рублей, как за колхозника. Надо было хло-

потать пенсию. А куда я пойду, ребёнок? Тётка за меня получала паёк 200 грамм, и дядя умудрился получать 200 грамм. А я не знала. Узнала уже в 1958 году, когда приехала туда в гости.

Зимой дали нам по килограмму конфет, такие белые подушечки в полосочку были. В субботу вымылись в бане, дядя принёс нам белого хлеба булку. Мне хлеба отрезали кусочек. Конфеты поставили на стол, возьмут конфетку — мешочек завяжут. Вот сколько буду жива — никогда не забуду. Хотя бы конфетку дали! Я ведь их заработала! Не дали. Тётка родная!

Всё время работаешь, работаешь. Девчонки придут: «Тётя Зоя, отпусти Галю!» А тётка: «Некогда! Вон работы сколько!» Я ведь ещё и вязала у неё. Но девчонки то тут, то там помогут мне. А тётка: «Только на два часа!»

А потом как-то я выхожу во двор, не успела двери закрыть, она и говорит дяде: «Скажи ей, что мы

в детдом её отдадим!» Он мне и сказал это. Я говорю: «Нет, у меня две матери есть, я поеду домой!» И мама, и мачеха мне отсюда деньги посылали, по сто рублей. Не всё время, но часто. Вот я и давай писать. А у меня даже метрики нет. А через Москву пропускали только по пропуску. Так вот мачеха мне пропуск хлопотала, а мама метрику. Но как мне одной ехать-то?

Тогда дедушка мачехе и сказал: «Ты сумела её туда увезти, так сумей и привезти!» Мама дала мачехе денег на дорогу, она приехала, в один день хлопотала всё, получила пять с половиной тысяч за меня: это сколько я должна была получить пенсии за папу. И я, дура, ещё и отдала ей семьсот рублей, которые накопила. Поехали мы. В Москве сидели пятеро суток. Тогда плохо с поездками было.

Приехали сюда, и мачеха мне купила с этих денег только ленточку в косы и пятьдесят рублей дала: сфотографироваться. Все деньги забрала себе. И ещё получала за меня какой-то паёк. Я и не знала. Узнала в 1962 году: бабушка, когда стала умирать, тогда мне покаялась.

Я вернулась сюда с одним классом образования, а мне уже было почти четырнадцать. Вот я и пошла в школу рабочей молодёжи. Но не сказала, что во втором и третьем классе не училась.

Окончила когда школу, тогда сказала. Ни одного дня я не пропускала, так мне даже каждый месяц давали за это кило двести сахара. За четыре года закончила семь классов.

А как жить-то? Мама неграмотная, уже в годах. На дороге работала, щепень таскала. И ходили мы по людям. А у себя какая была усадьба большая! Надо было у себя ещё работать. И давай я вязать, вышивать, шить. Одеяла стегала, цветы делала. Много кто в моих цветах замуж выходил. Восковые цветы, а ещё из креповой бумаги и стружки. Стружка продавалась, из дерева её делали, тоненькую, всякая разным цветом была. Если

заработаю — мама мне что-то купит. А сестра моя из Владивостока послала посылку: и платья, и материал, и туфли. Вот мне и было что надеть.

Устроилась я на Хромпик, в пятый цех, пробощицей. Там шухту делали, потом хромпик плавили, лили в тазы, надо было постоянно пробы брать. А он как капнет на руку, так до кости прожжёт. И ещё у меня стало нос проедать, как было у отца. Надо уроки делать, писать в тетради, а у меня кровь из носу. Я пошла в больницу, и там написали, что необходимо меня перевести на производство, где нет хромпика. А где там хромпика нет? Везде хромпик. Я всего три недели проработала. А начальник отдела кадров был злой на мачеху: она была инженер-химик, и он ей вызов послал, чтобы она сюда смогла вернуться. А она пошла на Новотрубный. Так он мне отомстил: в трудовой книжке написал «Не выдержала испытательного срока». Ну а потом в этот же год я замуж вышла, мне уже восемнадцать исполнилось...

Из блокнота журналиста **ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПОТЕРЬ И ОБРЕТЕНИЙ**

Говорят, время лечит. Это так. Но полностью излечить оно не в силах. Память, как хроническое заболевание, обостряется в разные моменты жизни. И душевная боль становится нестерпимой. Тогда трудно удержать слезу...

Рассказывала о своей жизни Любовь Петровна Субботина медленно, вытаскивая из кладовой

памяти события прежних лет, как кирпичики, складывая их один на другой.

Родилась Люба в Ленинградской области, есть там красивое местечко на берегу речки Луги и называется оно Устьлуга. Село большое — 360 домов. Их семья жила счастливо: отец, Пётр Павлович, работал диспетчером в

порту, мама, Анна Анатольевна, вязала корзины под рыбу (были такие специальные бригады). Дочерей четверо, старшие учились и приглядывали за младшими, сами управлялись по дому, пока родители на работе. Жили своим хозяйством: держали коз, кур, хлопот хватало, и бабушке помогали, её дом находился рядом.

— Семья у нас была дружная, все много читали, а наш дедушка был вообще первым грамотным человеком в деревне и обучал грамоте других в своё время, — рассказывает Любовь Петровна, — Позже, в войну, у бабушки жил в доме немецкий офицер, он удивленно говорил: « Эта русская старуха картофельные очистки ест вилкой...»

Счастье рухнуло в один из дней тридцать седьмого года: арестовали отца, увезли в «Кресты», а маму каждую ночь забирали на допрос. Ни она, ни девочки, уходя к бабушке, не были уверены, что увидятся вновь. Но, к счастью, утром мама приходила за дочками. И так из ночи в ночь не один месяц. В их селе арестовали семнадцать человек, в соседнем — тридцать шесть. Началась война. Немец подступал, но разрешение на эвакуацию жители получили только 28 августа, а на другой день пришли немцы.

Любовь Петровна, ей было всего десять лет тогда, хорошо помнит бомбежки, обстрелы, и как они

шли прятаться в лес от фашистов, но осень была дождливая и очень холодная, матрацы в блиндажах плавали, и женщины, дети стали возвращаться в дома, занятые немцами. В декабре 1943 года жителей села, как рабочую силу, продали немцы в Финляндию.

— В товарняке везли нас, — продолжает моя собеседница, — На

конечной точке, в порту, высадили; народу тысячи, и мы потеряли сестрёнку Веру, с большим трудом нашли. Помогли наши, деревенские. Бабушку на чём-то увезли, мама со старшей сестрой Надей пошли занимать место в лагере — это четыре километра пешком, нам с Таней велели их ждать, оставили и вещи на нас. И тут подъехала машина немецкая, стали нас забирать в приют. Среди них был эстонец, а я язык хорошо знала и упросила нас не трогать, сказала, что ждём маму. И вот мы в лагере Клога, это бывший лагерь смерти. При нас колючей проволоки уже не было, а вот антисанитария

страшная. Не было туалетов, потому вырыли рвы и наложили жерди. Воду доставали из глубокого колодца двухлитровым котелком, всегда очереди.

Находились узники в лагере недолго, вскоре их повезли дальше. Переезды были тяжёлыми. И в этот раз пришлось ночевать на берегу залива, это в январе, когда дуют сильные ветры, снега нет. Забрались спать в сараюшки, набитые трухой, чтобы защитится от холодного ветра, а там оказались сплошь вши. Когда привезли в лагерь, а находился он на полуострове Ханко, там воды тоже не оказалось, и потому таяли снег на костре.

— Мама в банке из-под немецких консервов день и ночь кипятила наши вещи, чтобы избавиться от вшей, — вспоминает Любовь Петровна. — Я всё время думаю: сколько же мама выдержала, как старалась, чтобы мы выжили. И всё-таки сестра Таня умерла в лагере. Как горько мы плакали! Детей там умерло много. Лагерь этот был уже настоящий: обнесён в два ряда колючей проволокой, охраняли собаки, немцы на вышках дежурили. А в апреле сорок третьего нас повезли в другое место, это был пункт типа распределительного, где разбирали работников. Более здоровых и трудоспособных брали на предприятия, на сельскохозяйственные работы, а нас и ещё несколько семей поселили в здании высшего учебного заведения. Там было

светло и чисто, спали на специально сделанных нарах. В Финляндии в то время была общественная женская организация «Лотта». Эти женщины и встретили нас, накормили вкусно, собрали для нас посуду и даже пожертвовали поросёнка и овцу с ягнёнком. А когда мама и сестра Надя заболели, они приносили молоко им... Бабушка больная и работать не могла, они оставались с маленькой Верой дома, а мама ходила на подёнщину, Надя работала няней, а я и соседская девочка Галя ходили на прополку, нас даже в другие деревни забирали, так как мы хорошо работали. Рядом был частный магазин, мы подметали там двор, и хозяин давал по булке хлеба, а к празднику — пятилитровую бутылку кваса.

Когда Советское правительство отдало приказ о возвращении узников на Родину, радости не было предела. Привезли их в деревню Иваново Ярославской области. Поселили три семьи в пустой дом. Анна Антоновна работала в колхозе, а дочки стали ходить в школу за 5 км. Зима выдалась морозной, валенок нет, лишь финские ботиночки «на деревянном ходу». Жили тяжело, как и все, голодали. Всё, что было из вещей, выменяли на картошку и лук.

— Сколько радости было, когда пришла Победа! — говорит Любовь Петровна. — На прошение

о возвращении домой мы получили официальное разрешение. И в апреле сорок шестого поехали, полные надежд и планов. На вокзале умерла бабушка. Было ей 58 лет. Как хоронить? Денег на гроб нет, и мама зашила её в одеяло.... Попросила соседа, дядю Колю, сделать крест. Он потом написал, что крест поставил и за могилкой присматривает. Знаете, как бы тяжело ни приходилось, но добрых людей на нашем пути встречалось много, и всех мы их помнили и помним.

Итак, приехала семья Федотовых (девичья фамилия Любви Петровны) в родное село под Ленинградом, а им дали 24 часа, чтобы убраться. Мол, отец репрессирован, сами были в лагере для пленных. Как жить дальше, что делать? Надя с Любой добрались до Нарвы, уговорили, чтобы их приняли учиться в ФЗУ на ткачих. Мама перебралась в Приозёрск, там уже жили односельчане. Позже Веру забрала, до этого оставленную у родителей отца. ФЗУ девочки закончили хорошо. Надя вышла замуж, и они с мужем переехали в Первоуральск. Люба приехала в 1955 году к ним своей семьёй, а до этого работала около десяти лет в Эстонии. Была комсоргом, участвовала в стачковских слётах. Из-за отца часто возникали трудности, в комсомол не хотели принимать.

— Я тогда пережила большую психологическую травму, — вспоминает со слезами на глазах Любовь Петровна. — Меня как передовую работницу принимали на комбинатовском комсомольском собрании. Рассказывая автобиографию, я сказала, что папу арестовали в тридцать седьмом, а за что, не знаю. Из президиума услышала: «Враг народа». Наступила тяжёлая тишина. И вдруг эту тишину нарушила работница Тамара Журавлёва: «Отца мы не знаем, а Любу знаем хорошо, она достойна быть в комсомоле». Зал зашумел, и меня приняли. Позже меня рекомендовали в партию и в Эстонии, и здесь, в Первоуральске, но я сказала: «Ни за что, никогда».

На Первоуральской швейной фабрике Любовь Петровна Субботина проработала 31 год. Сейчас она на пенсии, но подрабатывает, моет коридоры в нашем ОТФ УПИ. Когда семью реабилитировали, на ответе из Ярославля даже написали: «Семья благонадёжная». У Любви Петровны прекрасный сын, закончил УПИ, у него взрослые сын и дочь, живут они все в Екатеринбурге, но часто приезжают к обожаемой маме и бабушке. Несмотря на такую сложную судьбу, Любовь Петровна не озлобилась, не держит зла на людей, которые в своё время называли их «немецкими прихвостнями». Она — сама доброта, интеллигентность. И

главное её желание — чтобы ужасы такие не повторились и не надо больше «крепкой сталинской руки», о которой грезят некоторые. А молодым она желает разума:

— Я не скажу, что молодые неразумные, но расходуют свою энергию часто не туда, куда надо. Не нравится их инфантильность, равнодушие. Я в институте общаюсь с молодёжью, вижу, какие они. Хочу, чтобы они не курили и не пили и, конечно, не принимали наркотики. Неужели на этот красивый белый свет божий можно смотреть мутными глазами?

*Газета «Вечерний Первоуральск
свободный», 25 мая 2000 года*

...Они, пройдя бараки и «колючку»,
Поставили себе святую цель:
Пусть нам не довелось, но пусть же будет
лучше
На всей планете жизнь её детей!

Пусть никогда они впредь не столкнутся
Лицом к лицу с фашистской змеей,
А весь народ, все люди остаются
Большой, сплочённой, дружною семьёй!

*Из стихотворения
Марии Гордиенко*

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Ах, баба, русская ты, баба!
Ушёл мужчина на войну,
Была ты слесарем, прорабом,
Таскала рельсы на горбу!

Тащилась медленно за плугом,
Аж по колено вся в грязи.
Была мужчиной, детям — другом;
— На, мам, сухарик погрызи.

Тянулись бледные ладошки
К любимой маме и вдове,
Съедали до последней крошки
Всё, что осталось на столе.

Страшней всего сухие слёзы,
Всё выплакано. И до дна.
Пройдёт зима, весна и грозы,
Но не забудется война...

И сколько их по всей России,
Простых, несчастных, русских вдов!
Тех, что пахали и косили,
Сжимая зубы вновь и вновь.

У Победы наши лица

Гордиться можно вашей силой,
И мужественной красотой.
Святые женщины России!
Тепло, душевность и покой!

И старые, и молодые,
Какие беды вы прошли!
Святые женщины России,
Поклон вам низкий до земли!

Александр Сердюк

*Виктор Попков. Цикл «Мезенские вдовы».
Воспоминания. 1968*

Из блокнота журналиста РАДОСТЬ СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

И снова весна. Восемьдесят вторая в жизни Зои Александровны Аликиной и шестидесятая со дня великой Победы. Она глянула в окно и улыбнулась чистому, голубому, мирному (!) небу. Глаза наполнились слезами радости, ибо ей ли не знать, каким бывает мрачным небо в войну — три года смотрела напряжённо на него, боясь пропустить вражеский самолёт. Уютную комнату Зои Александровны залило яркое и нежное солнце. Как лавина, нахлынули воспоминания.

15 апреля 1942 года. Их, первых девушек-добровольцев (по комсомольским путёвкам) увозит военный эшелон из родного Первоуральска и Билимбая. Зое Мальцевой тогда было 19 лет. Уезжали в неизвестность, но столь сильно было желание быстрее разгромить врага и так велика любовь к Родине, что все страхи отодвигаются на второй план.

— Ближе к фронту на крыше эшелона появлялись пулемёты. А к нам пришли военные, они проводили с нами инструктаж, как вести себя в случае

бомбёжки, — рассказывает Зоя Александровна. — 22 мая прибыли в Москву. Город затемнён, слышен вой сирен. Распределили нас по частям. Я попала во вторую зенитно-пулемётную дивизию 20-го полка Центрального фронта ПВО. Жили на Кутузовском проспекте. Сначала нас учили владеть крупнокалиберными пулемётами, винтовками, возили на стрельбища: стреляли по мишеням, ползали по-пластунски, изучали названия самолётов противника и учились различать их по звуку.

Вскоре девушки уже несли службу на крышах высотных домов и вокзалов. Дежурили по три человека, менялись через два часа. Первое время было страшно, потом привыкли, хотя к войне привыкнуть невозможно. Уставали. Единственным желанием было поспать. День сменяла ночь и наоборот, проходили недели, месяцы, годы, а девчонки и в дождь, и в снег, в жару и в холод напряжённо вглядывались в небо, прислушивались к рёву самолётов. Москву — сердце страны — отстояли, а в том, что враг не вошёл в столицу, и их заслуга.

— Расскажу об одном случае, — продолжает Зоя Александровна. — Было это летом, в воскресенье. Банный день. Немец, видимо, рассчитывал, что пролетит незамеченным, но мимо наших девочек не пролетишь. Первой пикирующий на

них самолёт увидела Маша Грудистова. Не растерялась: выстрелила и попала в цель. Самолёт «Фокке-Вульф-88» упал в Москву-реку. Немецкого лётчика выловили, и когда он узнал, кто его сбил, долго ругался на немецком и русском языках. Машу и её расчёт наградили орденом Красной Звезды.

Наступил день долгожданной Победы. Девчата вернулись домой 25 августа сорок пятого. Встречали их, победителей, на станции Хромпик родные и даже председатель сельсовета Билимбая. Началась мирная жизнь. Билимбай — её малая Родина, здесь она родилась и выросла в большой семье, где было семеро детей. Трудовую деятельность начала воспитателем в детском саду. А после войны работала комсоргом в леспромхозе. Там и познакомилась со своим будущим мужем.

— Саша приехал домой в отпуск (ещё служил в армии), пришёл к нам на вечер, сразу понравились друг другу, — вспоминает Зоя Александровна. — Вскоре случилось несчастье: умерла его мама. И по семейным обстоятельствам Сашу военкомат оставил и направил на партийную работу — помощником первого секретаря райкома партии. Затем он пошёл на строительство радиозавода и работал там до последних дней своей жизни...

С 1956 года живут Аликины в Первоуральске. До выхода на заслуженный отдых Зоя Александровна заведовала в кафе «Уральское». О том времени Зоя Александровна рассказывает с большой теплотой:

— Коллектив у нас был хороший, все ответственно относились к делу, любили свою профессию, потому нареканий на приготовление блюд не было, только благодарности. Со многими до сих пор созваниваемся, встречаемся. Вот и на юбилей ко мне с работы приходили те, кто до сих пор трудится, и те, кто уже на пенсии. И я благодарна им, что не забывают. Встречаемся и с однополчанами.

В великий день Победы соберутся в доме Зои Александровны Аликиной родные: дочери с мужьями, внук и внучка. И эта мужественная и милая женщина позволит себе надеть награды, среди которых орден Отечественной войны второй степени, медаль «За оборону Москвы». И, конечно, вновь нахлынут воспоминания, и чувство радости и покоя наполнит сердце, потому что светит солнце и мирное небо над головой, потому что она окружена лаской и любовью близких.

*Газета «Вечерний Первоуральск
свободный», 5 мая 2005 год*

«Под госпитали были отданы лучшие здания – клубы, школы». ...Их заполняли ранеными, эшелоны с фронта прибывали один за другим. Вместе с ними врачи, медсёстры. «Первоуральские комсомольцы взяли шефство над госпиталями. ...Сандружинницы, отработав смену на производстве, шли на дежурство. Они помогали медсёстрам ухаживать за ранеными, оказывали им всяческую помощь, писали письма родным. Если требовалась кровь, то становились донорами» «...Чтобы восстановить силы воинов, комсомольцы организовали добычу в лесу берёзового сока, хвои. Сок будоражил ослабленный организм восстанавливал силы. А настой из хвои снабжал витаминами. К каждому празднику шефы организовывали сбор подарков для раненых. А в зимнюю пору — сбор тёплых вещей для бойцов, возвращающихся в строй. Не оставались в стороне от шефства и школьники. Они посещали госпитали, выступали с концертами. Шефская работа не кратковременная кампания. Она проводилась систематически...»

*Книга памяти города
Первоуральска. 1995 год*

Из блокнота журналиста И НА ВОЙНЕ СОВЕРШАЛИСЬ ЧУДЕСА...

Мы будем долго писать о войне. Она своими осколками пронзила не только фронтовиков, она навечно ранила сердца и души миллионов людей, даже тех, кто родился после великого Дня Победы. Живут те времена и в памяти Зинаиды Степановны Гасиловой.

Лечебное отделение Свердловского медицин-
ского института Зинаида Степановна закончила за
год до войны в 40-м. Проводив мужа на «финскую»,

с малышкой дочкой она
вернулась в Первоу-
ральск. В городе тогда
свирепствовали инфек-
ции, не было санитарно-
го врача-эпидемиоло-
га, им-то её и устроили.
Чтобы прокормить се-
мью, пришлось устро-
иться дополнительно на
полставки на хирурги-
ческом приёме. А после

и вообще отправили в отделение, где выпускница института не только разрезала и лечила мелкие болячки, но и начала ассистировать ведущему хирургу. В воскресный день, возвращаясь из леса, у Новотрубного завода увидела собравшихся людей. Отыскала знакомое лицо.

— Тётя Нюра, что случилось? — Война, девочка...

В шесть часов вечера в этот же день согласно присланным повесткам Зинаида Степановна и её отец прибыли на сборный пункт с бельём и всем необходимым. Но поездка на фронт не состоялась.

А в больнице работа становилась всё напряжённей. Один за другим уезжали в места боевых действий врачи. Не стало хирурга, терапевта, шли повестки фельдшерам и медсёстрам. Летом пришёл приказ открыть в Первоуральске госпиталь, для чего в срочном порядке освободили два помещения. В ноябре после большого наступления на Москву в маленький уральский город эвакуировался госпиталь из Калинина. До 1943 года работала в нём ординатором Зинаида Степановна, здесь научилась оперировать самостоятельно, спасая раненых с поврежденными конечностями и позвоночником.

А в 1943 году отправилась на Третий Белорусский фронт в качестве начальника хирургического отделения. Предстояла ещё более сложная

специализация — оперировать фронтовиков с ранениями грудной клетки и живота.

— Теоретических знаний хватало, под руками было множество учебников, — вспоминает З. С. Гасилова, — но не было практических навыков. Освоиться помогли коллеги. Больные были настолько

тяжёлые, что порой ни о какой транспортировке и речи не шло. К ним выезжали с полевым госпиталем.

Однажды на хирургический стол к Зинаиде Степановне попал 19-летний мальчишка. Осколком пробита лопатка, повреждены два ребра, а в груди — инородное тело. Вскрыв грудную клетку, рукой почувствовала большой металлический предмет, прямо на нём трепетало сердце. Повернувшись к соседнему столу, где параллельно оперировал главный хирург, и созналась: — Я боюсь. Вытащу железо — потеряю парня.

Ответ был по-военному лаконичен. Вот когда потребовалось ей отдать все знания и силы, мак-

симально сконцентрировать свою энергию и желание спасти жизнь человеку.

После, когда самое трудное осталось позади, они положили осколок снаряда на весы. Стрелки отмерили 380 граммов. А паренёк выжил. Его выхаживали всем госпиталем. Так на войне совершались чудеса.

Три года жизнь шла по жёсткому расписанию. Ночь у хирургического стола, утром обход, перевязки, переливания крови, а вечером — дежурство. Они так уставали, что нередко засыпали над страничками историй болезни прямо за письменным столом. И через полвека из памяти не стёрлись лица тех, с кем свела по воле рока война.

Никогда не забыть Зинаиде Степановне городок, который не смогли наши взять сразу. Атака шла за атакой. Раненых укладывали вдоль близлежащего здания, и врачи прямо на улице делали осмотры, отдавая приказы хирургическим медсёстрам готовить инструментарий. Многие солдаты умирали, и люди в белых халатах, видевшие сотни смертей, плакали о них, как о самых своих близких людях...

Победу Зинаида Степановна встретила в Германии. В Первоуральск, после ряда жизненных перипетий, вернулась в 1948 году. В городе тогда планировалось открытие специализированного

хирургического отделения на базе медсанчасти Новотрубного. И вновь пришлось учиться, проходить специализацию, ибо военная хирургия стала историей к тому времени, а больницы предстояли мирные плановые операции. Среди учеников Зинаиды Степановны Гасиловой известные люди: Я. Каликин, Ю. Бирюков, В. Лобанова, Ю. Оботнин. Стала врачом дочь, а вот внучку бабушка отговорила, о чём сама сейчас очень сожалеет.

— Доля медика тяжела. Знаете, почему врач работает всегда на полторы ставки? Потому что на ставку можно умереть с голоду, а на две — нет времени, чтобы поесть, — шутит Зинаида Степановна. — А вот правнучку, похоже, отговорить не удастся. Собирается продолжить нашу традицию. И я этому очень рада.

*Елена Горчакова,
газета «Вечерний Первоуральск»,
8 мая, 1996 год*

PS. З. С. Гасилова прожила достойно 105 лет. (Ред.)

Нас к работе с детства приучили,
Нас война будила до зари.
Сукровицей знойною сочились
От головок минных волдыри.
Только это было поначалу,
Пообвыкнув, видя у станков:
«Всё для фронта»,
Мы не замечали
На ладонях ржавых пятак.
И, добыв победу над врагами,
Выдержке мальчишеской верны:
Мы гордились крепкими руками
Перед теми, кто пришёл с войны.

Владимир Суслов

*Подросток обучается работе на станке.
Фото предоставлено музеем завода «Уралмаш»*

У станков в основном стояли 15-16-летние подростки, учащиеся ремесленного училища №6. Многие были настолько малорослы, что не могли достать до ручек управления станком: для них устраивали подставки. И эти ребята героически работали по 12 часов в сутки, выполняя и перевыполняя плановые нормы. Их трудом реализовывалось ответственныйее задание ГКО.

*Книга памяти города
Первоуральска. 1995 год*

*Подростки работают на заводе по
производству снарядов, 1943 год*

*Тоня Эвиг вытачивает колпачки для откатных
механизмов гаубиц. Фото предоставлено
музеем завода «Уралмаш»*

ВОТ ТАК МЫ И ЖИЛИ: ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ...

Мы с фотографом приехали на интервью к Михаилу Фёдоровичу Буркову. Заходим в подъезд обычной пятиэтажки в центре Первоуральска. Подходим к квартире. А на двери табличка: «Здесь живёт ветеран труда Великой Отечественной войны 1941-1945». Прежде мы таких никогда не видели. Двери открывает сам Михаил Фёдорович. Ему 92 года, но живет он один. Дети, внуки и правнуки только навещают. К дверям встречать нас выходит кот Буся. Второй кот громко возмущается за дверью. Но о котах у нас будет отдельный вопрос. Сначала о жизни.

— Михаил Фёдорович, расскажите о себе!

— О, это целая история будет! Курганская область, Шадринский район, село Ячменёво. Там родился, в лесу, на телеге. Мама ходила тяжёлая мной, а работать надо. Тогда же люди сами собой командовали: сами садили, сами пахали. Мама поехала в поле на телеге через лес, её растрясло и ... роды преждевременные. Родился 2 мая 1929 года. И началось моё детство босоное.

Я работать стал годов с десяти. Возил волокуши с сеном, его метали старики да женщины. Посадят тебя на лошадку, без седла, целый день ездись. Женщины косили вручную, складывали в волокушу и метали зарод. Когда стал побольше, мне начали доверять пару коней. Я уже боронил, пахал землю плугом и зерно сеял. А потом

доверили три лошади и ездока-мальчика, и жатка была: хлеб жали. Мужики все были на фронте — до единого. Сколько я помню мужиков, уходивших на фронт, никто не вернулся. Только один вернулся: Алексей Малафеев. И тот без ноги. Все погибли. Вот мы и работали с женщинами.

Стал побольше, уже работал на комбайне штурвальным: помощником комбайнёра. Крутил гаечки всякие, чтобы покос шёл ровно, девчонки стояли в бункере. Ребятишки приезжают на конях, мы остановим комбайн, они открывают дверцу в бункере и зерно в мешки кантарят, потом — на

телегу и везли на ток. Кроме хлеба ничего у нас в колхозе не выращивали, только зерно. Пшеница и рожь. Вся Курганская область такое выращивала.

Сейчас ляжешь спать, начнёшь вспоминать, как я жил в детстве... Ужас! В чём работали в поле, в том и спали. Если весной, то нас по месяцу домой не возили. И в баню не ходили. Там бани не было. Были балаганы, нары общие. В одной половине спали женщины и девчонки, а мы в другой половине. Насекомые ползали, вши, блохи. А они ж кусаются! Зайдёшь в лес подальше, чтобы никто не видел, и вытаскиваешь их. Не я один, все так дела-

ли. Вши заедали нас в войну! Общая постель, они и лазют (местный говор). Там у нас был сторож, у него шубка такая... Так они даже в шубке водились.

А мышей, крыс там было полно! Волков! Но волки нас не трогали. Лошадей рабочих только задирали. Лошади отработают, мы их спутываем, чтобы далеко не уходили. Вот на них волки и нападают. Ну, это в летнее время. А охотников не было. Все были на фронте.

— Как жили во время войны?

— В военное время жили тяжело. Батя был под Челябинском, в Копейске, шахтёром. Его туда забрали, он там войну всю проработал. Он в армии не был. Ну вот, мы и жили втроём: мама, Коля-братик и я. Братик с 1939 года рождения. Война была, мама уже в колхозе не работала, болела. Ходила за курочками. В деревне был пустой дом, в нём – курятник маленький. Уехала косить для бычка сено, сильно поработала литовкой, и у неё кровоизлияние случилось. Прожила она всего два дня и умерла 22 августа 1946 года. Ей было 47 лет. Маму схоронили. Мы остались вдвоём с братиком.

Во время войны у нас был свой дом. Назывался «большая изба с горницей». Семь окон было, как сейчас помню. Топили дровами. Мои деды ещё там жили. И я там жил. Семнадцать лет жил – не

было света. Жили с мигульками. Мигулька – бутылочка такая, нальёшь туда керосин, а там шнурочек маленький – фитилёк, он и горит, как лампада. Радио не было. Когда я уехал в Магнитку, света так и не было. А когда приехал в отпуск – уже свет появился.

Не отдыхали мы совсем, только работали. Утром вставали — и в поле. А после – в огороде ещё работал. У нас огород был большой. Картошку садили, огурцы, помидоры, капусту – всё росло.

Люди у нас хорошие. Но одни женщины и старики. И мы — молодёжь. Весной и в страду мы

всегда были в поле, оттуда не выходили. А еду нам готовили мамы и бабушки. Собирали котомки и нам в поле привозили.

Картошку тёрли: кинут пригоршни муки для связки, туда же траву всякую, чтобы тесто не разваливалось. И пекли в печке лепёшки. Есть было противно. А хлеба не было: всё для фронта, всё для победы. Так вот мы жили коровьим молочком да картошкой. Мясо тоже было: кололи скотину. Свинухи были, курицы, гуси. Это наше было, собственное. Корова была, бычок Афонька. Поживут, мы их заколем — и с мясом на зиму. Выжили. Тяжёлое время...

— **А развлекались как?**

— У нас детей маленьких во время войны в деревне не лишко было. Всего восемь девчонок и парней человек десять, не больше. До войны ещё бегали, на речке купались, рыбачили. В шаровки играли.

Бабки ставишь и кидаешь шаровками. Ну, как в городки. Балалайка была, гармошка. По деревне ходили с песнями. А в войну мы только работали.

— День Победы помните?

— В День Победы я ехал из Шадринска, вёз горючего две бочки. У меня была пара коней. Мне уже доверяли всё как мужику. В Шадринске заправили две бочки большущие. А тракт-то был насыпной. Шла машина, и нас столкнула в канаву. В телеге у меня была литовка и две бочки, затянутые верёвками. Телега перевернулась, бочки раскатились. А я остался живой. Мне было-то

16 лет. Стою и плачу. Что делать-то? Я испугался. Народу никого нет. А там у меня жил дядя рядом в деревне. Ну ему кто-то сказал, и он приехал с мужиками. Бочки закатили на телегу. Потом к дяде заехал, меня накормили, и я уехал домой. И горючее привёз для тракторов. И когда заехал в село, по радио услышал: окончилась война.

— ***На Магнитку как попали?***

— А был приказ. Сталина, что ли? Нас, молодёжь, забирали всех. Робить-то было некому, всех прибили на войне. Когда у меня мама померла, а отец пришёл домой, нас туда и направили. И поехал я в Магнитогорск. Год был 1947-й, наверное, октябрь месяц. Из нашей деревни две девахи и три мальчика. А всего было нас в таких вагонах семь-восемь. Других пассажиров не было, одни мы. Привезли Магнитку осваивать. Мы все деревенские. А там же кругом коксохимы, доменные

печи, мартены, прокаты – всё горит. Нам даже страшно казалось.

В бараки поселили. Человек восемь было в секции у нас, койки отдельные, бельём заправленные. Там тепло было.

Одели нас: брючата дали, пальтишки тёплые, валенки. Дело к зиме шло. Зарплату не платили. ФЗО² мы были, поэтому кормили бесплатно. Там зиму прожили, и нас выпустили уже как полноправных рабочих на завод.

2 ФЗО – школы фабрично-заводского обучения. После Великой Отечественной войны в СССР идёт замена армии. Всё подрастающее трудоспособное поколение было направлено на восстановление народного хозяйства. Молодые люди имели возможность ознакомиться через правительственную печать с несколькими указами Президиума Верховного Совета СССР, согласно которым их направляли в трудовую армию. Они ехали на стройки, занимали трудовые места на предприятиях тяжёлой промышленности, восстанавливали разрушенные объекты по всей стране. (<https://russian7.ru/post/shkoly-fzo-pochemu-oni-stali-zamenoy-slu/>)

Тут нас уже выселили в город на житьё. Тоже секция была, десять человек. Но ребята уже рабочие были: сталевары, прокатчики. Я работал на мартене сталеваром. А какой сталевар я был? Там газа было мало, не хватало на печку. Вот мы: и сталевар, и кочегар — подтаскивали кокс и кидали его в печку. В смене нас четверо. Шапка на голове суконная и спецовка, которая не горит. В ней жарница! Искры она не боялась. Искра если попадает, то не прожигает до тела. Я проработал там четыре года. В отпуск ходил, приезжал в деревню.

— И впрямь целая история! А в Первоуральск как попали?

— Когда папа у меня помер, а брат подрос, то родной брат отца позвал меня сюда. По улице Ленина у него свой дом был. А мне уже за 20 лет, взрослый. Я на Магнитке рассчитался, к дяде приехал, на Новотрубный завод устроился. Ещё холостой был. Потом съездил домой, брата привёз. Здесь детдом был за прудом, он там и жил, окончил десять классов. Приходил к нам в гости. А у меня, как бы не соврать, два класса образования. Всё. Не было возможности. У нас в деревне была школа на четыре класса. Но я не ходил: надо работать, мама больная. И я пахал, не дай Господи!

— А на заводе не требовали, чтобы вы школу закончили?

— А на заводе это никому не надо было. Я работу знал, голова маленько крутилась, всё делал.

На Новотрубном сначала работал бригадиром в машзале. Это машинное отделение, где машины были, турбинки, очень шумные. У меня в бригаде две девчонки молодые — электрики. Три женщины-машинистки. И нас три мужика. Вот где катают трубы, там мы на пресс давали гидравлику, а они нашей гидравликой прошивали трубу, заготовку калёную. И получалась труба горячая. Я там проработал двадцать лет. Потом тяжело стало, там шумно. И я ушёл в диспетчерскую к начальнику

смены. Там уже работал до пенсии. Сорок семь лет проработал на Новотрубном.

— А на пенсии как живёте?

— Я заядлый лесник и рыбак. У меня жена тоже любила лес, ягоды, грибы, на рыбалку со мной ездила. Вот мы поехали с ней в шесть часов утра на электричке в Будку, в Решеты — за черникой. Набрали по ведёрку, температура была 32 градуса жары, а она внаклон. Ей раньше делали операцию, голову долбили, ей нельзя было внаклон. Смотрю: она бежит ко мне, обнимает меня... Хотела что-то сказать, рот открыла и упала. А она была плотная

такая. Но я её поднял, она опять упала. У неё кровоизлияние случилось, парализовало. В лесу... Болото... Народу — никого. Но там сады свердловские были рядом. Я её накрыл плащом, всё бросил — и в сады. Прибегаю — там свердловчане ходят пьяные по саду с балалайками, с гармошками. А я же в спецовке, ягодник. За бомжа приняли. Нигде меня не принимают, не разговаривают. И откликнулся один паренёк, молодой такой парнишка, Володя. Я говорю: «Вот такое дело: у меня там жена упала, на ягодах. Лежит в болоте». Он спрашивает: «Место найдёшь?» Я говорю: «У меня там флажки привязаны, ленточки». Он говорит: «Сейчас жена придёт

с детьми, она у меня врачом работает в Свердловске, съездим». Женщина пришла с детьми, они где-то купались. Он её уговорил, взяли машину. Машина хорошая, «Нива». Приехали.

Жарища. Врач-то рот открыла жене моей и говорит, что она не доживёт до утра, надо везти её домой, в больницу. Привезли её с Володей

на Хромпик, прямо в больницу. Лежала она там полмесяца. Так что уж — кровоизлияние! И она пролежала дома десять лет, мы её под руки с сыновьями водили в туалет, купали в ванной. Я за ней ходил десять лет. Да нет её уже десять лет. Вот один живу. Цветочки сажаю. Всё веселее.

Но два сына здесь у меня. Женаты. У одного трое детей. У старшего дочка учится в институте в Свердловске. Ходят, навещают. Дочь живёт в Кунгуре, там у неё тоже трое детей. У меня уже правнуки заканчивают техникум! Вчера у одного правнука был день рождения. Сколько лет исполнилось — не знаю. Я про себя-то уж не помню...

— Михаил Фёдорович, что вы пожелаете следующим поколениям?

— Учиться, работать. Я как работал: ни одного прогула не сделал. Табак в рот не брал. У меня дедушка был старший по церкви — батюшка. Он всё говорил: «Михалка, не кури!»

Всё время, что мы беседуем, около нас крутится кот: проверяет сумки, трётся об ноги, показательно ложится посреди комнаты, чтобы привлечь внимание. Михаил Фёдорович сначала пытался его приструнить, но потом понял, что кот нам вовсе не мешает, и перестал его одёргивать: пусть в своё удовольствие пообщается с новыми людьми.

— **Расскажите про котика!**

— Без кошек у нас в деревне никто не жил. По две, по три штуки всегда было. И в городе всё время была кошка у нас. Вот этого кота Бусик зовут. А у меня товарищ уехал. Его забрал сын в Пермь, он инвалид. И перед отъездом он меня попросил забрать его котика. Я и забрал. Но с моим котом они дерутся. Теперь в разных комнатах живут.

А ещё до этого я болел, вызвал «скорую». Приехали две девушки, мой кот выскочил на улицу и убежал. И его не было с сентября месяца прошлого года. А нынче пришёл ко мне. С кем он был — не знаю. Толстый пришёл. Завел новую привычку везде прыгать.

У меня пенсия хорошая, нам с ними хватает. И ребятишкам на подарки остаётся. Так и живём...

Метали сено — складывали в копну

Лазют — от глагола лазить (местный говор)

Робить — работать (местный говор)

Девахи — девушки (местный говор)

Суконная шапка — сшитая из сукна, сукно — грубая плотная ткань.

ВСЮ ВОЙНУ ЗА СТАНКОМ ПРОСТОЯЛ...

О судьбе Юрия Васильевича Круглова, труженика тыла, ветерана Новотрубного завода, рассказывает его внук, Андрей. Самого Юрия Васильевича не стало осенью прошлого года, он ушёл из жизни в возрасте 95 лет. Всю жизнь, с четырнадцати лет, он проработал на Новотрубном заводе. Здесь же работали его сын и внук...

— Дедушка во время войны работал на Новотрубном заводе. Он сюда пришёл в четырнадцать лет, сначала работал во время каникул. А потом на завод пошёл, потому что в то время в городе другой солидной работы не было, кроме завода. Новотрубный считался очень хорошим местом. Быть заводчанином было престижно. А ещё дедушка пел в составе заводского хора, выступал на различных мероприятиях. Рассказывал, как 9 мая 1945

года всех участников хора освободили от работы и повезли в Москву выступать. Но выступали они не на самой Красной площади. Дед рассказывал, что 11 или 12 мая они пели на сцене Большого театра. У деда был тенор, как у оперного певца. Он самоучка, выступал только в составе заводского хора, ему хватало. В самодеятельности участвовал с детства. Потом слышали на Новотрубном, как он поёт. Сначала дедушка для своих выступал, просто так. Потом его включили в состав хора. Они часто ездили по области с концертами.

— Но это уже после войны?

— Нет, и во время войны ездили. Их, бывало, отправляли на концерты для тыловиков. Для тех, кого в тыл отправляли в эвакуацию, и для раненых после госпиталей, кто приезжал к нам в Первоуральск на восстановление. Ещё они с хором часто выступали у нас во Дворце культуры.

— Что дедушка рассказывал про жизнь во время войны?

— На фронте он не был, всю войну за станком простоял. Его не отпустили из-за голоса. Про работу дед не любил рассказывать или говорил очень мало. Во время войны он был помощником слесаря. Выпускали тогда болванки для снарядов.

Рассказывал, что, бывало, работали смены по четырнадцать часов. Потом перерыв на четыре-пять часов. Потом снова за станок, снова на смену. Домой уходили на несколько часов, мало кто оставался на заводе. Всё-таки охота и родных повидать. Но в день за смену уставали до такой степени, что до дома еле доходили, здоровались с роднёй и падали сразу спать. Потом вставали, выпивали чаю с корочкой хлеба — и снова на завод. Тогда никаких пропусков не было. Люди просто заходили на территорию, был свободный доступ. Уже после войны дед пошёл на повышение, доработался до мастера.

— ***Кто из вашей семьи был на фронте?***

— Три брата дедушки, не помню их степень родства — двоюродные или троюродные. Братья Кукаркины, сгорели в танке. Все трое были танкисты, вместе воевали и вместе погибли.

— ***Дедушка откуда родом?***

— Он родился здесь, в Первоуральске, в 1925 году. У него было 8 классов образования, то есть полная средняя школа на тот момент. В год, когда началась война, ему исполнилось шестнадцать лет. Много лет, в том числе во время войны, он жил на улице Ленина, 19-б, в пятиэтажках возле 21-й школы. Оттуда всю войну ходил пешком на завод. А потом, уже

в 80-х годах, они с бабушкой получили квартиру на улице Ленина, 6. Детей у них было двое: мой отец и моя тётя.

— *Династию на заводе продолжили?*

— Да, на заводе династию продолжил отец. И я работал. Отец ушёл с завода в Западные электросети, он электрик. А я — резчик трубозаготовок, сначала на трубообрезном станке работал. Потом сдал на разряд выше, на установку плазменно-дуговой резки. Там работал до 2016 года, пока группу не получил.

— *Что дедушка рассказывал о Первоуральске в те годы?*

— Рассказывал, что город был намного меньше и спокойнее. Жить было проще.

— *Как Юрий Васильевич поддерживал здоровье, дожил до таких солидных лет?*

— Он всю жизнь, с детства до последних дней

жизни, занимался зарядкой по утрам. Вставал полшестого или в шесть утра. По выходным — зарядка, а потом ещё пробежка. Если зимой, то на лыжах. От дома вокруг нижнего пруда к верхнему уходил, там поднимался на гору, потом скатывался и с другой стороны пруда возвращался. Так занимался по выходным, пока работал. А когда вышел на пенсию, то и каждый день.

— *Какие у него остались награды?*

— Медаль «Труженик тыла» точно есть. Ещё им с бабушкой дали награду «Совет да любовь» в честь пятидесятой годовщины брака.

— *Какой завет он оставил тебе и другим продолжателям рода?*

— Дед никогда в жизни не выкурил ни одной сигареты и не пил. По выходным только сто грамм красного вина. И в праздники. И всем всегда говорил: «Никогда не пейте и не курите! Ведите здоровый образ жизни!»

Люди военного поколения — другие. Они сильнее, выносливее, доверчивее. Как это модно сейчас говорить: они доверяли миру. И мир отвечал им взаимностью. Нам есть чему у них учиться. Возможно, однажды именно эта истина позволит нам выжить!

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.

Расул Гамзатов

ЦВЕТЫ ДЛЯ ОТЦА

Мой отец, Дьяков Леонид Степанович, родился

ся в 1922 году в деревне Хмелёвка Голышмановского района Тюменской области. Отца призывали на фронт в начале 1943-го. Пробыл Леонид на фронте недолго, около четырёх месяцев, воевал под Сталинградом в составе горно-стрелковой дивизии, там его ранили в руку, немного подле-

чив в госпитале, отправили для дальнейшего выздоровления домой в деревню. Рука мало-мальски поджила, и осенью отец работал на тракторе, помогая убирать урожай. В декабре 43-го женился, успел в 44-м понянчить меня и снова был призван зимой 45-го, за несколько месяцев до победы. На этот раз он дошёл до Берлина, 2 мая 45-го был тяжело ранен на подступах к городу, из госпиталя пришло письмо, написанное кем-то под его диктовку. А летом получили похоронку: умер от ран 21 июня.

Каким был мой отец, я знаю только по воспоминаниям мамы и бабушки. Был первым парнем на деревне, статным, красивым, работающим, ласковым, не пил, не курил. Девушек любил, и они отвечали ему взаимностью. С фронта посылал стихи, то ли им написанные, то ли просто солдатский фольклор. Бабушка не умела читать, и когда я освоила грамоту, часто доставала пожелтевший треугольник, потёртый на сгибах, и просила прочесть стихотворение: «Я вернусь, дорогая мамаша, как последний салют даст Москва, и воротится прошлое наше у большого родного окна».

В четвёртом классе я написала письмо в Министерство обороны, просила сообщить мне, где находится могила отца. Похоронку бабушке прочитал брат отца, и он говорил, что отец умер в

госпитале города Бреста. В школе я часто стояла на перемене у большой карты Европы и в конце концов нашла город Брест на границе Советского Союза и Польши. Странно. Это же далеко от Берлина. Как он попал в Брест? В институтской библиотеке была энциклопедия, и на карте Германии я обнаружила недалеко от Берлина город Бриц, по звучанию похоже на Брест. В 1982-м году отправила в Центральный архив Минобороны запрос о месте захоронения отца. Оттуда меня известили, что письмо передано в Союз Красного Креста. Из Красного Креста сообщили, что розысками захоронения отца занимаются компетентные органы ГДР. Через два месяца я уже имела на руках официальный документ: «По документам учёта безвозвратных потерь сержантов и солдат Советской Армии ... стрелок 74 гсд, рядовой Дьяков Леонид Степанович, 1922 г.р. умер от ран 21 июня 1945 г., захоронен г. Бриц, Германия».

Это кладбище в городе Бриц стало мемориалом Трептов-парк. Там пять безымянных захоронений, на одном из них якорь. На постаменте возвышается фигура советского солдата с ребёнком на руках.

Два раза я побывала на могиле отца, первый раз — одна, второй — с внучкой. В подножии скульптуры Вучетича есть крохотная комната, посреди — стол, на нём лежит книга, в которой запи-

саны поимённо все похороненные в Трептов-парке солдаты. Сюда приходят не только туристы, но и местные жители, приезжают экскурсии из других городов Германии, в солнечные дни мамы с колясками гуляют по дорожкам мимо захоронений и всегда замирают, когда видят, как подходят к могилам люди с цветами. С любопытством смотрели они на нас с внучкой, когда мы медленно шли от могилы к могиле, оставляя на каждой пару гвоздик и горсть сибирской земли.

Светлана Дьякова

ПИСЬМО

Оно прошло далёкий путь,
Как небо над рекою.
Пришло, чтоб в сердце заглянуть
Взволнованной строкою.
Как не прожгли слова листок,
Горячие до жженья!
Я слышу, как растёт меж строк
Стальной прибой сраженья.
Я вижу — ты стремишься в бой,
Неудержим, как ветер.
Поют снаряды над тобой
О смерти и бессмертье.
О русской доблести,
О тех,
Кто шёл за Русь на битвы.
А вьюга стелет белый снег
Под головы убитых.
Да, путь войны суров, жесток,
Но сквозь огонь сражений
Мы видим вёсен солнцепёк
И твоего письма листок,
Как первый лист весенний!

1942 год,

Людмила Татьяничева

Из блокнота журналиста

ПИСЬМА С ФРОНТА

Не дожил до победы Николай Прокопьевич Кормильцев. Он приблизил её ценой своей жизни. Чтобы спокойно и счастливо жили его сын, внуки, правнуки. На фронт он мог и не пойти: была броня. Служил в ОСОАВИАХИМе. Но не тот характер был у офицера Кормильцева. Пошёл добровольцем, сказав любимой жене: «Не могу отправлять людей на смерть, а самому отсиживаться в тылу. Ты сильная и — если что — сына воспитаешь как нужно».

Когда прощались на станции, Николай Прокопьевич, высоко подняв над головой трёхлетнего белокурого сыночка, твердо произнёс: «Ты остаёшься за мужчину в доме», поцеловав его и жену, вошёл в вагон военного эшелона, который увёз его в ночь. Как оказалось — навсегда. Шёл 1942 год.

Война закончилась, но жена, Анфиса Елизаровна, не дождалась мужа, а сын, Владимир, — отца. Остались только фотографии мирного времени и несколько писем.

Вот они, треугольнички — весточки с фронта, с обратным адресом полевой почты, написанные более шестидесяти лет назад. Бумага от времени пожелтела, истерлась на сгибах, да-

леко не всё можно прочесть, так как письма написаны карандашом. А одно письмо написано на промокашке, и прочесть его уже невозможно.

С трепетом и волнением вчитываюсь в торопливые строчки. Все письма начинаются неизменно: *«Здравствуй, моя милая семья Фисочка и сыночек Вовочка! Посылаю вам свой пламенный привет...»*.

Сколько в этих словах нежности, любви, тоски и надежды на встречу!

«Сообщаю вам, что из Красноуфимска я выехал два дня назад. Еду по направлению к Москве, на северо-западный фронт. Со мной в купе товарищ Яргунов из Челябинска. Продуктами питания снабжён хорошо. Купил две буханки хлеба... Пока все хорошо, что будет дальше постараюсь сообщить. Фисонька, сегодня увидел во сне Вовочку, будто ловили с ним рыбу... Целую вас, желаю хорошей и долгой жизни».

«Спешу выразить свое настроение после разговора с тобой по телефону. Фиса, о многом хотел поговорить с тобой, но мешали. Чувствую, что ты расстроилась, что не всё сказала по этой же причине. Не расстраивайся, возможно, встретимся и обо всём поговорим. Фисочка, мне было очень тяжело, когда я говорил с Вовой. У меня, без стеснения, бежали слёзы, он, как большой, задавал вопросы, звал домой. сказал, что скучает обо мне. Всю ночь не мог себя успокоить и сегодня целый день под впечатлением нахожусь. Возможно, это был наш последний разговор. Милая Фисонька, прошу тебя, не сердись на судьбу и на меня, если не останусь живым после окончания войны. Не забывай меня, и пусть Вовочка помнит. И я ни на минуту не забываю вас и не забуду до последнего вздоха...Ну вот, Фисонька, обучение

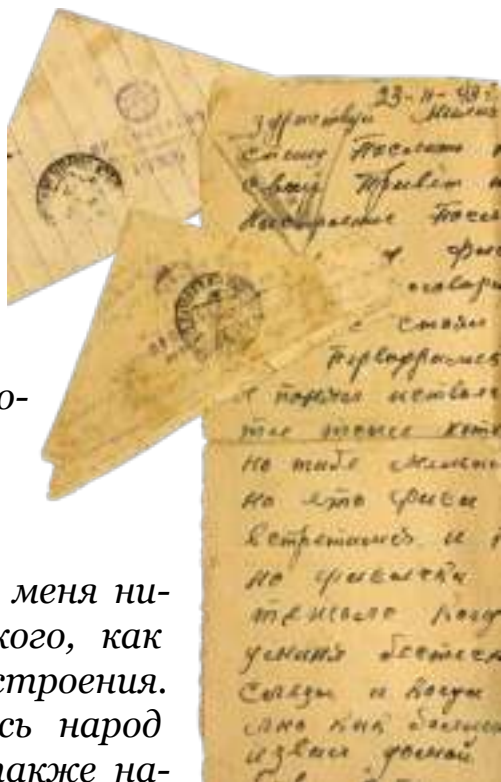
закончено. Поработать пришлось очень крепко и тяжело. Но ничего, Фисочка, пока носят ноги и есть куда разбежаться, безусловно, выдержу. Сдал на младшего лейтенанта. В ближайшие дни, а может, часы, поеду на практику...»

«...В скором времени я от вас буду находиться на очень большом расстоянии. Фисонька, я очень доволен, что встретился с вами и со всеми родными. Не могу придумать, какую вынести тебе благодарность за заботу обо мне. (Заезжал после учёбы домой — ред.) Конечно, милая, я буду помнить всё сказанное тобой. Было бы хорошо, если бы всё сбылось. О многом мы с тобой не успели поговорить, Фисонька. Не смог выразить я того, что нужно было, потому что настолько сердце моё волновалось... Но ещё раз подтверждаю, что ты умная, умеешь руководить жизнью и хозяйством. Надеюсь, и в дальнейшем справишься со всеми трудностями, которые будут встречаться тебе впереди. Знаю, если придётся мне положить свою жизнь за победу над врагом, сын наш будет воспитан тобой не хуже других... Спасибо тебе за всё. Целую вас с сыном».

«Сообщаю, Фисочка, что получил от тебя письмо с чистой бумагой и три воротничка, за

что тысячу раз благодарю. Я так рад посылочке, ведь именно ты держала эти воротнички в своих руках, сама вырезала их и шила на машинке и мечтала, что я жив, затрачивала на меня время, как это было до войны. Возможно, Фисонька, в недалеком будущем уничтожим эту проклятую гадину, очистим нашу священную землю от варваров и вернемся к гражданскому труду. Смотрю вашу фотографию, и сердце волнуется. Так бы и слетал, посмотрел на вас. Фисочка, передай Вовочке, что он очень хороший мальчик. Я показывал фотографию товарищам, он всем понравился. До свидания, дорогие. Целую».

«7 ноября. В такой светлый день у меня никогда не было такого, как сегодня, плохого настроения. Вспоминаю, как весь народ нашей страны, а также на-

*Н. П. Кормильцев
с женой и сыном.
30.12.1942 г.*

шего города праздновали этот день, отмечали блестящие достижения нашей доблестной Красной Армии. Мне этот праздник пришлось провести в пути — еду на новое место... Надеюсь на нашу встречу, когда враг будет разбит. Скупаю, храню вашу фотографию пуще своего глаза».

«Посылаю вам пламенный, сердечный

фронтовой привет. Желаю тебе, милая здоровья, чтобы легче было воспитывать нашего дорогого сыночка. Не думайте, что я этого хочу, но, может, придётся сложить свою голову в боях с фашистскими захватчиками за освобождение нашей территории и уничтожение всех фашистов. За пять суток — сегодня один день отдыха. Вот и успеваю написать письма. Очень хочется получить письмо и от вас, но застанет ли оно меня здесь... Я должен выехать на другой фронт. Останусь жив — сообщу. Всё время думаю, Фи-

сочка, о вас с Вовой. Вижу во сне. Сын, наверное, стал совсем большим. Возможно, есть ещё наше счастье впереди. Закончим войну и встретимся. Погода у нас не совсем ещё холодная, идёт снежок, и я представляю, как Вова катается на санках. Поздравляю вас и всех родных с наступающим Новым, 44-м годом, желаю хорошо встретить его, выпить за себя по чарочке и за нас. Целую тебя и сыночка, крепко жму ему ручку. И ты, Фиса, во время сна прижми Вовочку к себе и поцелуй за меня».

Больше писем от Николая Прокопьевича не было. Пришло сообщение, что пропал без вести на Волховском фронте. Не удалось найти и могилу. Потому сегодня Владимир Николаевич, давно ставший сам не только отцом двух дочерей, но и дедом троих внуков, приходит к памятнику Неизвестному солдату, чтобы склонить свою седую голову в память об отце.

*Газета «Вечерний Первоуральск
свободный», 4 мая 2006 год*

Из блокнота журналиста В ПАМЯТИ НАВСЕГДА...

75 лет со Дня Великой Победы, 75 лет мирное небо над головой и уже 50 лет этот праздник со слезами на глазах — без Павла Михайловича Демидова, без моего папы. Четыре долгих фронтовых года отразились на его здоровье. Участник Великой Отечественной войны, простой солдат, связист-телефонист. Он всегда был на переднем крае, пробираясь с тяжёлыми витками проволоки под пулями, иногда короткими перебежками, ино-

гда ползком — с одной целью: установить связь для командования. Папа не любил рассказывать о войне. Лишь иногда из коротких фраз мы узнавали, что их воинская часть находилась шесть месяцев в окружении, без воды и пищи: ели подстреленных ворон и протухшее мясо конины (над ко-

стром подержат — черви и выползут). Находясь в окружении, папа был контужен и без медицинской помощи, как он выразился, отвалился — и снова вперёд.

Папа не надевал медали, стеснялся, говорил, что просто, как и все, выполнял воинский долг: защищал семью, Родину. Его заслуженные награды мы видели только в День Победы на праздничном шествии! А у него ведь боевых медалей «За отвагу» — целых две! Кроме этого он награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Берлина» и другими. Как-то проговорился, что после боя командир части представил к ордену, но награда не дошла до героя.

Родился Павел Михайлович в декабре 1912 года в деревне Земканер, Санчурского р-на, Кировской области. На фронт ушёл из Первоуральска. С первого и до последнего дня войны сражался на фронтах Великой Отечественной в 336 апав, 23 АЛенФ, 194 тгабр, 1 УкрФ. Долгие дни и ночи обороняли Ленинград, освобождали Украину, Поль-

шу, Прагу, дошли до Берлина... С уважением говорил о генерале армии Н. Ф. Ватутине, маршалах И. С Коневе, Г. К. Жукове... Хранил фотографии ст. лейтенанта Ждахи Г. И., лейтенанта Фёдорова, капитана Силимбаева, сделанные в Венгрии и подаренные на память солдату Демидову...

Мы бережно храним память о папе, его награды, красноармейскую книжку, военный билет, редкие фотографии (одна из них сделана после освобождения Праги).

Вернувшись домой, папа проработал на Новотрубном заводе более 25 лет. Был мастеровым в быту: клал печи, валял валенки. Люди всегда говорили о нём как о добром, отзывчивом человеке, и до сих пор вспоминают с благодарностью. Он навсегда в нашей памяти, в памяти вечно благодарных дочери, внуков, правнуков.

Валентина Демидова

ЭХО ВОЙНЫ

Эхо войны с каждым годом становится всё глуше: уходят фронтовики, по рассказам которых подрастающее поколение могло восстановить картину страшных событий. И сегодня «эстафетная палочка» оказалась в руках тех, чьё детство пришлось на военное время...

Наша героиня, Мария Михайловна Попова, своего отца практически не помнит. В 39-м, едва дочери исполнился годик, главу семьи забрали на финскую войну. Вскоре Михаил Сергеевич вернулся, но дома пробыл недолго: сержанта Лопухова отправили на курсы военной подготовки в Псковскую область. А в 41-м году началась Великая Отечественная.

— Накануне в нашем селе Илим Шалинского района случился пожар, — вспоминает Мария Михайловна. — На месте сгоревшего дома папа успел поставить только сруб, достраивали уже дедушка и мамин брат. Об отце знаю со слов мамы и односельчан. Очень был трудолюбивым: работал трактористом, машинистом, механиком в родном леспромхозе. В детях души не чаял: маме с фронта писал, чтобы девчонок, меня и двух старших сестёр, не бросала. Причём сёстры — ему не родные

дочери. В своё время папа взял маму замуж с двумя детьми от первого брака. Но недолго приходили весточки с фронта. В феврале 1942 года отца объявили без вести пропавшим. Мама всю жизнь его любила и ждала, надеялась, что вернётся...

Детство Марии Михайловны голодным не назовёшь. Зимой —картошка, молоко, яйца, мясо. Летом питались «подножным» кормом. А вот хлеба практически не видели.

— Как-то мама купила на рынке калоши. Весь вечер я примеряла обновку, так и уснула с ними в обнимку. А утром просыпаюсь: нет калош, зато на столе — булка хлеба... Жизнь нашим родителям досталась тяжёлая, особенно туго приходилось женщинам, чьи мужья не вернулись с войны. Мама от зари до зари пахала в леспромхозе. Голодать мы, конечно, не голодали, но вот надеть совершенно нечего было. Помню, в первый класс пошла, а у меня — одно ситцевое платье. Ни майки, ни трусов, ни чулок... И всё бы ничего, но маму стали принуждать работать в колхозе. В отместку за нежелание подчиниться колхозное начальство решило забрать часть нашего огорода. К тому времени картошка уже поспела. Приехали и начали плугом выкапывать, а я схватила ведро и давай клубни собирать да на свой участок таскать. Местные жители меня подбадривают, колхозных сты-

дят. Те разозлились и пригрозили матери, что в тюрьме сгноят.

Испугавшись, Фаина Петровна — так звали маму Марии Михайловны — в ту же ночь уехала к родственникам в Губаху Пермской области, оставив детей на попечение своих родителей. Вскоре вслед за мамой отправились Маша и средняя сестра (старшая уже работала). В родные края жить уже не вернулись, но связи не теряли: каждое лето Мария навещала бабушку и дедушку.

— Наше поколение росло на примерах родителей — великих тружеников со сложной судьбой. Конечно, воевать не пришлось, но временами было ой как несладко! Мамы не стало, когда мне было 23 года. У сестёр — свои проблемы. Моей семьёй стали муж, с которым я, кстати, знакома с детства: росли в одном селе и я, и его родня. И вкалывали мы тоже — будь здоров! Окончила медучилище и первый год работала операционной сестрой в Губахе. Всегда выполняла любые просьбы, не задумываясь ни о деньгах, ни о том, входит это в мои обязанности или нет... Переехав к мужу в Первоуральск, устроилась в медсанчасть Новотрубного завода. И здесь старалась не ударить в грязь лицом. Однако быть просто фельдшером казалось мало: люди в глаза звали доктором, а мне стыдно! Какой я доктор без образования?

Посоветовавшись с мужем и получив добро, поступила в медицинский институт, благо к тому времени до Свердловска пустили электрички. Будучи студенткой второго курса, Мария Михайловна стала мамой. Хорошо, что сын родился в аккурат перед летними каникулами. Но осенью надо приступать к учёбе, а ребёнка оставить не с кем. Брать академический отпуск? Не вариант. Спасибо соседям — согласились посидеть с мальцом, пока тому восемь месяцев не исполнится. А там уже и в ясли можно отдавать.

— Как мы выбивали место в яслях — отдельная история. Муж ходил к секретарю парткома Новотрубного завода, я обращалась к инспектору по детским садам, показывала характеристику из института. Всё безрезультатно. Но мир, как говорится, не без добрых людей. Помогли, устроили. Окончила институт. Думала, займусь наконец любимым делом. Выбирала между работой акушера-гинеколога и терапевта. Но в горздраве меня и слушать не стали. Направили на станцию переливания крови с нуля поднимать отдел иммунологических стандартов. Работала на износ, дома практически не жила. Даже в декретный отпуск со вторым сыном не ходила: некому было заменить...

Дети войны... Они не встречались лицом к лицу с фашистами, зато многие из них знают, каково это — расти без отца, видеть горе матери, оставшейся без мужа, кормильца, опоры. Они мёрзли, недоедали, а кто-то и голодал, вместо игр и шалостей трудились наравне со взрослыми. А их детство, самую светлую пору в жизни человека, счастливым вряд ли назовёшь.

Анна Попова

*Памятник детям блокадного Ленинграда. Омск.
Скульптор Сергей Голованцев*

*Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой
Е. А. Агранович*

Семейная реликвия

Под таким названием уже несколько лет проводится городской конкурс среди учащихся школ города Первоуральска и посёлков, а в 2021 году несколько работ поступило даже от детей муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Начальная школа — детский сад №14», а также от педагогов и библиотекарей.

Организатор конкурса — краеведческий отдел Центральной городской библиотеки. Конкурс «Семейная реликвия» был задуман, чтобы не только по учебникам, книгам и фильмам понять истинные духовные ценности своего Отечества, края, где родились и растут сегодняшние дети, но также узнать о мужестве и героизме участвовавших в войне бабушек и дедушек, о подвигах участвовавших в войне своих родственников, прадедушек и прабабушек. Чтобы они помнили об этом всегда, передавали эту память своим детям, чтобы молодые научились уважать старшее поколение, которое ценой своего здоровья, своей жизни выстояло в самые тяжёлые годы. Они отстояли нашу страну,

вытащили из разрухи, окрылили науку, культуру. Чтобы новые поколения гордились российским народом, своей Родиной.

Радует, что дети вместе с родителями рассматривали старые фотографии в семейных альбомах, читали письма с фронта... А потом делились своими впечатлениями друг с другом и с родителями. Нет сомнения, что они проникнутся уважением к своим родственникам, к тем, кого уже нет рядом, но они продолжают жить в фотографиях, письмах и в памяти детей. И будут жить вечно.

Я живу в России и точно знаю, что Великая Отечественная война коснулась каждого дома. Кто-то был в рядах воевавших солдат, кто-то обеспечивал солдат оружием, работая сутками у станков, кто-то лечил раненых и видел много крови, а кто-то провёл эти годы в заточении в концлагере и пережил варварскую жестокость немецких солдат.

Прадедущка моей мамы, Степан Кириллович Никулин, прошёл эту войну от Кирова до Варшавы. Был награждён орденом Отечественной войны второй степени за то, что целые сутки, стоя в воде, под артиллерийским миномётным огнём руково-

дил восстановлением моста. Они стояли по шею в воде, с нечеловеческим напряжением пилили сваи, укладывали прогоны. Несмотря на сильный огонь вражеских войск, они выполнили свою работу, что позволило на спецтехнике пройти нашим войскам.

Прабабушка моего папы не получила наград, но и она проявила невероятное мужество. Когда в их деревню Липень пришли немецкие солдаты, ей было всего 20 лет. Она уже была мамой одного ребёнка и ждала своего мужа с войны. Её десятилетнюю сестру Татьяну фашисты хотели забрать в концлагерь. Но Анастасия Никифоровна добровольно согласилась сдаться в плен вместо своей младшей сестры, чтобы маленькой девчужке не пришлось узнать ужас плена. Она пробыла всю войну в концлагере в Польше, после освобождения вернулась домой и прожила долгую жизнь.

Я ещё совсем мала, но я очень благодарна за то, что в моё время нет войны, есть всё необходимое для жизни, а мои близкие живы и здоровы. Я живу в России, в самой сильной стране, где живут самые стойкие духом люди, давшие отпор фашистским солдатам. Я всегда буду гордиться, что живу в этой стране, где каждый подвиг бессмертен!

*Ульяна Чухарева, 9 лет,
школа №10*

*Вы, живые, знайте, что с этой земли
Мы уйти не хотели и не ушли.
Мы стояли насмерть у тёмной Невы.
Мы погибли, чтобы жили вы.*

Эпиграфом к своей работе я выбрал слова Роберта Рождественского, которые размещены на мемориальном комплексе «Невский пяточок», посвящённом защитникам Ленинграда. Совсем недавно я узнал, что эти события стали частью и моей семейной военной истории.

Мой прадед, Леонид Александрович Барышев,

попавший на фронт в 19 лет, принимал участие в обороне Ленинграда. В январе 1944 года началась операция по полному освобождению Ленинграда от фашистской блокады.

15 января, в 3:00 часа ночи, 219 стрелковому полку, в котором мой прадед служил наводчиком орудия, ко-

мандование поставило задачу: к утру овладеть населённым пунктом Петровское. В ходе боя красноармеец Барышев прямой наводкой из орудия подавил три огневые точки противника, дав возможность продвижению пехоты. За этот подвиг он был награждён медалью «За отвагу». У него есть ещё одна награда: медаль «За оборону Ленинграда».

К сожалению, прадед совсем немного не дожил до победы, в марте 1945 года он скончался от ран в госпитале и был похоронен в братской могиле в городе Ауце, в Латвии.

...Мне очень хочется вместе с родителями посетить место, где захоронен мой прадед, и возложить цветы в знак нашей памяти и в благодарность за возможность жить свободном Отечестве.

*Иван Каравеев, 9 лет,
школа №10*

И мой прадед Фадей Михайлович Ячменёв воевал за свою Отчизну. Он ушёл на фронт из деревни Шигаево Свердловской области. Сражался против фашистов в составе 49-й стрелковой дивизии, был

несколько раз ранен, получил инвалидность: во время боевых действий оторвало несколько пальцев на руках.

Нелёгкок был боевой путь прадеда, как и всех тех, кто защищал нашу Родину. Но они выстояли. Победу встретил прадед в городе Риге, в госпитале после очередного ранения, в звании младшего сержанта, был награждён медалью «За Отвагу».

Помнить нужно не только о тех, кто сражался с врагом на фронте, но и о тех, кто работал в тылу.

Трудно было в эти страшные годы прабабушке Татьяне Никифоровне Ячменёвой.

В начале войны родители у неё умерли, осталась она вдвоём с маленькой сестрой Ниной, которую отдала в Коуровский детский дом, а сама всю войну проработала в Билимбаевском лесничестве на лесозаготовках.

Женщины работали наравне с мужчинами: пилили лес, носили тяжёлые брёвна. Все тяготы преодолела Татьяна Никифоровна. По окончании войны она забрала сестру из детского дома и уехала жить в деревню Шигаево, где и познакомилась с моим прадедом Фадеем Михайловичем.

В 1946 году её наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Много трудностей преодолели Фадей Михайлович и Татьяна Никифоровна в военное время, а в мирное время вырастили сестру Татьяны Нину, воспитали двух прекрасных дочерей: Любовь и Надежду, дожили до внуков и правнуков.

Моя мама вспоминала, что прабабушка и прадед неохотно рассказывали о войне, скорее по необходимости, когда их внучка, моя мама, начинала расспрашивать об этом.

*Кирилл Воробьёв, 4 класс,
школа №7*

Великая Отечественная война забрала жизни миллионов людей. Наше поколение может лишь издалека взглянуть на те сражения через историю и по рассказам родных. И я смотрела на путь героя нашей семьи, сидя за столом у бабушки, разглядывая пожелтевшие фото в старом альбоме памяти.

16 февраля 1922 года на свет появился маленький Паша, который даже не догадывался, что его ждёт нелёгкая судьба. Новый год девятнадцатилетний Паша Буйлов хотел провести в тёплом кругу семьи, но война изменила планы: 30 декабря

1941 года он поступил на службу. Дедушка Паша участвовал в Сталинградской битве, в одной из самых кровопролитных битв, получил травму ноги и множество ранений. Вскоре после войны дедушка скончался.

По мнению бабушки, подрастающее поколение напрасно жалуется на невзгоды жизни. Мол, они даже и представить не могут, что у мальчишек и девчонок их возраста тоже были мечты. Они тоже хотели учиться, но шли защищать свою Родину, свой народ. У них и мысли не было об отступлении.

Мой дед — мой пример в жизни. Он настоящий герой и гордость нашей страны, нашей семьи! Я думаю, что нужно вспоминать те страшные годы, не забывать людей, отдавших за нас свои жизни, не отступать, как не отступали они.

*Алиса Альмухаметова,
школа №22*

Я хочу рассказать о родном дяде моей прабабушки — Иване Васильевиче Южанинове, участнике Великой Отечественной войны.

Родился Иван Васильевич в 1913 году в крестьянской семье, в деревне Верх-Кига, Пермской губернии. Семья была большая, и учиться в школе ему не пришлось. В 1923 году Южаниновы переехали в деревню Гривенка Нязепетровского района Челябинской области. У родителей, Василия Архиповича и Евдокии

Маркеловны, было большое хозяйство. Их старшие дети: Пелагея (мамина прабабушка, а моя прапрабабушка) и Иван — трудились в колхозе.

В Гривенке Иван Васильевич получил начальное образование, а потом уехал в Верхний Уфалей, окончил школу фабрично-заводского ученичества и остался работать на строительстве никелевого завода. В 1932 году его призвали на срочную службу в Красную Армию. В 1938 году в звании младшего лейтенанта Иван Васильевич вернулся домой. Но в 1939 году был снова призван и отправлен на советско-финскую войну. После её окончания вернулся в деревню Гривенку, где его выбрали председате-

лем колхоза. Когда началась Великая Отечественная война, Ивана Васильевича практически сразу же призвали на фронт.

Воевал Иван Васильевич в сапёрном батальоне, был командиром роты. В августе 1943 года на Курской дуге наши части готовились к прорыву переднего края обороны противника. Иван Южанинов возглавлял сапёрную разведку. Разведчики при его личном участии разминировали несколько минных полей, сделали проходы в проволочном заграждении. Наша пехота прошла без потерь через инженерные заграждения противника.

При форсировании реки Днепр Иван Васильевич был тяжело ранен осколком вражеского снаряда и 26 августа умер от смертельного ранения.

На его личном счету два подорванных моста в тылу противника, обезврежено более 4000 мин, убито и ранено более 35 немецких солдат и офицеров.

За проявленные отвагу и мужество Иван Васильевич был награждён орденом Ленина, орденами Красной Звезды и Орденом Отечественной войны II степени.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками старшему лейтенанту Южанинову Ивану

Васильевичу было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

В городе Нязепетровске, в деревне Гривенке и деревне Ситцево (Челябинская область) есть улицы, которые носят имя Ивана Васильевича Южанинова, в деревне Гривенка установлена мемориальная доска, а в городе Чернушка Пермского края на Аллее славы установлен бюст героя.

Я очень горжусь тем, что в истории моей семьи есть Герой Советского Союза. Нам есть кем гордиться!

*Юлия Зюзина,
школа №22*

Я хочу рассказать про своего прадедушку Бориса Куприяновича Затёсова, который воевал на фронте во время Великой Отечественной войны. Мои родные: дедушка, бабушка, тётя, мама — бережно

хранят и передают память об этом замечательном человеке и о событиях военного времени. К сожалению, сейчас его уже нет в живых, но сохранились воспоминания, фотографии, награды. Моя тётя Светлана, когда училась в 10 классе в школе №2, к 50-летию празднования Победы в 1995 году создала семейный альбом о своём дедушке и моём прадедушке. А моя мама позже дополнила его новыми сведениями, документами о наградах.

Прадедушка родился в посёлке Староуткинск Шалинского района в 1921 году в семье заводских рабочих. Закончил четыре класса школы, рано начал работать: помогал по хозяйству, подрабатывал в чугунолитейном цехе Староуткинского металлургического завода. До армии жил в городе Свердловске, работал извозчиком, развозил товары в магазины.

В октябре 1940 года прадедушка был призван служить в рядах Советской Красной Армии в звании красноармеец. 22 июня 1941 года началась война. Борис Куприянович был отправлен на Западный фронт в Белоруссию в составе 13-й армии, принимал участие в оборонительной операции на рубеже Минского укрепрайона. Во время одной из разведок получил тяжёлое ранение, три месяца лежал в госпитале. После двухмесячного отпуска снова вернулся в свою часть и продолжал воевать.

...Однажды ночью с разведчиками прадедущка пошёл в разведку. Пробирались через лес. Зашли в какую-то деревушку, притаились за забором одного дома, где находились немцы. В темноте разглядели немецкого часового, подкрались сзади и ударили его прикладом. Взвалили его на себя и потащили в расположение наших войск. Когда уже стали подходить к окопам, недалеко от Бориса взорвалась мина. Осколком мины его ранило в ногу, другой осколок вскользь задел висок, но, к счастью, неглубоко. Товарищи дотащили Бориса и пленного немецкого «языка» до наших окопов. Прадед был госпитализирован на два месяца. Позже он снова продолжил воевать на передовой.

Во время одной из разведок подорвали машину. Взяли в плен немецкого офицера с документами. За это боец Затёсов был награждён медалью «За отвагу».

16 июля 1944 года прадедущка ночью втроём пошли в разведку. Зашли в одну деревню, они не знали, есть ли там немцы или нет. Подкрались к одному дому. Около него увидели женщину, которая шла к погребу. Они тихонько подошли и расспросили. Женщина рассказала, что в деревне семь немцев, которые остановились у неё в доме, сидят за столом у окна, а оружие стоит у двери справа. Борис Куприянович, как командир разведгруппы,

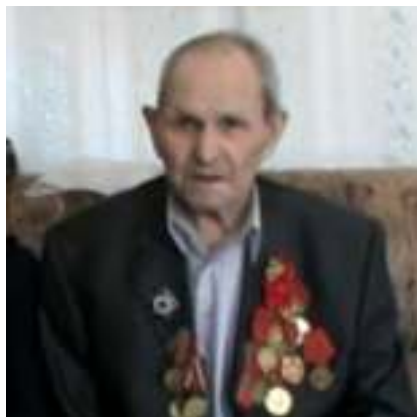
одного из разведчиков поставил у окна, чтобы тот в случае чего кинул гранату, а сам с напарником ворвался в дом. Прадедущка скомандовал немцам поднять руки вверх, а его напарник, в это время, завладел оружием немцев. Затем вывели немцев из дома, а их оружие бросили в колодец. Втроём привели семерых немцев в распоряжение Советской Армии. Пленные немцы дали точные координаты расположения фашистских войск. За это Борис Куприянович был награждён Орденом Красной Звезды.

Мой прадедущка Борис Куприянович имел звание сержанта и был командиром отделения пешей разведки в составе 1176 стрелкового полка. Он дошёл до Берлина, но во взятии рейхстага не участвовал, потому что воевал с фашистами в других районах Берлина.

После подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил охранял резиденцию правительства в Германии. Был награждён медалью «За победу над Германией». После служил в пограничных войсках. Демобилизовался в 1947 году. Вернулся в Староуткинск, на свою малую Родину, где до конца своей жизни работал на металлургическом заводе.

*Ульяна Кудашева,
школа №2*

Назиф Гибеевич Гайфуллин, мой прапрадед, родился 11 января 1926 года в деревне Штанды, Балтачевского района, Башкирской АССР.

Весть о начале войны застигла Назифа Гибеевича во время празднования Сабантуя.

В 1943 году он был призван на фронт. Участвовал в нескольких военных операциях, в том числе — за город Днепропетровск. Он рассказывал, что каждому давали по 15 патронов, так они ходили на передовую. Служил он с собакой, был инструктором. Собаки помогали, ушами указывали вражеское направление, а их охраняли. Дед вспоминал: если начнёшь засыпать, собака не даёт, лижет лицо. После окончания войны остался служить пограничником.

В 1950 году Назиф Гибеевич демобилизовался и вернулся на родину. Потом уехал в город Асбест на работу составителем поездов. В 1953 году он вернулся в родную деревню, женился.

Прапрадед награждён Орденом Отечественной войны, медалью Жукова, а также многочисленными юбилейными медалями.

К сожалению, он не дожил до 75-летия Победы, он ушёл из жизни в ноябре 2019 года в возрасте 93 лет.

Назиф Гибеевич мечтал, чтобы был мир на земле. Он говорил, что служить надо Родине достойно и любить её.

*Артём Махнёв,
МАОУ «Начальная школа —
детский сад №14»*

Моя прабабушка, Зинаида Алексеевна Шанина, родилась в городе Свердловске в 1932 году. Когда началась война, ей было 9 лет.

В школе на уроках труда они ходили на военный завод, делали заготовки для гранат. Питались очень плохо, получали хлеб по карточкам: детям — 150 граммов, взрослым — 800 граммов. Её мама пекла лепёшки из лебеды и мороженой картошки. Одевались кто во что. У неё со старшим братом были одни валенки на двоих.

Когда объявили Победу, все радовались и плакали, бегали на вокзал встречать эшелоны с военными. И моя прабабушка со своей мамой и братом ходили, но её отец так и не вернулся с войны, он погиб.

Моей прабабушке уже 87 лет, но она помнит и чтит память о своём папе.

Я хочу сказать всем ветеранам: спасибо вам за то, что бесстрашно сражались за Родину, за близких, за наше будущее. Мирное небо над головой — это ваша заслуга. Вы достойны самых высоких слов и добрых пожеланий. Здоровья вам, счастья и долголетия!

*Данил Русаков,
МАОУ «Начальная школа —
детский сад №14»*

...Люди разных национальностей, взрослые и дети воевали с врагами. Война принесла много горя и слёз, разруху и голод. Погибло более 20 миллионов человек. Она превратила города и посёлки в руины, вывела из строя заводы и фабрики. Но наш народ победил.

В этой тяжёлой битве за Родину участвовал и мой прапрадед Иван Александрович Неклюдов. Он был призван на фронт в 1942 году. Служил связистом. Однажды при бомбёжке был повреждён провод связи. Провод проходил через речку. Прадеду и ещё нескольким бойцам пришлось держать его 12 часов, стоя по грудь в ледяной воде. После этого Иван Александрович попал в госпиталь, были простужены лёгкие. В 1945 году был демобилизован. Работал в родном колхозе бригадиром. Но здоровье его ухудшалось, и спустя семь лет ему дали инвалидность. Прапрадедуська помогал семье: где советом, а по возможности и делом. Нянчил маленьких внука и внучку.

Умер он в 1965 году.

Ещё хочу рассказать о своём прадедушке Павле Алексеевиче Мокееве. Он родился 27 февраля 1931 года в деревне Игровка Янаульского района Башкирской АССР.

Во время войны трудился в колхозе. Ему было всего 10 лет, а он уже работал. Особенно была незаменима работа таких, как он, во время посевных или уборочных работ. В колхозе в то время были только дети, женщины и старики. Для каждого находилась работа. Летом выходили на прополку свёклы, картофеля. Заготавливали сено для колхозного скота. Нужно было успеть накосить сена и для своих животных. Ещё существовала норма от государства на каждый двор: независимо, сколько в семье людей, нужно было сдать молоко, яйца, масло и т.д.

После уборки урожая готовили обозы с продуктами. Грузили на телеги, запряжённые лошадьми, и везли в район, который находился в двадцати пяти километрах от деревни.

За работу насчитывали трудодни. Потом за эти трудодни получали зерно, если урожай был хороший.

Дедушка вспоминал: как бы трудно ни было, справлялись со всеми проблемами.

Всю жизнь прадедущка проработал в колхозе. Женился на Неклюдовой Глафире Ивановне. Они воспитали шестерых детей. Тружеником тыла его признали в только в 1992 году.

В нашей семье пятеро детей. И вся наша большая семья благодарна дедам и прадедам, которые смогли уберечь нашу Родину от захватчиков, подарили нам спокойное будущее, за которое мы в неоплатном долгу перед ними.

*Илья Малахов,
МАОУ «Начальная школа —
детский сад №14»*

Мой прапрадедущка, Габделлибаб Миндияров, родился в деревне Нижняя Истекаевка. В их семье было семеро детей. Закончил 7 классов. После учёбы началась трудовая жизнь в колхозе «Сылва».

В мае 1939 года его забрали на войну. Воевал на Халхин-Голе. Тогда японские войска напали на монгольскую армию. Он был простым рядовым солдатом. Здесь впервые увидел и держал в руках автомат: готовились к наступлению 20 августа 1939 года. Война была недолгой, и в сентябре

1939 года Габделлибаб вернулся в деревню. Он продолжил работать в колхозе «Сылва» трактористом. Трудился вместе с женой в одном колхозе. Смотрели за хозяйством, построили новый дом.

А 22 июня 1941 года настал самый ужасный и жестокий день, когда началась кровопролитная война. В июне 1941 года прапрадедущка был снова мобилизован в ряды Красной Армии рядовым солдатом. Он прошёл в своих кирзачах тысячи километров, тащил на себе оружие через овраги и болота, в холод месяцами жил в окопах, в жару кормил мошкарку.

На войне прапрадедущка был сильно ранен. Пуля попала в руку, пробила весь локоть. Осколок попал через щёку, выбил все зубы и челюсть, а затем осколок вышел через правый глаз. Начались мучения. Его перевозили из одного госпиталя в другой. Прооперировали, но раны очень долго не заживали, то и дело нагнаивались, снова приходилось оперировать.

Когда объявили, что война закончилась, прадедущка ещё лежал в госпитале. После выписки он вернулся к семье на родину. Ему дали вторую группу инвалидности. Устроился снова на работу в колхоз. Хотя у него и была инвалидность, его взяли сторожем, он в поле охранял лошадей. Зимой перебирал зерно, картошку. Умер прапрадедущка 6 апреля 2001 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награждён Орденом Отечественной войны I степени.

Прапрадедущка часто повторял: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Война – это тяжёлый урок для всех людей. Я рад, что в моей семье хранят память о моём прапрадедущке. Очень его люблю и горжусь им.

*Эльдар Минибаев,
МАОУ «Начальная школа —
детский сад №14»*

Я хочу рассказать о своём прадедущке. Его зовут Анатолий Павлович Кузнецов. Родился он в январе 1930 года в деревне Головырино, в крестьянской семье.

До войны детство было весёлое, беззаботное. Играли с друзьями в «чижика» и прятки. Но когда началась война, детство закончилось. Прадедусшке на тот момент было всего 11 лет. Ему пришлось работать наравне с взрослыми. Летом работал на ферме и в полях по 12 часов, а зимой — на фабрике. Фабрика называлась «Имени Малышева» (сапоговаляльная). Он

Кузнецов Анатолий Павлович с супругой Тamarой Дмитриевной

стоял на подставке у станка, валял валенки, которые потом отправляли на фронт. За работу на фабрике давали паёк: 500 граммов ржаного хлеба. Вставал рано: фабрика, как и поля, находилась за семь километров.

В 14 лет его отправили учиться на тракториста. Это был 1944 год. В 15 лет работал уже на тракторе.

В 17 лет прадедусшка ушёл служить в армию. Служил он в Германии три года и 6 месяцев, а после работал в совхозе, потом на РТР (Российская телевизионная станция). Его портрет висел на Доске

Почёта. У него есть медали за трудовую доблесть.

В 1953 году он женился на Тамаре Дмитриевне Кузнецовой, которая стала моей бабушкой. У них родились три сына и две дочери. Сейчас у них 10 внуков, 9 правнуков и 3 праправнука.

Особо прадедушке запомнился голод в военные годы. Огороды были, но картошки не хватало. Питались крапивой, лебедой, червяками. Зимой ходили на поля, разгребали снег и искали картошку. Бывало, взрослые отбирали найденную еду у детей. Кушали кожуру от картошки. Люди шли по дороге и, падая от голода, умирали. Даже крапивы в деревне не хватало, не успевала она вырасти, как её тут же срывали. Соли и спичек не было: надо затопить печь, а спичек нет. Бегали по соседям, может, у кого есть уголёк. Долго на него дули, чтобы он загорелся, а потом друг с другом делились.

Моя прабабушка тоже вспоминает это страшное военное время. Её папа погиб в первые дни войны, а мама осталась одна с четырьмя детьми. Прабабушку забрали из школы, чтобы она нянчилась со своими братьями и сестрой. А её маме пришлось работать, чтобы прокормить детей. Она работала в лесу, пилила деревья. Прабабушку зовут Тамара Дмитриевна Кузнецова, когда началась война, ей было 10 лет.

День Победы они вспоминают с радостью и со слезами на глазах. Помнят, что в этот день люди смеялись, обнимались при встрече, прыгали от счастья. К сожалению, многие не вернулись.

Я искренне верю, что память поможет нам избежать ошибок в будущем и сохранить мир на многие века. Почти в каждой семье есть свой герой. Есть те семьи, героям которых удалось вернуться, которые прошли через все ужасы войны и передали память другим. Подвиг каждого из них должен оставаться отпечатком в нашей душе. Надо помнить и о тех семьях, которые потеряли своих родных и близких. О тех детях, которые жили в тылу, работали на Победу. Каждый год 9 мая в нашей семье наступает момент молчания и благодарности.

*Полина Снигирева,
МАОУ «Начальная школа —
детский сад №14»*

*Эти письма эпохи войны,
Что хранятся в семейных архивах.
На бумаге налёт желтизны
И протёрты до дыр на изгибах.
Эти письма эпохи войны
Не обычного требуют чтения:
Тем их краткие строки сильны,
Что мы сами их продолжение...*

В своей работе я расскажу о реликвиях в нашей семье, которые остались на память от наших предков. Это письма.

Прошли годы, а письма с фронта бережно хранят самые трогательные человеческие чувства. Письма, ветхие солдатские треугольники со штемпелями полевой почты, фотографии, собранные воедино, воссоздают страницы героического прошлого, уже ставшего историей, которая не стареет от времени и всегда остаётся живой в памяти народной.

Эти строки, которые опалены войной, в них вся душа их авторов.

Не было на фронте человека, который бы не скучал по родному дому. Неслучайно почти все пись-

ма начинаются с обращения к родным и близким: «милая», «мои родные», «дорогие мои», «любимая» и т.д. Обычно всегда одной строкой надпись: пишу из...», «привет из...».

Каждая весточка с фронта несла надежду домашним на встречу со своими героями, связь помогала людям чувствовать себя едиными.

Фронтовые письма были всегда короткими, всего лишь полстранички или страница ученической тетради, но слова жгли сердце. На фронте некогда читать и писать длинные письма.

Такие фронтовые письма хранятся и в нашей семье.

Моя прабабушка Смирнова Мария Александровна родилась 20 марта 1928 года в селе Новый Буян Куйбышевской области. Когда началась война, бабушке было всего 13 лет, она училась в шестом классе. С началом войны закончилась учёба в школе. И закончилось Детство. Прабабушку Машу и её сестёр отправили работать в совхоз «Колокольчиково». Жали хлеб в поле, возили воду на быках. А двух братьев прабабушки: старшего — Дмитрия и младшего — Алексея забрали на фронт.

Письма, которые сохранила Мария Александровна, были короткими. Из писем и воспоминаний прабабушки Марии Александровны я загля-

нула в то далёкое суровое военное время. Я поняла, какое счастье было для семьи: получить письмо с фронта. Он не забывает никого, не забывает передавать им приветы и писать письма с фронта.

Дмитрию не было и 20-ти лет, когда он погиб от тяжёлого ранения в Германии. Самое страшное - это когда приходит письмо-извещение о смерти близкого человека. Такого письма не хотели ни в одной семье. Но не обошла беда семью Смирновых. 11 марта 1942 года Дмитрий погиб. Страшное письмо с фронта получили близкие.

Младшего, Алексея, прабабушка тоже не дождалась: его расстреляли под Сталинградом.

Изучив внимательно письма с фронта, убеждаешься, что к ним не слабеет интерес. Ведь некоторые семьи до сих пор их хранят, никуда не отдают, потому что не могут расстаться с дорогой семейной реликвией.

Надо бережно хранить их, так как сохранились они в ограниченном количестве. Эти письма действительно требуют необычного чтения. Когда читаешь эти письма, по телу колючая дрожь и льются горячие слёзы.

*Анастасия Голубятникова,
школа №12*

*Он шёл к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!*

С. Орлов

9 Мая наша страна и весь мир отметили 75-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. 75 лет прошло с тех пор, когда отгремели последние выстрелы на полях сражений, 75 лет над нами мирное небо!

Я об этой войне знаю не только по книгам и фильмам, но и по рассказам родных. Мой прадед Иван Васильевич Кардашин (23.10.1921 – 06.11.2003) был участником этой страшной войны. По словам бабушки, прадед служил водителем грузовой машины, подвозил снаряды в войсках Юго-Западного фронта.

Войска отступали, от батальона осталось только семь человек. Среди этих семи бойцов был и мой прадед Иван. Бойцов окружили... Но эти семеро смогли выйти из окружения. Вышли из окружения — и снова в бой, а потом — снова окружение. Четыре долгих мучительных дня просидели солдаты в болоте, фашистам удалось взять всех

в плен. Их отправили в Германию. Но быть пленённым — это не в характере моего прадеда. Ему и ещё нескольким его товарищам удалось сбежать из плена. Вот что прадед рассказывал моей бабушке, Марии Ивановне, о побеге:

— Не помню, сколько дней бежал, шёл, полз... Добрался до Эстонии... Сил уже не было... Увидел маленькую деревушку, зашел в крайнюю постройку — сарай. Он был полон соломы. Упал на нее: я уже не мог шевелиться, не чувствовал своего тела, не чувствовал укусов вшей (первые два года войны они просто съедали нас). От большого жара меня трясло. Казалось, что солома вокруг шевелится, думал: смерть моя пришла, мысленно прощался со всеми... Но старенькая бабушка-эстонка, плохо говорившая по-русски, обнаружила меня. Не испугалась — отогрела, накормила, вылечила. Пожалела меня бабуля... Всю жизнь я её помню, эту старушку. Именно она спасла меня. Благодаря ей я остался жив...

Добравшись до своих, прадед попал в 716 отдельный сапёрный батальон. До конца войны воевал в этом батальоне. И вот она — Победа!.. Вернулся домой в ноябре 1946 года, работал в селе Ключ Ачитского района, в лесничестве. Всю жизнь встречался с однополчанами. Эти встречи — воспоминания о молодости, о страшных и героических годах.

Мой прадед Иван сильно переживал о своём старшем брате Петре, пропавшем без вести. Пётр (1912 года рождения) был призван на фронт в июле 1941 года, а в конце ноября 1941 года родным пришло извещение о том, что Кардашин Пётр Васильевич пропал без вести под Ленинградом. До сих пор место его захоронения неизвестно. А прадед так мечтал побывать на могиле брата...

Почти каждый год 9 Мая я вместе с родителями приезжаю к бабушке в село Ключ и иду на могилу к моему прадеду. Молча произношу слова благодарности своему прадеду и прошу бабушку снова и снова рассказать мне о нём...

*Матвей Мосунов,
школа №4*

Про мою прапрабабушку однозначно можно сказать: у неё были золотые руки и доброе сердце. Моя прапрабабушка Елена Фёдоровна Черноус родилась в мае 1895 года в Украине. Ручной труд в то время вовсе не был чем-то необычным и оригинальным, как сейчас, потому что в то время все всё делали своими руками. Женщины чаще всего увлекались вышиванием национальных украинских

скатертей, вышиванок, занавесок, наволочек. И моя прапрабабушка тоже в 15 лет вышила себе национальную украинскую вышиванку. Надевала она её только по праздникам, относилась к ней очень бережно, благодаря этому она хорошо сохранилась, и прапрабабушка смогла передать её по наследству моей прабабушке Лидии Маркияновне Соколянкой.

Лидии Маркияновне, моей прабабушке, на долю выпало одно из самых тяжелейших испытаний: Великая Отечественная война. Прабабушка оказалась в Полтавской области. 9 августа 1941 года на Полтавщину пришла война. Именно в этот день с артиллерийского обстрела и налетов авиации немецко-фашистские захватчики начали штурм Кременчуга. Кременчуг — районный центр Полтавской области. Прабабушка волею судьбы оказалась в селе Млыны. Там работала она санитаркой в военном госпитале и часто вечерами выступала перед ранеными в этой вышиванке, доставшейся ей от её мамы, моей прапрабабушки. Сколько раненых она спасла! Спасла, не только помогая им облегчить физические страдания, но и душевные.

Ведь самое тяжёлое на войне (особенно в самом её начале) — это сохранить бодрость духа, веру в свои силы и в Победу. Вот так молоденькая санитарка, ещё вчерашняя школьница, как и многие девушки тех лет, делала всё возможное, всё, что было в её силах, чтобы приблизить нашу Победу.

Во время войны прабабушка познакомилась с моим прадедушкой. Он служил в Украине, а сам был родом из Ташкента. Они познакомились в госпитале. Прадедушка погиб во время войны, он был похоронен в братской могиле в Венгрии. А прабабушка прошла всю войну и домой вернулась с Победой.

После смерти прабабушки та самая вышиванка, в которой она выступала в госпиталях перед ранеными, досталась моей бабушке — Алле Фёдоровне Коваленко. Её надевали и моя бабушка, и моя мама, и моя тётя (родная сестра мамы). Теперь я подросла, и эта вышиванка досталась мне. В наше время мало у кого есть подобные вещи. Для меня эта вышиванка бесценна: это история моей семьи.

*Юлия Черний,
школа №15*

Добрыми делами, профессионализмом славятся люди и долго живут в памяти народной. И эта цепочка передаётся от поколения к поколению. О враче Михаиле Павловиче Кормильцеве (ред.) много добрых слов я слышала от своей мамы, от родственников, соседей, которые говорили: «Вот это был настоящий врач и удивительно добрый, отзывчивый человек. К нему можно было прийти домой даже ночью – не откажет, поможет!» И я очень обрадовалась, когда прочла об этом легендарном человеке рассказ его праправнука Ивана Зуева, тринадцатилетнего шестиклассника школы №10.

*Реликвия — вещь, свято
хранимая как память о прошлом
(Толковый словарь русского
языка под ред. С. И. Ожегова)*

Что такое семейная реликвия, чем она интересна? Это любая вещь, имеющая особое значение для членов семьи, передающаяся на протяжении многих лет от поколения к поколению. Некоторые реликвии насчитывают не один век. Какие-то из них имеют историческую ценность и немалую стоимость, а другие ценны только для членов семьи.

Каждый человек всю свою жизнь проводит в семье. Сначала в родительской, потом в своей собственной, затем, возможно, в семье своих детей. Со временем состав семьи меняется, меняются обязанности, заботы, но неизменными остаются семейные традиции.

Издавна одной из традиций в русских семьях был обычай узнавать о происхождении своих предков, откуда пришли и чем славятся. В каждой семье есть старинные вещи, которые бережно хранятся и переходят из поколения в поколение. В каждом доме в чуланчике или в гараже, на чердаке или в бабушкином сундучке хранится много старых вещей. А как могли бы дойти до нас эти вещи, если бы их не берегли, не ранили, не держали «за семью печатями»?

Они интересны нам с исторической точки зрения как предметы старины, культуры, быта, но прежде всего они дороги как память о наших предках. История вещи — это история человека, история семьи. Такая замечательная традиция есть во многих семьях, в том числе и в моей семье.

В нашей семье семейной реликвией стали старинные фотографии, заметки из газеты «Вечерний Первоуральск», награды и ордена моего прапрадедушки Михаила Павловича Кормильцева,

Заслуженного врача РСФСР, героя Великой Отечественной войны.

Мы живём в мирное время, но знаем, что раньше была Великая Отечественная война. В этой войне участвовали наши прадедушки и прабабушки. Благодаря их героизму и отваге мы можем спокойно жить, учиться, встречать рассветы и провожать закаты. Они завоевали победу ценой собственной жизни.

Когда я родился, моего прапрадеда уже не было в живых, но я много раз слышал историю и от моего прадедушки, и от дедушки, и от мамы, каким он был героем. Родился прапрадед 23 января 1899 года в небольшой заводской семье, в городе Первоуральске. До войны он работал в старой деревянной больнице, что стояла на пригорке на углу улиц Орджоникидзе и Красных партизан. Здесь он прошёл путь от терапевта до главного врача поликлиники. 22 июня 1941 года «прокричали репродукторы войну». И уже на следующий день Михаил Павлович Кормильцев был на пути на Западный фронт. Ему присвоили звание военврача II ранга. С 26 июня 1941 года по январь 1943 года он был начальником терапевтического отделения Полевого Подвижного госпиталя №30. География

его ратного пути весьма обширна: Калининский, Степной, 2-й Украинский. В составе действующей армии он прошёл по Румынии, Венгрии, Чехословакии и в 1945 году направлен на Забайкальский фронт. Боевые действия на востоке закончились быстро. Настал день демобилизации, и М. П. Кормильцев вернулся в родной Первоуральск. Практически полвека своей жизни он посвятил нелёгкому труду врача. Его называли «Первый врач родом из Шайтанки». В день демобилизации маршал СССР Р. Я. Малиновский предлагал М. Кормильцеву работу в Кремлевской больнице, но он категорически отказался и вернулся в родной Первоуральск.

Он напряженно работал по 20 часов в сутки, не ослабляя своего внимания к больным как на фронте, так и в мирное время. Он был чуток и внимателен к раненым бойцам, всегда правильно диагностировал, всесторонне исследовал каждого больного, чётко и исчерпывающе оформлял истории болезни. В результате его работы высокий процент больных возвращался обратно в часть. Его характеризовали как весьма дисциплинированного и аккуратного при выполнении порученных заданий врача, его уважали за то, что в любую погоду, в любой час дня и ночи он оказывал помощь больному на дому или принимал больных в

санчасти. Никогда и никто от него не уходил, не получив должного совета или помощи. Вот такой мой прапрадед!

В 1954 году М. П. Кормильцеву было присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР». У него было много наград, среди них ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны, орден «Знак Почёта».

Когда 9 марта 1974 г. Михаил Павлович скончался, его хоронили с воинскими почестями. Это был прекрасный, душевный человек, о котором с большим уважением отзывались все жители и больные.

Я горжусь, что мой прапрадедушка внёс свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Я буду помнить о нем и обязательно расскажу своим одноклассникам, а когда-нибудь и своим детям.

Я горжусь, что наша семья бережно хранит память предков. Хранить семейные реликвии – это замечательная традиция, которая есть и в моей семье.

Соблюдение таких традиций полезно с воспитательной точки зрения: мы, подрастающее поколение, привыкаем к тому, что нужно уважать старших, проявлять к ним повышенное внимание и заботу.

Я считаю, что такие семейные реликвии помогают нам больше узнавать о героическом прошлом наших прапрадедушек, которые победили в Великой Отечественной войне, страшной войне. Они нужны нам, чтобы не допустить новой войны и сохранить мир на земле, чтобы дети кричали: «Ура!», когда палят пушки и в небе сверкает салют Победы!

Спасибо вам за наше огромное, счастливое, мирное детство!

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ. Кормильцев Михаил Павлович родился 21 января 1899 года в городе Первоуральске (бывший Шайтанский завод Пермской губернии). С 1908 по 1911 учился в начальной школе. С 1911 по 1913 в Билимбаевском двухклассном училище. С 1913 по август 1915 работал помощником аптекаря в поселковой больнице. С 1915 по 1917 учился на фельдшерских курсах при Московской Голицынской больнице.

Он стал первым дипломированным медицинским работником посёлка Висимо-Шайтанского завода. С апреля 1917 по ноябрь 1918 ра-

ботал фельдшером при больнице Асбестового рудника Алапаевского горного округа. В ноябре мобилизован в Белую армию и зачислен фельдшером в пехотный полк. В августе 1919 перешёл в Красную армию и зачислен фельдшером в санитарную летучку.

С 20 апреля 1920 по 30 августа 1926 года работал фельдшером в Первоуральской больнице. В 1926 году Михаил Павлович был командирован в Пермский университет, который окончил в 1930 году. В 1936 году прошёл курсы по терапии в Казанском институте усовершенствования врачей, а в 1940 году – курс специализации по туберкулёзу при Московском центральном тубинституте. В 30-х годах возглавил первую школу медицинских сестёр в Первоуральске. В 1941–1943 годах служил в должности начальника терапевтического отделения передвижного полевого госпиталя №30, в звании

военврача II ранга, а затем — начальником терапевтического отделения ТППГ №2619. С 1943–1945 он врач-терапевт санчасти штаба 24 фронта. С июля 1945 по 1946 — врач-терапевт при штабе Забайкальско-Амурского военного округа, майор медицинской службы. С 1946 по 1962 — заведующий терапевтическим отделением Первоуральской городской больницы, затем он возглавил горбольницу и одновременно выполнял обязанности директора городской школы медсестёр. С 1925–1926 — член ревизионной комиссии Первоуральского райисполкома. В 1926–1927гг. — член Первоуральского поселкового совета. С 1947 год в течение 15 лет был депутатом Первоуральского Совета депутатов трудящихся. В апреле 1954 года присвоено звание Заслуженного врача РСФСР. Награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны и орденом Знак Почёта. В 1970 году занесён в Кни-

гу почёта медсанчасти Старотрубного завода. Кормильцев Михаил Павлович умер 9 марта 1974 года.

Иван Зуев, школа 10

В нашей семье есть герой Великой Отечественной войны. Это мой прадед Иосиф Дорофеевич Костырев. Родился он в крестьянской семье, трудился с раннего детства: пахал землю, пас скот, работал на огороде. В 1941 году был призван в ряды Красной Армии. Участвовал в боевых сражениях под командованием генерала Рокоссовского, принимал участие в обороне Сталинграда, освобождал Белоруссию, Польшу, Варшаву, Москву от немецких захватчиков. Победу встретил в Восточной Пруссии в городе Кенигсберге.

Награждён боевым орденом Красной Звезды, медалями. Вернулся домой и прожил долгую жизнь. Я горжусь своим прадедом! Меня называли Дорофеем в честь его отца.

*Дорофей Костырев,
1 класс, школа №28*

О Великой Отечественной войне мы узнаём из книг, из фильмов, из рассказов старших. Мы понимаем: мирное небо над нашей головой — это счастье, завоёванное людьми, уже ставшими очень старенькими прадедушками и прабабушками.

Наш прадедущка Алёша теперь тоже только ПАМЯТЬ. В нашей семье помнят и гордятся его участием в войне. Из поколения в поколение передаются документы, фотокарточки, награды и рассказы о нём.

Прадедущка, Алексей Павлович Коротченко, родился 8 мая 1924 года. Когда началась война, он был ещё совсем молодым. В 1942 году, после окончания пехотного училища, был направлен на фронт помощником командира взвода. Он был разведчиком и выполнял различные боевые задания. Во время боевых действий он был дважды ранен...

После выздоровления был направлен в Саратовское военное училище. Окончив его, получил звание младшего лейтенанта и прослужил командиром взвода до окончания войны. После окончания Великой Отечественной войны он вернулся в звании старшего лейтенанта командиром взвода.

В мирное время пуля, которую не смогли удалить из ноги, стала перемещаться по телу и её пришлось удалить, после чего наш прадедущка стал инвалидом Великой Отечественной войны.

Все эти данные мы прочитали в автобиографии прадедущки, которая до сих пор сохранилась и тоже является семейной реликвией.

Из рассказов нашей бабушки, его дочери, мы знаем, что самым главным праздником для него был День Победы.

Умер прадедущка 23 февраля (в военный праздник) 2000 года, прожив 75 лет и оставив о себе добрую память.

Для нас прадедущка является примером мужества и героизма. Мы гордимся тем, что у нас был такой прадедущка: разведчик, участник Великой Отечественной войны! Светлая ему память!

В память о его военных годах сохранились документы, фотографии, награды, которые для нас – дорогая семейная реликвия.

*Кирилл и Роман Сусловы,
4 класс, 21 лицей*

Галяутдин Шигабутдинов, мой дедушка, прошёл всю войну, воевал в 94-ом Стрелковом полку 30-й Гвардейской стрелковой Рижской Краснознамённой дивизии в должности стрелка-пулемётчика. Сражался под Ржевом и Ельней, на Псковщине, форсировал Западную Двину. Он принимал участие в Великолукской наступательной операции, в составе Второго Прибалтийского фронта, участвовал в операции по очистке от оккупантов столицы Латвии — Риги, за что его дивизии было присвоено почётное наименование Рижской.

Вплоть до конца войны, до 1945 года, участвовал в боях по разгрому и уничтожению «Курляндского котла» — окружённых остатков немецкой группы армий «Север» в Латвии. За период войны был трижды ранен. В 1945 году по ранению уволен из рядов Красной Армии в запас.

Несмотря на то, что я не застал дедушку при жизни, я горжусь им, чту его память и всегда помню про неоценимый вклад, который он внёс в общую победу над нацизмом. Я считаю, что каждый сегодня живущий участник Великой Отечественной Войны — это то небольшое, что напоминает нам не забывать наше прошлое и помнить все «уроки истории».

*Александр Шигабутдинов,
студент ГАПОУ СО «ПМК»*

У каждой семьи есть своя память о подвигах, которые принесли нам светлое будущее. У каждой семьи своя страница в истории города. И самое интересное, когда две истории переходят одна в другую.

Вот и мои прадеды внесли свой вклад в победу над фашистской Германией и оставили частичку своего труда в облагораживании нашего города.

Павел Ефимович Некрасов, мой прадед, прошёл войну, жестокую и несправедливую. Особо он не говорил о тех страшных годах, только плакал навзрыд, когда показывали фильм «Судьба человека»...

После смерти прадеда, казалось бы, пропали с ним все ниточки. Но моя сестра нашла его концлагерные документы. В них написано многое, чего мы не знали. Прадед до войны был политруком (это мы узнали из его пенсионного дела), поэтому на войну попал в первые дни. Командовал батареей противотанковой оборонной 21 армии в звании младший лейтенант. А 17 июля 1941 под городом Жлобин во время боя был контужен и взят в плен в лагерь шталаг VI С, Батхорн. Лагерь находился в Германии, Нижняя Саксония, Хоогстед – Батхорн.

Прадед был очень сильным человеком: не сломался за время плена. 14 сентября 1943 отказался от работы и его на 7 дней арестовали. 14 июля 1944 года совершил побег, но 17 июля 1944 года попал в гестапо. Но он не сдался и снова совершил побег из гестапо 10 августа 1944 года. И не был пойман! Успешно добрался до линии фронта. А в родной стране навесили ярлык «предатель» за то, что был в плену. Так мой прадед оказался в ГУЛАГе, откуда в декабре 1945 года был отправлен на родину.

1946 году переехал в г.Первоуральск. Устроился маляром в трест УТТС. Позже стал бригадиром маляров. Большой вклад внёс прадед в историю города. По необыкновенному стечению обстоятельств Павел Ефимович помогал строить мою школу №6, в которой я учусь и которую в 2020 году закончила моя старшая сестра Лидия. В архивах осталась фотография, где он, как главнокомандующий, раздаёт задания рабочим. Все рабочие, с которыми когда-то прадед красил дома, не только отзываются о нём положительно и говорят: если бы не он, то наш город не был бы таким аккуратным и красивым. Прошли годы, дела рук мастера уже в прошлом. Самое главное, что у нас остались его фотографии, медали, документы. И нашли небольшую часть документов концлагерного време-

ни прадеда. Всё это я буду хранить и передавать своим детям, ведь это память о нашем маленьком большом герое.

Борис Павлович Мерзляков — ещё один мой папед. Война ему тоже далась нелегко. В январе 1942 был создан отряд добровольцев, в него и был зачислен мой прадедусшка. Выучился на связиста. С 1942 года служил в запасном стрелковом полку, потом воевал на Первом Украинском фронте телефонистом кабельных линий связи. В бою 3 сентября 1943 года в районе деревни Заулье в момент напряжённого боя пять раз выходил на линию связи, исправлял её и этим обеспечил бесперебойный огонь дивизиона по врагу. В результате отважных действий дивизиона была отбита контратака врага. Мой прадед получил медаль «За отвагу». В конце 1944 года был ранен в ногу.

В начале 1945 года, был контужен и лежал в эвакогоспитале. После лечения отправился служить в Калининград. На службе у него были разногласия с одним из полковников. За это дед был приговорён к высшей мере наказания, которую заменили впоследствии пятнадцатью годами тюрьмы. А в 1953 году его реабилитировали, возвратили все награды. Но дед от них отказался!

В послевоенное время дед Борис устроился работать в колхоз «Заветы Ильича», занимал-

ся разными сельскохозяйственными работами: кормил советский народ. После он продолжил трудовую деятельность в Билимбаевском лесхозе в должности лесника Кузинского лесничества. Жил в деревне Старые Трёки. Дед Борис выполнял самую главную работу: охранял леса, следил, чтобы люди не вырубали незаконно лес. Ещё он высаживал сосновые саженцы. «Его лес» можно наблюдать у Слободы. Восстановление леса дед Борис считал самым главным делом жизни. В военное время его судьба сильно помотала, а в мирное время он старался найти спокойствие в лесах.

У него была лошадь, и каждое утро он объезжал свои владения в деревне Старые Трёки и докладывал старшему леснику. А если случалось что-то плохое, то немедленно реагировал и старался исправить. Лес — это был второй необъятный дом для деда Бориса, он его считал детищем, ухаживал за ним, следил. На пенсию он ушёл в 1985 году, но всё ещё помогал молодому поколению ухаживать за лесом. Ведь лес — это главный источник жизни человека.

Когда рождались его внуки, он высаживал кедры на участке у своего дома. У каждого внука есть свой кедр, есть и у моей мамы. Кедр вырос и стал намного выше мамы. Все, кто приезжают в дерев-

ню, восхищаются их красотой. Пройти мимо и не увидеть эту красоту невозможно.

Я считаю, что очень важно знать историю своей семьи, хранить как память о прошлом фотографии, медали, книги. Это и есть семейные реликвии, которые бесценны. Ведь издавна повелось так, что каждое поколение обязано было знать свою родословную. Как правило, родители передают по наследству не только знания, но и самые дорогие вещи, имеющие значение для той или иной фамилии. Необязательно почитаемая вещь, переданная детям, представляет высокую материальную ценность. В большинстве случаев она имеет исторический или религиозный характер. Всё зависит от того, с каким жизненным событием в прошлом она связана.

*Леонид Глушков,
4 «Б» МАОУ СОШ №6*

Расскажу о прапрадедушке и о прапрабабушке Ашихминых, которых я, к сожалению, никогда не видел, но мама частенько вспоминает их, так как несколько лет жила с ними в Челябинской области. Мама с теплотой отзывается о них, но поскольку она была маленькая, то об их участии в военных действиях она ничего не знает. Она помнит только, что дедушку иногда приглашали в школу на встречи с учениками, помнит, как вместе с дедом ходила 9 Мая на городское праздничное мероприятие, где дед возлагал венок к памятнику погибшим жителям Коркино, как она пугалась, когда раздавались оружейные залпы в память о погибших.

В этом году мы решили, что постараемся больше узнать о прапрадедушке Ашихмине Василии Ивановиче и прапрабабушке Ашихминой Александре Никифоровне. Кстати, маму называли Александрой в честь её прабабушки.

Мы встретились с прадедушкой, Виктором Васильевичем Ашихминым, и с прабабушкой, Валентиной Федоровной Ашихминой. Они совсем мало могли рассказать о наших героях, так как жили далеко от родителей, и встреч и воспоминаний о военной поре было очень мало. Дедушка Витя сказал нам, что его мать (Александра Никифоровна)

на фронте была шофёром и «таскала зенитки», а бабушка Валя вспомнила, что мой прапрадед (Василий Иванович) был в концлагере. Двоюродный дедушка мамы – Сергей Васильевич, который живёт в Челябинской области, рассказал маме, что его отец, Василий Иванович, успел и повоевать и даже был в концлагере Маутхаузен, а его мать, Александра Никифоровна, воевала на Ленинградском фронте.

Мы просмотрели сохранившиеся в домашнем архиве немногочисленные документы: фотографии, удостоверения к наградам, красноармейскую книжку Александры Никифоровны Ашихминой, и узнали, что девичья фамилия прапрабабушки — Сидоренко. Она родилась 10.05.1918 в Кургане. Прабабушка была призвана на фронт Юргамышским РВК в мае 1942 года. 26 июня 1942 года она приняла присягу, воевала в 424 отдельном зенитном артиллерийском дивизионе МК, в парковом взводе. Из сохранившейся красноармейской книжки узнали, что она участвовала в боях Западного фронта.

Александра Никифоровна демобилизовалась в звании «ефрейтор».

Прапрадед Василий Иванович родился 29 февраля 1919 года в Чебаркульском районе Челябин-

ской области, с. Варламово. Он награждён практически всеми юбилейными медалями, которыми награждали участников Великой Отечественной войны, а также медалью Жукова (1996 г.). В 1967 году награждён юбилейной медалью «50 лет Вооружённых сил СССР».

В 1985 году Василий Иванович и Александра Никифоровна награждены орденом Отечественной войны II «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

Наши герои не только хорошо воевали, но и ответственно работали после войны. Василий Иванович работал шофёром АДС трест «Коркиномежрайгаз», имел удостоверение к знаку «Ударник коммунистического труда», «Ударник девятой пятилетки», «Победитель социалистического соревнования 1974 г.»

СУВОРОВ
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ
Разведчик
94 гвардейского стрелкового полка
30 гвардейской стрелковой дивизии

В семейном архиве дедушки Вити и бабушки Вали сохранилась одна уникальная фотография. Прапрадедущка и прапрабабушка сфотографировались летом 1944 года. Надпись на обороте фотографии: «Для памяти родным 20 августа, в день авиации 1944 г. Фотографировались утром. В свободное время возьмите и вспомните как жили в РККА в дни Великой Отечественной войны. Вася и я, Петя и Люба. 23 /XI- 44». Учитывая, что надпись делала женщина, логично допустить, что писала прапрабабушка — Александра Никифоровна. Не исключаем, что прапрадед и прапрабабушка служили в одной части, но в разных подразделениях, т.к. в её красноармейской книжке написано, что её армейская специальность — шофёр, а мы знаем, что прапрадед после войны тоже работал шофёром. Красноармейской книжки прапрадеда в семейном архиве дедушки Вити и бабушки Вали нет.

Бабушка имела образование 7 классов. До войны работала кассиром, а после войны она трудилась ИТР в «Калачевуголь», от этой организации была делегатом VII Коркинской городской партийной конференции с правом решающего голоса.

Служили в армии оба их сына: Сергей – в пограничных войсках, Виктор – в войсках МЧС. После срочной службы Виктор Васильевич служил сверхсрочно. Уволился в звании прапорщика.

Внучка, Татьяна Сергеевна, на службе в ФСБ, а внучка Ольга Викторовна и правнучка Юлия – рядовые в запасе. Служим Отечеству!!!

*Евгений Демин,
5 кл., №9»*

Мой прадедушка Павел Александрович Репин родился 28 декабря 1921 года. До войны учился в фабрично-заводском училище в Первоуральске.

Павел Александрович Репин был призван в армию в августе 1941 года, ушёл на войну в 19 лет. Уже в сентябре принял присягу. Попал рядовым в пехоту, в 30-ю стрелковую дивизию. Ему выдали обмундирование: белый маскировочный халат — и отправили под Москву держать оборону столицы СССР. Фронтовая биография солдата началась с Волоколамского направления.

Битва под Москвой продлилась с 30 сентября 1941 по 20 апреля 1942 года. Одна из самых масштабных в Великой Отечественной войне. Именно здесь, на подступах к Москве, немецкая армия впервые потерпела серьёзное поражение. В общей сложности в битве участвовали более 7 миллионов человек.

Павел Репин рассказывал: «После первых боёв от нашей роты осталось немного. Сам я выбыл из строя в свой день ангела». Он был ранен 28 декабря 1941 года. О том, что немцы отброшены от стен Москвы, узнал в уже госпитале.

«Я на самом фронте, пожалуй, много-то не был. Недели две-три провоевал, ранение, госпиталь. И всё сначала. Подсчитал, что на больничной койке провел девять месяцев. До сих пор осколки в теле...» — вспоминал он.

За время войны Павлу пришлось послужить наводчиком пулемета, автоматчиком в 9-й армии, телефонистом в противотанковой артиллерии в составе 170 артиллерийской бригады. Был ранен три раза в 1941, 1943 и 1944 годах. Участвовал в боях под Старой Руссой, под Мелитополем, в Крыму возле Турецкого вала, в Венгрии.

Из воспоминаний Павла Александровича: «Расскажу эпизод, который произошёл за несколько месяцев до конца войны. Служил в пехоте. Однажды шёл в колонне, на ногах натёрлись мозоли. Остановился, чтобы перевязать ногу, и отстал от своей части. По пути догнала противотанковая пушка — дальнобойное орудие. Экипаж предложил подвезти меня, а потом и вовсе остаться у них. Таким образом, я в последние месяцы во-

йны служил в артиллерии. Артиллеристы давали несколько выстрелов по целям, быстро снимались и переезжали на другое место, чтобы не попасть под ответный огонь неприятеля».

Павел Александрович закончил свой боевой путь в Австрии, под Веной.

«Закончилась для меня война в Австрии. Вернулся, спрашиваю у мамы: «Как так, рядом со мной убивало людей, а я живой остаюсь?» Война продолжала сниться долго, что летят самолеты, бомбят... Однажды ехали с отцом, а на Динасе взрывают. Я вздрогнул и стал глазами искать, где стреляют. До сих пор пережитое на войне не отпускает, — рассказывал Павел близким.

В 1951 году Павел Александрович окончил Новосибирский индустриальный техникум, освоив специальность техник-технолог. Работал в училище преподавателем технологии обработки металла, а также слесарем по ремонту металлургического оборудования на Старотрубном заводе.

Вместе с семьей он держал хозяйство в Шайтанке. Построил дом при помощи тестя — дедушки Степана, который тоже прошёл всю Великую Отечественную войну будучи водителем. Зимой любил кататься на лыжах с горы Парашютной.

С 16 лет увлекался пчеловодством, до конца жизни на участке держал улья.

Мой прапрадед, Павел Александрович Репин, умер 15 апреля 2005 года в возрасте 83 лет.

*Мария Цалер,
ученица 3«В» класса МАОУ «СОШ № 2»*

Мои прадедущка и прабабушка Доронины Михаил Иванович и Анастасия Ивановна.

Нелегкое было детство у моего прадедущки Михаила Ивановича Доронина. Он родился 8 ноября 1918 года в деревне Курачево Болтачевского района Башкирской АССР.

Прадедущка Миша рано остался без отца и

без матери, поэтому уже с четырнадцати лет начал работать. Позднее закончил курсы трактористов. В 1939 году был призван на срочную службу в армию. А когда в 1941 году началась Великая Отечественная война, он сразу ушёл на фронт. Служил Михаил Иванович механиком-водителем танка Т-34. С первых дней мой прадедушка-танкист был на передовой, гнал фашистов от Москвы.

Он участвовал в боях за Сталинград, Курск. За проявленный героизм и отвагу в трёх боях под Курском 16 января 1942 года награждён орденом «Красное знамя», 4 января 1942 — за село Димитровка, 6 января 1942 — за хутор (?) Калинов, 15 января 1942 — за село Выползово. В ходе тех боёв мой прадед уничтожил несколько десятков солдат и офицеров пехоты, 3 боевые автомашины, одно самоходное орудие противника. Он прекрасно вёл свою машину от укрытия к укрытию, под огнём противника устранил

неисправность стартера, корректировал огонь командира танка. (Приложение №1 наградной лист от 16.01.1942, Приложение №2 приказ от 13.02.1942 №28/Н).

В одном из боёв мой прадедущка был ранен, потерял правый глаз. После длительного лечения снова вернулся на фронт, служил на складе ГСМ. После окончания войны с фашистской Германией участвовал в советско-японской войне на территории Манчжурии. Домой Михаил Иванович вернулся только в 1946 году. Мой прадедущка награждён ещё несколькими медалями.

Много лет прадед Миша работал плотником на Первоуральском заводе по ремонту горного оборудования. С прабабушкой они воспитали шестерых детей.

Наш прадедущка всегда и во всём для нас будет примером честности, справедливости и мужества.

А это моя прабабушка — Доронина Анастасия Игнатьевна. Она, как и прадед, тоже ро-

дилась в деревне Курачево-Болтачевского района Башкирской АССР, но 11 апреля 1914 года. Во время Великой Отечественной войны работала в колхозе. Они на полях косили и собирали вручную зерно, муку отправляли на фронт. Для фронта выращивали, собирали, резали и сушили картофель, свёклу, морковь, вязали для солдат носки и варежки. Вместе с другими женщинами она участвовала в заготовке леса, который отправляли в город для отопления заводов.

Я не застал в живых моих героических прадедушку и прабабушку. Мне о них рассказали мама с бабушкой. Благодаря таким людям, как мои прадедушка и прабабушка, мы победили в той страшной Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

*Макар Жуков,
ученик 4-Б класса, МАОУ СОШ №6*

*Не для женщин страшная война,
Что приносит горести и беды,
Но на ней без женщин никуда
И без них бы не было победы!*

Т. Якубинская

Была вчера в библиотеке. Оказывается, там есть альбом об истории нашего села. Нашла в нём информацию о женщинах, которые воевали. Меня больше всего заинтересовало повествование о Кутузовой Марии Михайловне.

Мария Михайловна, так её называли все жители села. Но настоящее её имя было Магира, Кутузова Магира Михайловна. Что же я узнала о ней?

В нашем селе она жила с 1939 года. Работала фельдшером. Когда началась Великая Отечественная война, по призыву 19 июля 1941 года Мария Михайловна ушла на фронт.

Большой эшелон медиков: санитары, фельдшеры, врачи, медсестры — отправили во Владивосток на подготовку. Служба проходила в Военно-морском госпитале. Днём проходили тактические занятия: неделями, месяцами обучали боевым действиям, спасению раненых. Одиннадцать месяцев шла подготовка.

На фронт эта бесстрашная женщина попала уже в 1942 году в город Гжатск (под Москвой). Кутузова Магира Михайловна воевала в звании старшего лейтенанта медицинской службы.

Эта отважная женщина участвовала в прорыве блокады Ленинграда, участвовала в освобождении Белоруссии. Никогда не забыть ей этой выжженной дотла многострадальной земли. На каждом шагу — концлагеря, выжженные деревни, поля, леса. Но жизнь продолжалась. Попав в Белоруссии в партизанский отряд, она лечила раненых, принимала роды у партизанок.

Далее освобождала Польшу. Оказывала медицинскую помощь не только своим бойцам, но и многим полякам.

Воевала она и в Кенигсберге, получила медаль «За взятие Кенигсберга». Вот её воспоминания об этих боях: « Кенигсберг называли «каменным мешком». Это был последний, прекрасно укреплённый оплот Гитлера: крепости, укреплённые порты, целые заводы под землей. Много раз бросались на стены древнего города советские солдаты, всё новые и новые силы шли на штурм. День и ночь стояли наши врачи и сестры за операционными столами. Чуть подлечатся солдаты — и снова в бой. Разве могли они утерпеть, когда до Берлина- рукой подать, когда Победа близка. Но враг

был жесток и не щадил ради собственного спасения даже жизни своих сограждан.

И вот долгожданная Победа. Только в 1946 году, дождавшись демобилизации, вернулась она в родное село. Стала работать здесь фельдшером-акушером. Почти все жители нашего села, родившиеся с 1946 года прошли через руки этой отважной и трудолюбивой женщины. И днём, и ночью в любую погоду шла она на вызовы, потому что чужая боль стала её болью: она прошла войну, тысячи раз спасала людей, и теперь спасение жизней человеческих стало для неё не только долгом медика, но и долгом её совести, мерилom человечности, доброты по самому высокому счёту.

Страна высоко оценила заслуги Кутузовой Марии Михайловны. В 1944 году была награждена Орденом Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги». Уже в мирное время удостоена медалями «За трудовое отличие», «60 лет Вооружённых сил СССР», а в 1966 году её наградили орденом Ленина.

Обратила я внимание на воспоминание одного из жителей села об этом прекрасном человеке. Вот оно: *«Кто из нас не знает этого чуткого, добрейшего человека! Скольким она облегчила страдания, а может, и спасла жизни, скольким помогла появиться на свет и вырасти здоровы-*

ми и сильными. И ничего не требовала взамен, достаточно было того, что скажут простое «спасибо». Склоните низко голову перед человечностью, добротой, мужеством этой хрупкой женщины, остающейся даже в старческие годы весёлой, бодрой, энергичной. Загляните ей в глаза: сколько в них затаённой печали, скорби, тревоги за нас, сегодняшних, молодых, не видевших войны, сколько в них света, тепла, жизни! Жизни, без остатка отданной людям».

15 мая.

Жизнь этой женщины заставила задуматься над многими вопросами. Как даётся человеку счастье? Как в тяжёлые годы бедствий и несчастий не растерять доброты и чуткости, самоотверженности и силы воли? Как сегодня нам, молодым, воспитать в себе эти качества? Как прожить жизнь со смыслом, чтобы приносить добро всем, кто тебя окружает. Ведь всё хорошее не проходит даром, а остаётся в людях добрыми делами.

От них, таких людей как Кутузова Мария Михайловна, умудрённых опытом жизнью, черпать нам силы.

Татьяна Щербакова,
7 класс, МАОУ СОШ №16,
ГО Первоуральск, село Новоалексеевское

СУДЬБА, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ

*Чем дальше мы уходим от войны
И нас с тобою тишина объемлет,
Тем всё сильнее и явственней слышны
Её раскаты, вздыбившие землю.
Чем дальше мы уходим от войны
И чётче обнажаются вершины,
Чем полновочувственней голос тишины,
Тем всё понятней, что мы совершили.*

В. Сидоров, 1975

В «Книге Памяти», выпущенной в г. Первоуральске, на странице 129 есть запись: «ДЕСЯТОВ ГЕРМАН ПЕТРОВИЧ, мл. лейтенант, 1916 г.р., призван в 1941 году, пропал без вести 31 мая 1942 года».

Нам стало известно, что этот человек выжил, вернулся домой после войны. В последние годы жизни Герман Петрович жил в городе Верхняя Пышма. В 2005 году он встретил 60-летие Великой Победы, а 6 июня, буквально через месяц после этой великой даты, его не стало. Заинтересовавшись судьбой Германа Петровича, мы (с помощью наших педагогов) обратились за информацией в Государственный архив административных орга-

нов Свердловской области. В ответ на наш запрос поступила архивная справка с информацией.

Его дети — сын Владимир Германович, дочери: Любовь Германовна и Ирина Германовна, поделились воспоминаниями о своём отце, показали нам фото с изображением этого человека, его друзей и близких родственников. Как же сложилась жизнь этого человека, лётчика времён Великой Отечественной войны?

Родился Герман Петрович в городе Свердловске 25 мая 1916 года. Родители этого человека служили в Вознесенской церкви. Там и крестили маленького Германа. Но вскоре семья переезжает в Первоуральск. Детство прошло в нашем городе. С подросткового возраста стали интересоваться этого любознательного мальчика самолёты.

В юности он закончил Высшую сельскохозяйственную школу в Свердловске, но любовь к самолётам не исчезла, и он поступает учиться в ОСОА-ВИАХИМ города Свердловска. Потом заканчивает Саратовское авиационное училище в звании младшего лейтенанта. Был призван в Красную Армию.

Во время одного из боевых заданий он был сбит, но остался жив. Ему удалось добраться до линии фронта. После лечения он вновь оказался в строю.

12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта начали наступление на Харьков. Наступление под-

держивало 67 штурмовиков Ил-2 Юго-Западного фронта... Общее число боевых машин различного типа, работавших в полосе наступления войск Красной Армии на юго-западном направлении, составляло 423 самолета Юго-Западного фронта и 233 боевые машины Южного фронта. Лётчиком одного из «Илов» был Г. П. Десятов

В мае 1942 года лётчик-штурмовик Десятов Герман Петрович не вернулся с боевого задания. Родственники получили извещение, что он пропал без вести.

После того как был сбит его самолёт (по данным архивной справки, это случилось 28 мая 1942 года над деревней Большая Бабка) Герман Петрович принимает решение вновь продвигаться к линии фронта. Сил не было, он не мог идти. Долгое время полз. Силы уходили, и он потерял сознание. Очнулся он от того, что почувствовал у своего виска дуло пистолета. Когда он открыл глаза, то увидел вокруг себя немцев с собаками. Они приняли его за партизана. После того как немецкий офицер понял, что перед ним русский офицер, лётчик, Германа Петровича отправляют в плен. Это случилось 2 июня 1942 года в районе деревни Середа, Харьковской области. Находился в лагерях для военнопленных в г. Николаеве, Владимире-Волынске, в Ченхстохов, Нюрнберге, Грейсвальде (остров Узедом). Был задействован на земляных

и сельскохозяйственных работах. Номер военнопленного в лагере — 21039-11а.

Самые тяжёлые воспоминания остались в памяти Германа Петровича о концлагере «Узедом». Данный концлагерь находился на острове в Балтийском море, который назывался также — Узедом. Площадь острова 445 км² (Германия — 373 км² и Польша — 72 км²). Концлагерь располагался в западной части острова Узедом, близ секретного военно-ракетного полигона Пеннемюнде, где разместились секретные лаборатории по разработке ракет, заводы по их производству и аэродром. Поэтому узники данного концлагеря большей частью использовались для производства сверхсекретных крылатых ракет...

Герман Петрович был освобождён из концлагеря американскими войсками 17 апреля 1945 года. Также согласно справке, выданной архивом, прошёл проверку в 1 Г.З.С.Д. Невель. После проверки вернулся в Первоуральск, где жила его мать. Работал на Первоуральском титаномagnetитовом руднике мастером. Очень часто приезжал в гости в село Новоалексеевское, где познакомился с молоденькой учительницей Ниной Николаевной Мехрюковой. Молодые полюбили друг друга и вскоре поженились. Какое-то время они жили в селе Новоалексеевское, затем семья переезжает в Свердловск. Герман Петрович устраивается на ра-

боту на фабрику «Уралобувь» токарем. И на трудовом фронте Герман Петрович всегда добросовестно относился к своим обязанностям. В последние годы жил в Верхней Пышме. Герман Петрович был прекрасным человеком, добрым, отзывчивым. Очень любил свою семью: жену, детей, внуков.

В процессе нашей исследовательской и поисковой деятельности мы познакомились с жизнью этого замечательного человека, нашего земляка. Его жизнь заставила нас задуматься над многими вопросами. Как даётся человеческое счастье? Как в годину бедствий и тревог не растерять доброты и чуткости, самоотверженности и силы воли? Как сегодня, в мирное время, воспитывать в себе эти человеческие качества, не распыляясь на мелочность, пошлость, жестокость? Как прожить жизнь не впустую, а с целью, со смыслом, зная, что ни одна минута твоего бытия не проходит даром, а остаётся в людях добрыми делами?

Ответ: на жизненных примерах таких, как Герман Петрович Десятов, умудрённых опытом и жизнью наших дедов. От них черпать нам мудрость, жизнелюбие, силы, патриотизм.

*Анастасия Щербакова,
Надежда Коробова,
7 класс, МАОУ СОШ №16,
ГО Первоуральск, село Новоалексеевское*

БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ БУДУЩЕГО

Великий российский учёный Михаил Ломоносов в своём научном труде об истории славян сказал, что «...Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего». «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего» — утверждал историк В. О. Ключевский. Люди, забывшие своё прошлое, не имеют права на будущее. (Платон). «Народ без памяти о прошлом обречён на исчезновение» — кому принадлежат эти слова доподлинно неизвестно, но они хлёстки и правдивы.

Реализуя проект «Никто не забыт, ничто не забыто» Благотворительного фонда «Доброе дело» и работая над книгой, убедились, что не всё потеряно: школьники с помощью родителей и педагогов пишут истории о своих родных, участниках Великой Отечественной войны, а люди среднего возраста по крупицам ведут поиск родственников, свидетелей исторических событий. Как, например, это делает Александр Худяхов. И всё это греет, даёт надежду на будущее. Прав был первоуральский поэт Михаил Стулин, написавший стихотворение «Ни будни, ни события...»

У Победы наши лица

Ни будни, ни события, ни годы
Из памяти народной не сотрут
Ваш героический неповторимый подвиг,
Ваш доблестный солдатский ратный труд,
Вам, освятившим собственною кровью,
Чсть и свободу всей родной земли,
Россия благодарная с любовью
Сегодня Вам «Спасибо!» говорит.

*Вручение боевого знамени 3-й Гвардейской
дивизии новотрубникам. 1943 г.*

МНЕ ИНТЕРЕСНО, КАКОЙ ВКЛАД В ИСТОРИЮ ВНЕСЛИ МОИ РОДСТВЕННИКИ...

Для встречи Александр Худяков выкраивает время рано утром в свой выходной. Он рассказывает ярко, образно, помнит наизусть большой объём информации не только о своих родных, но и хорошо знает историографию Великой Отечественной войны. Оперирует фамилиями исследователей, отлично помнит содержание написанной ими книги.

Александр – яркий пример человека, который понимает, что без знания прошлого у нас нет будущего. В течение многих лет буквально по крупицам он собирает информацию об участии в Великой Отечественной войне своих дедов и прадедов. Несмотря на долгие ответы из архивов, не отчаивается. Разыскивает родственников, пишет новые запросы, обращаясь в разные инстанции не только лично, но и от имени Благотворительного фонда «Доброе дело», где его жена Наталья работает бухгалтером.

В поиске информации, как на войне, все средства хороши. А упорство и знания помогают достигнуть результата.

— Александр, как вообще пришло в голову искать информацию о дедах?

— Мне изначально была интересна история Великой Отечественной войны. Хотелось понять, что там в действительности происходило. Я нашёл книги хороших историков, которые этим занимаются в правильном русле. Есть, оказывается, очень кру-

тые историки, и их довольно много.

Мне с детства было интересно читать об этом, потому что в моей семье воевал отец мамы. Он выжил, хотя был тяжело ранен. И воевал его старший брат. Он погиб. И ещё я нашёл другого родственника, дальнего.

Я никогда не думал, что можно запрос подать. Но раньше и нельзя было. Это недавно появилось, что из архива тебе могут прислать данные, выписку с информацией. И то сложности с этим есть, потому что создаётся впечатление, что архивариусы

не особо хотят делиться информацией. Например, ответ на последний запрос я так ждал! Три месяца! Хотя по закону срок ответа – 30 дней. А в итоге я не узнал ничего нового. Но я точно знаю, что эта информация есть. Буду ещё запрос посылать.

— Расскажите про каждого героя своей семьи, о которых вы нашли информацию.

— Один очень интересный человек оказался. Это дядя моего деда Попов Александр Ильич. Я даже отыскал родственников, съездил к ним, нашёл его фотографию. Дело в том, что он ещё в

*Дедушка и бабушка –
Сторожевы Михаил и
Александра Петровна*

гражданскую воевал. И Великую Отечественную всю прошёл, а ему уже тогда было пятьдесят лет. Потом ещё в Японскую воевал. И всё время он был в конной разведке артиллерии. У него есть награды.

Маминого отца звали Сторожев Михаил Григорьевич, он 1923 года рождения. На фронт ушёл в 1942-м, только точной даты в документах почему-то нет. Воевал подо Ржевом в Сибирском лыжном батальоне. Такие батальоны создавались и, как я узнал, готовились специально довольно неплохо для того времени. Их готовили для диверсионной работы.

И ещё я ищу, но навряд ли это найдётся, при каких обстоятельствах он получил ранение. Он был ранен 10 августа 1943 года. Отсечена левая стопа осколком мины. И всё, после этого он уже вернулся домой, комиссовали его. Он провоевал девять

месяцев. И про награды информацию я ищу. Родственники говорили, что у него что-то было. Но в документах ничего нет.

Я читаю материалы, которые оставляют копатели. Большая редкость найти останки бойца, с целой капсулой. Но находят, отыскивают родственников, а им даже не интересно знать ничего о своих предках, о тех, кто воевал.

*Михаил Сторожев
(дед) и Григорий
Иванович Сторожев
(прадед)*

— Как сложилась его дальнейшая судьба?

— Бабушка моя была красавица, так рассказывали. И когда он вернулся, ей все говорили, мол, зачем ты за инвалида замуж выходишь? Зачем он тебе нужен? А у них восемь детей родилось. Дед всю жизнь проработал кузнецом. Его брат, кстати, тоже. И отец их кузнецом был. Дед работал очень много, никогда не ленился. В деревне, где они тогда жили, до сих пор стоит большой деревянный

*Иосиф Сторожев
(брат деда)
на фото справа*

дом, который он построил своими руками.

Кстати, интересно, как он дом построил. Дед нашёл клад. Там раньше деревня была — Гробово. Сейчас это село Первомайское, Нижнесергинский район. Там стоял дом полуразвалившийся. И ходили слухи, что там есть клад. Дед пошёл туда, в подполе рылся, рылся и нашёл. Это помнит мамина старшая сестра,

моя тетя. Он потом ездил в город и потихоньку всё продавал. И всю жизнь они жили — по тогдашним меркам — богаче многих.

Ещё дед умел делать шкафы. Сохранился шкаф его работы, я хочу съездить посмотреть. У нас и у бабушки такой был, потом это всё куда-то делось. Зеркала дед делал. У него был огромный подпол, такого размера, что там можно было работать. Я у бабушки в том доме ещё бывал. Там и картошка хранилась, и для работы было помещение. Дед сам это всё вырыл.

Дед очень сильный был физически. Он лошадей подковывал один: одной рукой держал, другой — ковал. У него был протез, он его сделал сам. Был случай: сломал ногу во время работы. А там от работы, где кузница стояла, до дома примерно километров десять. Я нашёл это место, где кузница была. Так вот дед на протезе со сломанной ногой пришёл каким-то образом домой сам.

— Дед про войну вспоминал?

— Особо он никогда ничего не рассказывал, понемногу только. Говорил, что ходил в разведку. И один случай был: когда его доняли расспросами про войну, он сказал: «Вы не понимаете, что это такое! Я видел, как немцы сжигали детей наших».

Он всю жизнь страдал от последствий войны. Я буквально недавно об этом узнал от тёти. Очень трудно такую информацию из людей вытягивать. Она ещё маленькая была, а деду не больше тридцати лет было. Он приходил с работы, закрывал-

ся одеялом и говорил, что ему тяжело очень, что всё у него болит. Ему же осколком не только ногу отсекло, он весь был изранен. Умер в пятьдесят лет, моей маме тогда было десять.

Однажды, когда мама маленькая была, он взял её и младшего брата, чтобы съездить туда, где он воевал — подо Ржев. И когда они уже стояли на вокзале и были куплены билеты, он резко передумал. Сказал: «Поехали домой!» Потом объяснил: он прикинул, что у них денег на поездку не хватит.

— А у второго брата какая история?

— Его звали Сторожев Иосиф Григорьевич, в документах год рождения то 1908, то 1909. На момент начала войны ему больше тридцати лет было. Он тоже был кузнец. К 1941 году у него уже было шесть детей, а потому дали бронь. Но он сам напросился на фронт.

Его долго не брали, несколько раз ходил в военкомат. И наконец в августе 1941-го призвали. И всю войну — по документам — он был пулеметчик. Первое ранение получил в 525-м полку. Может, слышали: была такая операция «Демянский котел»? Немцы были в этом котле, наши их окружили, но немцы тогда смогли из него выйти. Я прикинул, посмотрел, где находился полк, так вот: он там это ранение получил.

Но это было лёгкое ранение, по касательной задеты мягкие ткани левой стороны груди. После излечения попал в 99-ю дивизию, первый стрелковый полк. Там тоже был пулемётчиком. В Венгрии, в 1944-м, в ноябре получил ещё одно ранение, и там же получил награду. Это было тяжёлое ранение, но мне про это ещё не пришёл ответ. Он вылечился и в январе попал уже в 49-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которой командовал Василий Маргелов. Там он и погиб, в Венгрии. Умер в госпитале от ран. Это уже была агония нем-

цев: устроили прорыв, у наших войск были тяжёлые потери. Иосиф попал в эту мясорубку.

— Место захоронения удалось найти?

— Да. Я могилу чудом нашёл. Это село Будаени, было записано в ар-

хивах. Там есть район, тогда он назывался Пешт-Пилиш-Шольт-Кишкун, сейчас — просто Пешт. Это западнее Будапешта, совсем рядом. Там похоронено четырнадцать человек. Я просто рылся на сайтах и случайно нашёл фотографию. Это не туристический район, там редко бывают. И один русский турист в этот район заехал случайно, увидел могилу русских солдат: там надпись сохранилась. И он её сфотографировал. Могила братская, для всех погибших из того госпиталя, где Иосиф умер. Она одна в том селе. Там ещё есть в описании, что она расположена около женского католического монастыря на территории его кладбища.

— Какие награды у него были?

— Я выяснял обстоятельства боя, в котором был ранен Иосиф. И нашёл информацию, что он был награждён Орденом Красной Звезды. Но вот новый ответ на запрос пришёл, что награду он не получал. Она присвоена, но не была вручена. Может быть, получила вдова, но надо выяснять. У него ещё жива дочь, она живет в Сухом Логу. Я уже два раза ездил к ней и каждый раз узнавал что-то новое. Ещё хочу съездить. У неё я и нашёл фотографии Иосифа. Она сама мне их отдала: у неё детей нет. А куда это всё уйдет? Сказала: «Раз тебе интересно — тебе и отдам!»

— *Александр, с какими трудностями вы столкнулись при поиске всех этих данных?*

— Сейчас очень много информации можно посмотреть на сайте «Память народа». Но в то время от руки писали документы, было очень много ошибок. Были искажены даже фамилии, были просто ошибки орфографические, где-то что-то было написано сокращённо. Я искал один документ, никак не мог найти. И решил проверить всё ещё раз. Написано «Сторонец», а место рождения, призыва, имя жены, даты, прочие данные — всё совпадает. Это Иосиф оказался.

А в некоторых документах написано не Сторожев, а Сторожов. И кажется, что это разные люди,

а потом начинаешь проверять другие данные, и оказывается, что это тот, кто тебе нужен.

Я, кстати, вот так через сайты с информацией вот что нашёл ещё о прадеде, отце Михаила и Иосифа. Я тогда долго искал, перерыл страниц сто. Я знал, что дедов отец — Григорий — был репрессирован, но ненадолго. И получилась интересная история ещё до войны.

В то время был беспредел на местах, это ведь был период становление власти. Приехали люди в форме и по 58-й статье всех людей из деревни. Им, видимо, просто нужны были рабочие, они что-то строили под Барнаулом. А жена прадеда, Полуферья, нашла, куда его увезли! Прадед был неграмотный, а Полуферья — грамотная. И она поехала в Москву, чуть ли не с кем-то из Кремля встретилась, рассказала, что случилось. Мол, как он может быть политическим, если он даже читать не умеет? И ей помогли найти, где Григорий находится, куда его увезли. А пока эта вся канитель длилась, прошло уже лет пять. Дед со старшим братом, Иосифом, поехали туда, куда был сослан прадед, нашли и привезли обратно. А он там уже женился, у него уже были дети. Он и этих детей оставил...

На столе перед нами несколько официальных писем. Ответы на запросы Александра. В них ин-

формация, которую не вспомнить, не найти на сайтах. То, что спрятано в самых далёких архивах, информация из госпиталей в том числе...

— Куда посылали эти запросы?

— Первую выписку из Книги Памяти я нашёл по Иосифу, когда это всё в интернете появилось. Потом стал посылать запросы в архивы, когда стало возможно. Как физическому лицу мне не отвеча-

ли. Тогда послали запрос от фонда «Доброе дело». Это были справки медицинские. Там интересная информация. Этот военно-медицинский архив находится под Санкт-Петербургом. Туда можно дать запрос, они обязательно ответят. Скоро подам ещё запрос по другим датам: что за ранения были? А ещё есть военный архив в Подольске.

На сайте Память народа можно узнать, какая часть, полк, батальон были. Это долго, это займёт очень много времени. А ещё там выложены дневники боевых действий. Их вёл командир каждого подразделения. Там есть карты. И всё это надо листать, внимательно смотреть. Придётся научиться в карто-схемах разбираться.

Самое главное, когда подаёшь запрос: всё, что вы знаете, не стесняясь, в письме писать. Обо всём! Даже какая была жена! Это всё зацепки. Возраст, мать, жена, дети, где жил, откуда призывался.

— А разве где жил и где призывался — не одно и то же?

— Нет. Я искал дядьёв своего отчима. Не мог понять сначала, почему информация не совпадает.

Но потом успел у его мамы спросить. Оказывается, они жили в Мордовской ССР. А потом уехали работать в Иркутск и оттуда призвались. И фамилия у них была очень распространённая. Когда фамилия такая, ещё сложнее искать.

Были такие знаменитые артиллеристы — братья Кулагины. Два брата-близнеца. В Санкт-Петербурге в Музее артиллерии³ их гаубица стоит. Они очень здорово воевали, танков подбили много.

3 Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Артиллерийский музей).

А призывались они из Первоуральска, хотя сами из-под Орла. Они были строители высокого класса, дома строили. Здесь, в Первоуральске, многие дома их руками построены. Братья очень сильно просились на фронт, но их не брали, потому что они хорошие специалисты. Но в итоге всё-таки ушли на фронт...

Редко можно встретить молодого человека, который так горит делом, которым занимается. Выкраивая время на поиски информации в редкие часы отдыха. Докапываясь до сути, методично, медленно, упорно, Александр движется вперёд. Ведь знать своё прошлое — это дань уважения предкам, тем, кто отдал жизнь за то, чтобы могли жить мы. И теперь помнить о них и хранить в памяти их жизнь — наша прямая обязанность. Это самое малое, что мы можем сделать для следующего поколения.

ЭПИЛОГ...

Перевернута последняя страница этой — без преувеличения — уникальной книги. Уникальной потому, что она о тех, кто воевал, кто не вернулся из боя и навсегда остался на поле сражения, кто держал в стране «второй фронт», сутками, практически не отдыхая, ковал будущую победу. Те, кто по уважительной причине не мог трудиться на производстве, стройке, в госпиталях, работали дома, как, например, моя мама Анфиса Елизаровна. Одна, с ребёнком на руках она сутками вязала носки, варежки для солдат, шила рубашки, гимнастёрки, воротнички... вспоминала, что пальцы сводило от вязальных спиц... (ред.) Помогали фронту все, кто чем мог. И делали это с душой, любовью и с одним желанием: победить фашизм. Поэтому двойне больно, что выползают, как гадюки, сейчас те, кто пытается переписать историю, очернить русского человека и приписывая победу агрессорам. Хочется верить, что разум россиян не затмится. И наша книга станет маленькой лептой о великих людях.

Книга прочитана. Но это не значит, что она будет лежать «мёртвым грузом», мы уверены, что

сегодняшние и будущие поколения будут читать её снова и снова. Как читали мы, готовившие первоуральскую летопись: с комком в горле, порой со слезами, с восхищением. А по другому невозможно, потому что в ней живая история, реальные люди: мужественные, преданные своей стране и народу, идущие на смерть ради мирной жизни, не жалевшие себя не только на фронте, но в тылу. Для людей военного времени книга — как память о юности, как целая жизнь нестирающихся переживаний. Главное из всего, что было, — это четыре года между жизнью и смертью, когда каждый день, каждый час мог стать последним.

Книга называется «У Победы наши лица», лица первоуральских воинов, их воспоминания, письма, стихи, фотографии. К большому сожалению, нам не удалось приложить фотографии ко всем текстам: многих уже нет в живых... Время уходит, исчезает, как вода сквозь пальцы. Но остаётся память.

Память — это бережно сохраняемые потомками пожелтевшие снимки, треугольники солдатских писем, это бесценные документы истории Великой Отечественной войны. Но нельзя забывать те ужасы, которые война принесла людям. Нельзя забывать тех, кто отдал войне свою жизнь ради того, чтобы мы сейчас жили.

Читаем книгу вместе

ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ

Не забывай те грозные года,
Когда кипела волжская вода,
Земля тонула в ярости огня
И не было ни ночи и ни дня.
Сражались мы у волжских берегов.
На Волгу шли дивизии врагов.
Но выстоял великий наш солдат,
Но выстоял бессмертный Сталинград!
Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым —
Поклонимся и мёртвым, и живым,
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!..
Всем миром, всем народом, всей землей
Поклонимся за тот великий бой.
Сомкнули мы вокруг врагов кольцо,
Мы полыхнули гневом им в лицо...

Февраль российский саван из снегов
Стелил, стелил для вражеских полков.
Окончен тот великий смертный бой,
Синеет мирно небо над тобой,
Над вечной нашей матушкой-рекой,
Над славною солдатской головой...

Михаил Львов

Иллюстрация на обложке — фрагмент картины В. Ушакова «День Победы». Холст, масло. 1988.

Фото на обложке из фондов РГАКФД. Автор Бадайлов, «Советские под-
ростки А. Косицын и К. Шестакова на производстве снарядов. 1943 год».

Аннотация РГАКФД: «Молодые стахановцы Н-ского завода боеприпасов
А. Косицын и К. Шестакова за работой по обработке корпусов снарядов».

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ БЕССМЕРТНА.....	3
ЕЙ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО ОНА – РОССИЯ	
<i>Л. Татьяничева</i>	7
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	
В ЦИФРАХ И ФАКТАХ.....	9
ПОСЛЕ АТАКИ	
<i>А. Н. Лозневой</i>	14
К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА	
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	
<i>И. Т. Губко</i>	15
И ЗАГОВОРИТ ПОРТРЕТ	
<i>Е. Невьянцева</i>	19
ВРАГ НЕ ПРОЙДЁТ	
<i>Л. Барышева</i>	35
ЖИЗНЬ И СУДЬБА	
<i>Н. А. Сухих</i>	38
ГОВОРЯТ: «ОТПРАВЛЯЕМ ВАС НА ФРОНТ!»,	
А МЫ И РАДЁХОНЬКИ!	
<i>П. П. Казанцев</i>	51
ОЖОГ	
<i>В. Станцев</i>	71

МНОГОЕ ИЗ ТОГО, ЧТО Я МОГУ ВСПОМНИТЬ, –
ЭТО ДЕТСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ...

О. Г. Никифоров..... 72

ЭТО НЕ РАССКАЗАТЬ. ЭТО НАДО
ПРЕДСТАВИТЬ!

Н. М. Борисов 85

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Л. Зазерский..... 99

НЕТ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ПЕЧАЛЬНОЙ МЕТЫ ИЗ
ПОКОЛЕНЬЯ СТАРШЕГО ЛЮДЕЙ...

Н. К. Красовская 100

НЕ ДАЙ БОГ ПОВТОРЕНИЯ ЭТОГО!

В. С. Васильева 117

ЕСТЬ У МЕНЯ ТАКОЕ КАЧЕСТВО ХАРАКТЕРА:
МНЕ ВСЁ НАДО ДЕЛАТЬ ЛУЧШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ...

Г. И. Беляева.....134

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ПОТЕРЬ И ОБРЕТЕНИЙ

Л. П. Субботина 157

...ОНИ, ПРОЙДЯ БАРАКИ И «КОЛЮЧКУ»

М. Гордиенко166

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

А. Сердюк.....167

РАДОСТЬ СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

З. А. Аликина169

ГОСПИТАЛИ

Книга памяти города Первоуральска173

И НА ВОЙНЕ СОВЕРШАЛИСЬ ЧУДЕСА...

З. С. Гасилова174

НАС К РАБОТЕ С ДЕТСТВА ПРИУЧИЛИ

В. Суслов179

РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ №6

Книга памяти города Первоуральска 180

ВОТ ТАК МЫ И ЖИЛИ: ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ...

М. Ф. Бурков 182

ВСЮ ВОЙНУ ЗА СТАНКОМ ПРОСТОЯЛ...

Ю. В. Круглов197

ЦВЕТЫ ДЛЯ ОТЦА

Л. С. Дьяков202

ПИСЬМО

Л. Татьяничева206

ПИСЬМА С ФРОНТА

Н. П. Кормальцев 207

В ПАМЯТИ НАВСЕГДА...

П. М. Демидов214

ЭХО ВОЙНЫ

М. С. Попов217

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ»	222
С. К. НИКУЛИН	
Ульяна Чухарева	223
Л. А. БАРЫШЕВ	
Иван Караваев	226
Ф. М. ЯЧМЕНЁВ	
Кирилл Воробьёв	227
П. БУЙЛОВ	
Алиса Альмухаметова	229
И. В. ЮЖАНИНОВ	
Юлия Зюзина	230
Б. К. ЗАТЁСОВ	
Ульяна Кудашева	233
Н. Г. ГАЙФУЛЛИН	
Артём Махнёв	237
З. А. ШАНИНА	
Данил Русаков	238
И. А. НЕКЛЮДОВ	
Илья Малахов	240
Г. МИНДИЯРОВ	
Эльдар Минибаев	242
А. П. КУЗНЕЦОВ	
Полина Снигирева	244

М. А. СМЕРНОВА	
<i>Анастасия Голубятникова</i>	248
И. В. КАРДАШИН	
<i>Матвей Мосунов.....</i>	251
Е. В. ЧЕРНОУС	
<i>Юлия Черный</i>	253
М. П. КОРМИЛЬЦЕВ	
<i>Иван Зуев</i>	256
И. Д. КОСТЫРЕВ	
<i>Дорофей Костырев</i>	264
А. П. КОРОТЧЕНКО	
<i>Кирилл и Роман Суловы</i>	265
Г. ШИГАБУТДИНОВ	
<i>Александр Шигабутдинов.....</i>	267
П. Е. НЕКРАСОВ	
<i>Леонид Глушков</i>	268
В. И. АШИХМИН и А. Н. АШИХМИНА	
<i>Евгений Демин</i>	273
П. А. РЕПИН	
<i>Мария Цалер.....</i>	277
М. И. ДОРОНИН и А. И. ДОРОНИНА	
<i>Макар Жуков</i>	280

М. М. КУТУЗОВА	
<i>Татьяна Щербакова.....</i>	<i>284</i>
СУДЬБА, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ	
Г. П. ДЕСЯТОВ	
<i>Анастасия Щербакова,</i>	
<i>Надежда Коробова.....</i>	<i>288</i>
БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ БУДУЩЕГО	293
МНЕ ИНТЕРЕСНО, КАКОЙ ВКЛАД	
В ИСТОРИЮ ВНЕСЛИ МОИ РОДСТВЕННИКИ	
<i>Александр Худяков.....</i>	<i>295</i>
ЭПИЛОГ... ..	311
ПОКЛОНИМСЯ ВЕЛИКИМ ТЕМ ГОДАМ	
<i>Михаил Львов</i>	<i>313</i>

